

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 4 (15) / 2019

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2019

№ 4 (15) / 2019 / ДЕКАБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики, директор Института истории и филологии Вологодского государственного университета ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Института истории и филологии ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель (учитель русского языка и литературы) ГБОУ Школа № 597 «Новое поколение» (Москва),

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 4 (15) / 2019

Series: History and Philology

VOLOGDA
2019

No. 4 (15) / 2019 / December. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Director of the Institute of History and Philology, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vice Director of Institute of History and Philology, Vologda State University

Ludmila V. Yegorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Acting Head of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Russian Language and Literature Teacher at School No 597 «New Generation» (Moscow)

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 202a, S. Orlov Street, 6, Vologda, 160000

Tel.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

E-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА (АОИРС) И ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (ОИОГ)	7
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дианова Е.В.</i> ВОЛОГОДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И МЕТРИЧЕСКАЯ РЕФОРМА	11
<i>Зенкова О.Б., Копытков В.В., Пишеницын Д.А.</i> НАЧАЛО «ДАЛЬНЕЙ ДОРОГИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА	16
<i>Карпов С.Г.</i> УЧАСТИЕ ОПЕРАТИВНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОТРЯДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КОНЦЕ 1970-х – 1980-е гг.	23
<i>Кочешков Г.Н., Клочко К.В.</i> ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ПЕРВЫЙ ГОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	27
<i>Кузнецова О.Н.</i> МИНИСТЕРСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ.....	30
<i>Попов С.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦВЕТНЫХ БЛАНКОВ ПАСПОРТНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)	35

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

<i>Егорова Л. В.</i> О ТАТЬЯНЕ АНДРЕЕВОЙ.....	39
<i>Андреева О.Ю.</i> ГРЯЗОВЕЦ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВОЙ	44
<i>Халилов М.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ Т. АНДРЕЕВОЙ.....	46
<i>Юрова Н.М.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОИСТОЧНИКУ	48
<i>Андреева Т.А., Егорова Л.В.</i> ВСЛУШИВАЯСЬ ВО ВРЕМЯ.....	51
<i>Трикоз Э.Л., Анфимова О.Н., Ефремова Л.Л.</i> ДРУЖБА ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ: ВАСИЛИЙ БЕЛОВ, ФЁДОР АБРАМОВ, ВИКТОР АСТАФЬЕВ.....	55
<i>Гладких С.А.</i> ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ДЗЯДЫ»).....	66
<i>Марков А.В.</i> ПРОДУКТИВНАЯ КАТАХРЕЗА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ АННЫ ПРИСМАНОВОЙ.....	72
<i>Обухова Е.А.</i> НАТУРАЛИЗМ В ИСКУССТВЕ В ПОЛЕМИКЕ В.В. НАБОКОВА С Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДОМ	77
<i>Черкасов В.А.</i> КРИТИКА БЕЛИНСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ ХОДАСЕВИЧА (ОЧЕРК «ГРАФИНЯ Е.П. РОСТОПЧИНА: ЕЕ ЖИЗНЬ И ЛИРИКА»)	81

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Крохина А. И.</i> ПЕРВИЧНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА	84
<i>Назарова А.Е.</i> О ВЛИЯНИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ.....	90
<i>Никитин О.В.</i> «ОПЕРЕЖАЛ СВОЁ ВРЕМЯ»: ФИЛОЛОГ-СЛАВИСТ Н.А. КОНДРАШОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.Н. ТАТИЩЕВА	93
<i>Селиванова И.В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОЖДЕСТВЕНСКИХ РЕЧЕЙ ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ)	98
<i>Фаткабрарова Ю.М.</i> ЯЗЫК, РАЗУМ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ)	102

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Довыденко Л. В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ Л.Г. ЯЦКЕВИЧ: СЛОВО О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ. Вологда, 2011. 272 с., КВАСЮНИНСКАЯ ПОГОВОРОЧКА: ЯЗЫК МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА. Вологда, 2017. 168 с.	105
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛУЦЕНКО Е.М. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2017. 120 с. (Школа вдумчивого чтения)	108
<i>Ермолин Е.А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯКУШЕВА Л.А. ФОН И ФИГУРА: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ: монография. Вологда: ВоГУ, 2019. 159 с.	110
<i>Саблин В.А.</i> ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ М.Н. ГЛУБОКОВСКОГО (1857–1903).....	111
<i>Саблин В.А.</i> О ТРАГЕДИИ ПОГИБШИХ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТУРУБАНОВ А.Н. ИСЧЕЗНУВШЕЕ СЕЛО. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОБРЫ. М., 2017. 127 с.	113
НЕКРОЛОГ. <i>Памяти Маргариты Александровны Вавиловой (1930–2019)</i>	114
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	116

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> ORGANIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA. THE PRACTICE OF THE LOCAL HISTORY SOCIETIES IN ARKHANGELSK AND OLONETS PROVINCES: ARKHANGELSK SOCIETY FOR THE STUDY OF THE RUSSIAN NORTH (AOIRS) AND SOCIETY FOR THE STUDY OF OLONETS PROVINCE (OIOG)	7
---	---

HISTORY

<i>Dianova E.V.</i> VOLOGDA COOPERATION AND METRIC REFORM	11
<i>Zenkova O.B., Kopytkov V.V., Pshenitsyn D.A.</i> THE BEGINNING OF PITIRIM SOROKIN'S «LONG ROAD»	16
<i>Karpov S.G.</i> PARTICIPATION OF KOMSOMOL OPERATIONAL UNITS OF VOLOGDA OBLAST IN PUBLIC ORDER ENFORCEMENT AND CRIME CONTROL IN THE LATE 1970s-1980s	23
<i>Kocheshkov G.N., Klochko K.V.</i> HOMELESS CHILDREN IN THE FIRST YEAR OF THE CIVIL WAR (ON THE MATERIAL OF YAROSLAVL PROVINCE)	27
<i>Kuznetsova O.N.</i> MINISTRY OF FOOD OF THE RUSSIAN PROVISIONAL GOVERNMENT: THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT	30
<i>Popov S.A.</i> THE USE OF COLOR PASSPORT FORMS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES (ON THE MATERIAL OF VOLOGDA PROVINCE)	35

LITERATURE STUDY

LITERARY VOLOGDA TODAY

<i>Yegorova L.V.</i> ON TATYANA ANDREYEVA	39
<i>Andreyeva O.Yu.</i> GRYAZOVETS IN TATYANA ANDREYEVA'S LIFE AND WORKS	44
<i>Khalilov M.G.</i> TIME PERCEPTION IN TATYANA ANDREYEVA'S PROSE WRITINGS	46
<i>Yurova N.M.</i> BACK TO THE ORIGINAL	48
<i>Andreyeva T. A., Yegorova L. V.</i> LISTENING TO THE TIME	51
<i>Trikoz E.L., Anfimova O.N., Efremova L.L.</i> OUTSTANDING PEOPLE'S FRIENDSHIP: VASILY BELOV, FYODOR ABRAMOV, VICTOR ASTAFIEV	55
<i>Gladkikh S.A.</i> ETHNIC STEREOTYPES IN ADAM MICKIEWICZ'S WORKS (ON THE EXAMPLE OF THE POEM "DZIADY")	66
<i>Markov A.V.</i> PRODUCTIVE CATACHRESIS IN ANNA PRISMANOVA'S PROSAIC BILINGUALISM	72
<i>Obukhova E.A.</i> NATURALISM IN ART AS THE SUBJECT OF VLADIMIR NABOKOV'S POLEMIC WITH YULY AYKHENVALD	77
<i>Cherkasov V.A.</i> CRITICISM OF VISSARION BELINSKY IN INTERPRETATION OF VLADISLAV KHODASEVICH (ESSAY "COUNTESS E.P. ROSTOPCHINA: HER LIFE AND LYRICS")	81

LINGUISTICS

<i>Krokhina A. I.</i> PRIMARY ASSIMILATION OF FOREIGN LANGUAGE TERMS IN RUSSIAN WITH THE EXAMPLE OF PROFESSIONAL VOCABULARY OF INTERNET MARKETING	84
<i>Nazarova A.E.</i> INFLUENCE OF SPOKEN LANGUAGE ON LITERARY ONE: SUPERLATIVE DEGREE FORMATION	90
<i>Nikitin O. V.</i> "AHEAD OF HIS TIME": SLAVIST-PHILOLOGIST N.A. KONDRASHOV AS A RESEARCHER OF V.N. TATISHCHEV'S LINGUISTIC HERITAGE	93
<i>Selivanova I.V.</i> METAPHOR FUNCTIONING IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE SPANISH KING'S CHRISTMAS MESSAGES)	98
<i>Fatkabrarova Yu.M.</i> LANGUAGE, MIND AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE (CURRENT THEORIES REVIEW)	102

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Dovidenko L.V.</i> BOOKS REVIEW: Yatskevich L.G. REFLECTIONS ON HOME VILLAGE. VOLOGDA, 2017. 272 p., KVASYUNINSKAYA POGOVOROCHKA: THE LANGUAGE OF MINOR FOLKLORE GENRES. VOLOGDA, 2017. 168 p.	105
<i>Yegorova L.V.</i> BOOK REVIEW: LUTSENKO E.M. A GUIDE TO W. SHAKESPEARE'S "ROMEO AND JULIET": A MANUAL. Moscow: Moscow University Press, 2017. 120 p. (School of Thoughtful Reading)	108
<i>Ermolin E.A.</i> BOOK REVIEW: YAKUSHEVA L.A. BACKGROUND AND FIGURE: PROVINCIAL STORIES. Vologda: Vologda State University, 2019. 159 p.	110
<i>Sablin V. A.</i> READINGS IN MEMORY OF M.N. GLUBOKOVSKY (1857–1903)	111
<i>Sablin V.A.</i> TRAGEDY OF DISAPPEARED RUSSIAN VILLAGES. BOOK REVIEW: TURUBANOV A.N. A DISAPPEARED VILLAGE. AN OUTLINE OF KOBRA HISTORY. Moscow: 2017. 127 p.	113
Obituary: In memory of M.A. Vavilova (August 8, 1930 – November 16, 2019)	114
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики,
директор Института истории и филологии
Вологодского государственного университета*

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА (АОИРС) И ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (ОИОГ)

Начало промышленной модернизации Европейского Севера России в конце XIX – начале XX в. породило общественный интерес к истории освоения природных богатств приарктических территорий Русского Севера. 14 декабря 1908 г. было создано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС) – с целью «изучать Русский Север преимущественно в отношении историческом, географическом, научном, бытовом, культурном и экономическом; привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям Северного Края, а также – содействовать проведению в жизнь необходимых для края улучшений». Примечательно, что первым председателем правления Общества стал архангельский вице-губернатор А.Ф. Шидловский, – талантливый ученый, историк, библиограф, исследователь Заполярья и естествоиспытатель.

Устав Общества предусматривал как индивидуальное, так и коллективное членство. В разные годы в Общество входили Архангельская городская дума, Архангельское отделение Русского для внешней торговли банка, Архангельское отделение Санкт-Петербургского международного коммерческого банка, Союз архангельских лесопромышленников, капитаны пароходств, купцы, инженеры, работники губернской администрации, крестьяне, промысловики и студенты самой Архангельской губернии, Санкт-Петербурга, Москвы и многих других городов России.

К 1909 г. Общество насчитывало в своих рядах более 600 человек. В правление входили архангельский городской голова (1903–1914) Я.И. Лейцингер, старший специалист по рыболовству Г.Ф. Гебель, заведующий рыбными промыслами Архангельской губернии Н.А. Смирнов, инженер путей сообщения П.Г. Минейко, ветеринарный инспектор С.В. Керцелли, капитаны судов И.П. Ануфриев, И.П. Бурков, И.Ф. Вальнев, П.П. Гринфельд.

В 1910 г. Общество выпускает составленные А.Ф. Шидловским «Указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере и опись старых дел Архангельских губернских присутственных мест с 1710–1725 г.» и библиографический указатель трудов по освоению Новой земли, – «Библиографический указатель литературы о Севере по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Санкт-Петербург: типография Морского министерства, 1910: Новая Земля: Указатель отдельных

трудов, статей и заметок русских ученых, путешественников и писателей».

Я.И. Лейцингер (1855–1914)

По инициативе Общества 11 августа 1910 г. в Архангельске открылась выставка «Русский Север», которую посетило более 3200 человек. На основе ее экспозиции в здании мужской гимназии по инициативе Общества был организован музей.

Открытка Я.И. Лейцингера

В 1911 г. в Архангельской губернии была выпущена первая серия открыток с видами Севера (фотографии В.В. Переплетчикова, И. Соберга, Я. Лейцингера, Р. Околова, Д. Руднева, Н. Неверова).

Председателем Общества к тому времени стал инженер путей сообщения П.Г. Минейко.

П.Г. Минейко (1868–1920)

В 1913–1914 гг. были открыты Поморское (Поморско-Мурманское), Сорокско-Карельское, Виремское отделения Общества и, что примечательно, создается отделение в уездном городе Усть-Сысольск Вологодской губернии.

В 1916 и 1917 гг. в рамках Общества действовало 10 комиссий – музейная, выставочная, по исследованию морских рыбных и зверовых промыслов, по изданию путеводителя по Северу, по собиранию и сохранению народных песен, по изданию открыток «Русский Север», по введению земства в Архангельской губернии, по отысканию следов экспедиций В.А. Русанова (1875–1913) и Г.Л. Брусилова (1884–1914), по путям сообщения, по родоноведению (краеведению).

Летом 1917 г. в помещении архангельской мужской гимназии состоялась очередная выставка «Русский Север», на которой демонстрировались картины, рисунки, фотографии и более 300 экспонатов «русской исторической и этнографической старины». Посетителей особенно привлекала коллекция женской одежды, головных уборов, крестов, золотного шитья, принадлежащая писателю, фольклористу, публицисту и художнику Б.В. Шергину (1893–1973). Почти вся выручка от посещения выставки была «отчислена в пользу раненых».

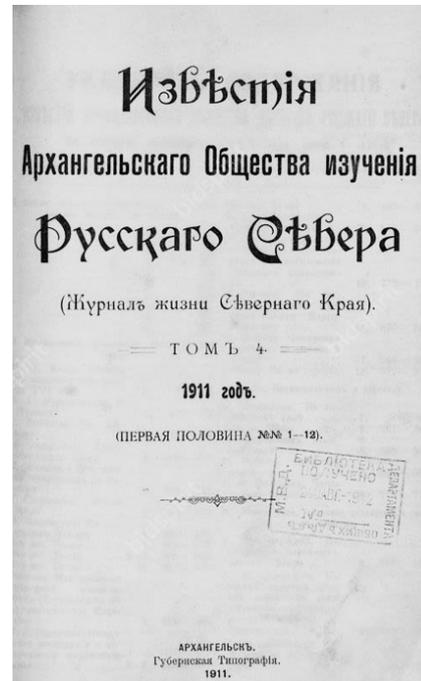
В последние годы своей деятельности Общество учредило именные стипендии для ученых-краеведов и премию за лучший научный труд в области изучения Севера. Премия носила имя И.И. Данишевского (1870–1954), инициатора создания «Северо-Океанского акционерного общества пароходства и торговли братьев Данишевских», в 1917 г. управляющего делами Архангельского губернского торгово-промышленного союза.

В годы Гражданской войны в 1919 г. отделение общества было создано на Мурмане. Первое собрание отделения состоялось 6 апреля 1919 г.

После установления Советской власти общество продолжало заниматься краеведением, вопросами освоения Севера. Прекратило деятельность в конце 1920-х гг.

В первый год деятельности, 15 мая 1909 г., был учрежден печатный орган Общества: «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (журнал жизни северного края)», который выходил до конца 1919 г. Издание поддерживалось «пожертвователями» – Союзом архангельских лесопромышленни-

ков, Архангельской городской думой, Олонецким губернским земством и частными лицами. До 1912 г. единственным редактором журнала был В.А. Ленгауэр. В 1912 г. была создана редакционная комиссия: В.А. Ленгауэр, А.Е. Суровцев, И.В. Галецкий, В.В. Бартенев и Е.А. Сухин. Состав комиссии менялся каждый год. В 1915 г. В.А. Ленгауэра сменил на посту главного редактора И.Т. Андреев.

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Т. 4. 1911 г.

Примечательно, что статьи из «Известий» часто перепечатывались в журналах «Русские ведомости», «Русское судоходство», «Сельский хозяин» и др.

Часть материалов журнала была издана отдельными оттисками. К примеру: Журавский А.В. Приполярная Россия: Нефть в бассейне Печоры. – Архангельск, 1908; Крамер Ю. Ненокский соляной промысел. – Архангельск, 1909; Наставление для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыки. Архангельск, 1916; Попов А.Н. Мелочи архиерейской жизни XVII–XVIII вв.: Из прошлого Архангельской епархии. – Архангельск, 1914; Спаде К.Ю. Северные рыбные промыслы и неотложные меры к их развитию. – Архангельск, 1911; Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье: Очерк из быта поморов. – Архангельск, 1912 и др.

Начиная с 1910 г. в «Известиях» стал печататься «Библиографический указатель литературы по Северу».

В 1914 г. Главное Управление Земледелия и Землеустройства и Главное Управление Военно-учебных заведений рекомендовали «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» к пополнению библиотек подведомственных у учебных заведений.

В начале XXI в. продолжить деятельность «Архангельского общества изучения Русского Севера» попыталось добровольное культурно-просветительное общество «НОРД». В 2009 г. в год столетнего юбилея

со дня выхода первого номера журнала «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера» общество «НОРД» решило издавать свой журнал «Известия Русского Севера». Идею поддержали Архангельская областная ассоциация краеведческих общественных организаций, Архангельское отделение Русского географического общества, Архангельское региональное общественное отделение Российского общества историков-архивистов. В Совет журнала входили известные исследователи: доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕНЮ В. Кудряшов, кандидат философских наук А.В. Личутин, почетный доктор ПГУ имени М.В. Ломоносова, писатель-историк, почетный гражданин городов Архангельска и Шенкурска Е.И. Овсянкин, доктор исторических наук, профессор ПГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Репневский, доктор исторических наук, профессор ПГУ имени М.В. Ломоносова С.И. Шубин и др.

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 15. 1911 г.

В августе 1911 г. А.Ф. Шидловский был переведен вице-губернатором в Олонецкую губернию и через два года его трудами и заботами в Карелии было создано еще одно краеведческое общество. 9 августа 1912 г. состоялась регистрация общества и его устава, а 18 апреля 1913 г. в Петрозаводске состоялось торжество по поводу открытия Общества изучения Олонецкой губернии (ОИОГ). Были избраны председатель общества А.Ф. Шидловский, а также правление, в состав которого вошли секретарь губернской земской управы С.А. Левитский, ставший секретарем Общества, старший советник губернского правления И.И. Благовещенский, протоиерей, ректор семинарии Н.К. Чуков, горный инженер Б.Н. Михайлов, непременный член губернского присутствия В.В. Ушаков и горный инженер, помощник горного начальника А.П. Галченко.

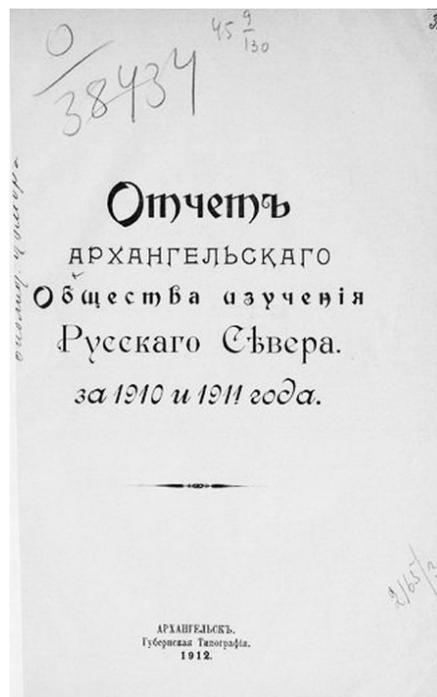
В качестве главной цели своей деятельности Общество изучения Олонецкой губернии предполагало

изучать Олонецкую губернию преимущественно в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, бытовом, культурном и экономическом, привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям этой губернии, а также содействовать проведению в жизнь необходимых для нее улучшений. Программа деятельности выходила за рамки Олонецкой губернии и предполагала изучение сопредельных Вологодской, Архангельской и Новгородской губерний. Исследовались история, археология, география, этнография, фольклор, литература, экономика, статистика, различные отрасли биологии обширнейшего региона.

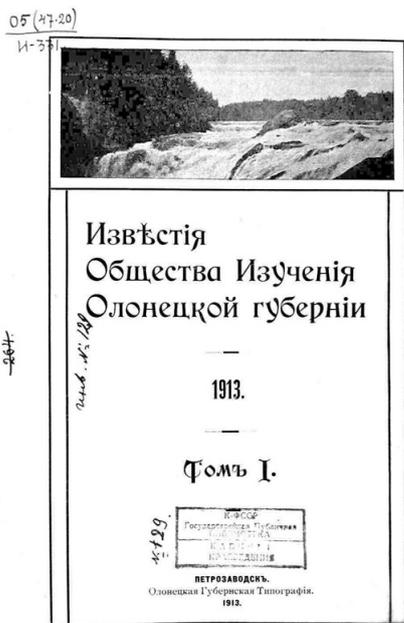

А.Ф. Шидловский (1863–1942)

Средства Общества формировались за счет субсидий от правительства и земств (до 70%), членских взносов, доходов от издательской деятельности.

Отчет Архангельского общества изучения Русского Севера за 1910–1911 гг.

*Известия Общества изучения Олонецкой губернии.
Т. I. 1913 г.*

*Известия Общества изучения Олонецкой губернии.
№ 6-8. 1916 г.*

К концу 1914 г. в Обществе состояло 500, к 1918 г. уже 600 человек: землемеры, горные инженеры, инженеры путей сообщения, техники, чиновники губернского правления, врачи, преподаватели гимназии и семинарии, начальник тюрьмы, полицмейстеры, купцы и торговцы, специалист по культуре болот, агрономы, священники, акцизные сборщики, лесопромышленники, петрозаводский городской голова, председатель окружного суда, судебный следователь, волостные писари, лесничие, статистики и многие другие. Активными участниками ОИОГ были известные ученые и краеведы (К.А. Докучаев-Басков, Д.В. Островский, А.А. Бернацкий, В.И. Крылов, В.П. Мегорский, Н.С. Шайжин и др.). Предусматривался институт почетных членов общества, в числе которых были крупнейшие отечественные ученые А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, А.А. Иностранцев, Е.В. Барсов и др.

Результаты научно-краеведческой работы Общества отражались в издававшемся журнале «Известия Общества изучения Олонецкой губернии» (1913–1917). Журнал имел 8 выпусков в год (всего вышло 20 выпусков).

Была создана и библиотека общества, куда поступали книги от членов Общества, олонецкого земства, из Олонецкого губернского правления, из причтов и монастырей Олонецкой епархии. Общество наладило обмен изданиями с 62 научными организациями страны.

В 1913 г. Олонецкое губернское земство и Общество изучения Олонецкой губернии выступили инициаторами создания нового краеведческого «Романовского» музея (посвященного 300-летию Царствующего Дома Романовых). Однако строительство здания музея и работа по формированию его фондов были прерваны начавшейся Первой мировой войной.

С октября 1914 г. в ведение Общества переходит уже существующий Олонецкий губернский естественно-промышленный и историко-этнографический музей. Фонды обоих музеев были объединены и размещены в доме губернатора. Интересно отметить, что при музее был организован отдел, посвященный событиям Первой мировой войны.

Деятельность Общества прекратилась в связи с революционными событиями в стране. В конце 1917 г. был закрыт журнал «Известия Общества изучения Олонецкой губернии». В феврале 1918 г. музей был передан в распоряжение губернского комиссариата по народному просвещению, а в апреле 1918 г. было ликвидировано и само Общество.

В 1920-е гг. будут предприняты попытки возродить краеведческое движение в стране, придать ему новые формы и наполнить новым содержанием. На первых порах оказался востребованным и опыт деятельности дореволюционных краеведческих обществ. Характер организации научных краеведческих исследований в эти годы на Европейском Севере по этой причине вызывает особый интерес.

УДК 94(470.12)

Е.В. Дианова

Петрозаводский государственный университет

ВОЛОГОДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И МЕТРИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

В статье рассматривается проведение метрической реформы в Вологодской губернии с участием кооперативных организаций. На основе опубликованных источников и архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, описывается деятельность вологодских кооперативных союзов по введению метрической системы, популяризации новых мер среди населения, обучению и подготовке работников к использованию десятичных мер в хозяйственной работе.

Старые русские меры, Международная метрическая десятичная система мер, метрическая реформа, кооперация, кооперативы.

Революция 1917 г. и установление советской власти способствовали политической и социально-экономической модернизации России. В русле радикальных преобразований и ломки прежних устоев жизни в стране началось введение метрической десятичной системы измерений, отменявшей привычные для народа старые русские меры. Метрическую реформу можно рассматривать как социальную инновацию и присущий нововведениям процесс, «связанный с переходом в качественно иное состояние и сопровождающийся тщательным пересмотром устаревших и норм» [19, с. 185].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть основные формы участия кооперативных организаций Вологодской губернии в проведении метрической реформы. Новизна исследования состоит в том, что решение данной проблемы осуществляется на основе периодической печати и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот.

Как известно, 11 сентября 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «О введении международной метрической десятичной системы мер и весов». Декрет определил «положить в основание всех измерений, производимых в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, Международную метрическую систему мер и весов с десятичными подразделениями и производными» и «принять за основу единицы длины метр, а за основу единицы веса (массы) килограмм». Всем советским учреждениям и общественным организациям вменялось в обязанность приступить к введению метрической системы мер и весов с 1 января 1919 г. К 1 января 1922 г. большевики намеревались завершить переход к метрической системе, прекратить изготовление весов и гирь русской меры, а с 1 января 1923 г. – и их продажу. С 1 января 1924 г. планировалось «воспретить применение всяких мер и весов, кроме метрических» [7, с. 306, 307].

Успешное внедрение инновации зависит от наличия благоприятных социально-экономических и политических условий в обществе. Во время Гражданской войны осуществить переход на метрическую систему не удалось, поэтому метрическая реформа затянулась на целое десятилетие.

В период политики «военного коммунизма» снабжение населения продуктами через распределительные пункты и единые потребительские общества осуществлялось в старых мерах веса, так как пайковые нормы были установлены в фунтах и золотниках. С введением продразверстки потребительская кооперация участвовала в заготовках продуктов сельского хозяйства по заданиям Народного комиссариата продовольствия. При проведении продразверстки сбор и учет продовольственных излишков, зерна, фуража и других видов сельхозпродукции производились в старых мерах – фунтах и пудах. Например, Вологодскому губернскому продовольственному комитету в ходе выполнения «масляной» повинности на 1 июля 1920 г. кооперативные союзы сдали 11 807 пудов 27 фунтов сливочного масла. Вологодский губернский союз северных кооперативов «Северосоюз» и его отделения передали продовольственным органам 17 619 пудов 24 фунта молока и 221 пуд 30 фунтов сметаны, с учетом перевода этих продуктов в масло всего по продразверстке «Северосоюз» заготовил 12 618 пудов 37 фунтов масла [16, № 23–24, с. 30].

В годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции среди населения осуществлялся сбор продовольствия и подарков для Красной армии. В феврале 1920 г. в Вологде во время проведения Недели раненого красноармейца служащие и курсанты первых советских пехотных курсов командного состава решили отчислить в пользу больных и раненых воинов Красной армии однодневный паек. В комиссию по сбору пожертвований ими были переданы

продукты: хлеб – 22 пуда 23 фунта 8 золотников, сахар – 3 пуда 15 фунтов 92 золотника. В деревнях Березниковской волости Вологодского уезда в Неделю раненого красноармейца было собрано 16 пудов 20 фунтов картофеля, 5 пудов муки, 20 пудов ржи, 2 пуда 20 фунтов овса и 30 фунтов крупы [14, с. 3, 4]. Как видим, учет продуктов производился в старых русских мерах.

С переходом к нэпу восстанавливались товарно-денежные отношения и обмен между городом и деревней. В оптовой и розничной торговле товары отпускались по-прежнему в старых русских мерах, соответственно и цены на вольном рынке устанавливались за пуд, фунт или аршин. В условиях новой экономической политики продолжилось введение метрической системы, но, учитывая все обстоятельства, советское правительство продлило переходный период на новую систему мер. По декрету СНК РСФСР «Об отдалении срока введения метрической системы» от 29 мая 1922 г., переходный период на новую систему мер продлевался до 1 января 1927 г. [18, ст. 417].

Информация об этапах проведения метрической реформы сообщалась в государственной и кооперативной печати, крестьянских календарях, где публиковались инструкции Междуведомственной метрической комиссии, затем с 5 июня 1925 г. – Центральной метрической комиссии, разъяснялось содержание законов о введении десятичных мер. Так, в журнале «Кооперация Севера» регулярно печатались материалы, знакомявшие население Вологодской губернии с мероприятиями по введению метрических мер веса, длины, объема, площади и поэтапным планом реализации метрической реформы в различных ведомствах.

Согласно поэтапному плану, к 1 января 1923 г. метрические меры веса, длины и объема должны были быть введены в Наркоматах внешней и внутренней торговли и Наркомате здравоохранения. С 1 января 1923 г. десятичные меры веса вводились в Наркомате путей сообщения, Народном комиссариате по военным и морским делам (Наркомвоенморе). К 1 января 1925 г. новые меры веса должны были быть введены в ВСНХ и прочих наркоматах. Также с 1 января 1923 г. в Наркомате путей сообщения (за исключением сменных верстовых столбов на километровые), в Наркомвоенморе, ВСНХ и прочих наркоматах вводились десятичные меры длины. С 1 января 1923 г. до 1 января 1925 г. во всех наркоматах и ВСНХ осуществлялся переход на десятичные меры объема. В Народном комиссариате земледелия и во всех прочих отраслях введение новых мер длины откладывалось до 1 января 1925 г. В бухгалтерии метрическая система вводилась с 1 октября 1926 г. [9, № 5, с. 114–115].

В плане предусматривался постепенный переход к новым мерам веса в различных отраслях торговли и промышленности в зависимости от вида товарной продукции. По проекту Наркомвнуторга к 1 октября 1923 г. метрическая система должна была быть введена в оптовой и розничной крахмально-паточной и электротехнической торговле; к 1 января 1924 г. – в оптовой текстильной торговле и масляной промышленности; к 1 марта 1924 г. – в табачной, чайно-кофейной и дрожжевой промышленности и торговле. К 1 июля 1924 г. на метрическую систему должны были перейти розничная текстильная торговля, а так-

же консервная, пивоваренная, кожевенная, химическая, силикатная, металлическая, топливная и горная отрасли промышленности. К 1 августа 1924 г. новые меры вводились в кондитерской и сахарной промышленности, в торговле мукой, зерном и солью. При этом под торговлей мукой не подразумевалась крестьянская рыночная торговля и торговля с возов на базарах. К 1 января 1927 г. в розничной торговле новые меры веса должны были быть введены полностью и повсюду.

Во всех перечисленных видах промышленности метрическая система вводилась как обязательная в бухгалтерии, счетоводстве, и отчетности с начала оперативного года в данной промышленности до конца 1924 г. Кожевенные товары, поступающие из-за границы в квадратных измерениях, измерялись в прежних мерах (в футах) до особого постановления [9, № 17–18, с. 116, 118, 127].

Метрическая комиссия Народного комиссариата внутренней торговли (Наркомвнуторга) утвердила сроки поэтапного введения различных мер во всех видах государственной, кооперативной и частной оптовой и розничной торговли. С 1 января 1923 г. в оптовой торговле всех видов вводились десятичные меры длины и объема, с 1 января 1926 г. – десятичные меры веса. К 1 января 1925 г. меры длины и объема вводились в розничной торговле. Сроки введения метрических мер в розничной торговле в городской или сельской местности отличались друг от друга. В городах метрическая система вводилась с 1 июля 1926 г., в сельской местности – с 1 ноября 1926 г. Данные сроки были обязательными для государственной, кооперативной и частной розничной торговли, производимой как в закрытых помещениях, так и с лотков, на рынках, базарах, в палатках и других торговых точках [8, № 13–14, с. 6].

Введение новых десятичных мер привело к замене измерительного оборудования. За основание единицы длины торговые точки принимали метр, за основание единицы массы – килограмм. Расценка товаров назначалась за 1 кг, 500 и 100 грамм. Все предприятия и лица, занимавшиеся розничной торговлей, должны были иметь весы, гири и прочие меры в метрической системе, снабженные клеймами поверочных палат [8, № 13–14, с. 7].

При переходе на десятичные меры в низовой кооперативной сети Вологодской губернии возникла проблема приобретения метрических измерителей. А между тем журнал «Кооперация Севера» предупреждал, что «опоздание в приобретении полного комплекта измерителей (гирь, метра, мер емкости, весов) может повлечь за собой отдаление момента перехода на метрическую систему», поэтому правления кооперативов рекомендовалось, «не теряя времени, озаботиться приобретением измерителей». Кооперативы могли приобретать метрические измерители (гири и весы) самостоятельно или через свои союзы. Годовой производственный план «Северосоюза» на 1925/26 хозяйственный год предусматривал принятие ряда мер «к скорейшему переходу на метрическую систему мер и веса» [12, № 1–2, с. 8], в том числе снабжение первичных кооперативов инвентарем и метрическим оборудованием.

Изготовлением метрических измерителей в Ленинграде занимался завод «Кооператор» (бывший завод Сан-Гали), находившийся в ведении Северо-Западного областного союза потребительской кооперации. Номенклатура метрических весовых мер включала весы разных конструкций и различного назначения: столовые, товарные, крановые, вагонеточные, вагонные, паровозные, аптекарские и медицинские весы; автоматические весы (для чая, зерна и др.); аналитические и контрольные весы; специальные весы для взвешивания бумаги, пряжи, бочонков, мешков, скота, мясных туш; коромысловые весы и рычажные весы (безмены). Завод производил чугунные и медные гири с торговым клеймом, чугунные и медные контрольные гири.

В номенклатуру измерительного оборудования входили меры длины: брусковые деревянные метры и такие же полуметры; метры складные, деревянные и металлические, рейки; ростомеры. В кооперативной оптовой и розничной торговле требовались принадлежности для измерения товара по его длине, например, при продаже отрезков мануфактуры. В кооперативных лавках необходимы также и металлические меры емкости для жидких и сыпучих тел (растительного масла, крупы, соли) [2, д. 59, л. 10, 11].

В процессе проведения метрической реформы выяснялось, что работники низовой кооперативной сети не разобрались в условиях перехода, считая, что они должны приобретать новое оборудование все целиком, в то время как имелась возможность переделать старые весы на метрическую систему. В Вологде переделкой весов и гирь и их клеймением занимался завод «Красный пахарь», бывшая механическая мастерская по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. Стоимость переделки измерителей зависела от грузоподъемности весов. Также завод «Красный пахарь» изготавливал новые чугунные гири. Сведения о расценках на изготовление новых клейменных чугунных гирь на заводе «Красный пахарь» были помещены в журнале «Кооперация Севера». Кооперативные организации, районные конторы и кооперативы, работавшие на хозяйственном расчете, сами изыскивали средства и оплачивали все расходы по переделке гирь и весов и приобретению метрических измерителей [10, № 19–20, с. 85, 86].

Проведение метрической реформы предполагало распространение информации о вводимых новых десятичных мерах, формирование в сознании населения понимания ценности и целесообразности данного новшества для общества с помощью наглядной агитации. Главная палата мер и весов издавала «Таблицы взаимного перевода русских и метрических мер», «Таблицы соотношения между единицами русской системы и метрической системы мер веса». Помимо таблиц выпускались плакаты «Метрические меры» и «Удобство и распространенность метрической системы мер». На плакате «Метрическая система мер. Таблица торговых мер» были напечатаны образцы для перевода граммов и килограммов в доли, золотники, фунты и пуды. Здесь же приводились примеры перевода золотников, фунтов и пудов в граммы и килограммы. Рекомендовалось во всех закрытых помещениях, а также в палатках, где производился розничный

отпуск товаров, размещать на стенах таблицы с соответствующими товарными расценками, например, «Перевод цен товаров (от стоимости фунта товара к стоимости килограмма и обратно)» [11, № 2–3, с. 42].

Вологодский губернский союз северных кооперативов «Северосоюз» предложил районным конторам, чтобы они поставили в известность первичные кооперативы о необходимости перехода с 1 января 1925 г. на метрическую систему. Все торговые и промышленные предприятия были обязаны иметь на видном месте в заведении сравнительные таблицы русских и метрических мер по соотношению с ценами этих товаров на русские меры. В низовой кооперативной сети следовало «обращать особое внимание на то, чтобы все требуемые законом таблицы этого рода вывешивались в кооперативе». Рассылкой наглядных пособий, плакатов, таблиц и литературы на места занималось правление «Северосоюза», считавшее, что «приобретая таблицы и вывешивая их на видном месте, низовая сеть тем самым выполняет возложенную на нее важную культурно-просветительную задачу – способствовать быстрейшему ознакомлению населения с метрической системой» [11, № 2–3, с. 42]. «Северосоюз» принимал заявки как кооперативных организаций, так и других ведомств. К примеру, Тотемский уездный исполком просил выслать для учреждений Тотемского уезда 150 плакатов и 150 экземпляров таблиц метрических мер [15, с. 8].

Пропаганда метрической системы проникла в лозунги к 8-й годовщине Октябрьской революции: «Долой кулаков, обманывающих на каждом метре, будем покупать лишь в кооперативе!» [3, д. 321, л. 6]. Однако во время перехода к метрической системе вологодские кооператоры столкнулись с «путаницей и различного рода обоюдными недоразумениями» в кооперативных лавках со стороны покупателей и продавцов, не знавших соотношение старых и новых мер. Эти затруднения могли быть изжиты в короткий срок, если бы через низовые кооперативы велась деятельность по пропаганде среди населения новой системы мер. Инструкторы кооперации с помощью местных школьных работников могли проводить беседы по ознакомлению крестьянства с переводом русских мер в метрические меры и обратно. Тогда бы население увидело, что «интересы трудящихся, кооперация и широкое просвещение масс тесно связаны друг с другом» [10, № 1–2, с. 71].

Внедрению метрической системы должно было предшествовать обучение кооператоров, но изучение новых мер проходило одновременно с их введением, поэтому в первичных кооперативах конторские служащие и особенно работники прилавка имели недостаточное о них представление. Подготовка служащих низовых кооперативов к переходу на метрическую систему осуществлялась на кооперативных курсах во всех видах кооперации. Впервые происхождение метрической системы, десятичные меры длины, площади, объема и веса изучались на инструкторско-счетоводных курсах работников потребительских обществ, которые проводились с 4 октября 1920 г. по 15 апреля 1921 г. в Вологде [3, д. 158, л. 7].

В 1925 г. на кооперативно-счетоводных курсах при Вологодском кооперативном техникуме наряду

со специальными и обществоведческими дисциплинами в программу обучения входила тема «Метрическая система». Курсы организовывались «Северосоюзом» на средства районных союзов потребительской кооперации Вологодской губернии [4, д. 4, л. 27].

В январе 1926 г. в программу курсов счетоводов и инструкторов, устраиваемых Вологодским губернским союзом сельскохозяйственной, молочной и кредитной кооперации (Вологодсельсоюзом), вошел предмет «Арифметика и метрическая система» [3, д. 168, л. 175]. На Троице-Мальшевских курсах повышения квалификации мастеров маслоделия, также проводившихся Вологодсельсоюзом в январе 1926 г., на занятиях по арифметике работники кооперативных маслодельных заводов изучали дробные числа, действия с простыми и десятичными дробями, метрические меры. Несмотря на теоретическое изучение новых десятичных мер, на практике все расчеты производились в старых мерах, в том числе на Троице-Мальшевских курсах, когда рассчитывалось обеспечение курсистов питанием. Для организации утреннего чаепития каждый курсист получал по 1/8 фунта масла в день и сахар по 2 фунта на месяц [3, д. 168, л. 138, 140].

Примерная программа обучения учеников слесарному мастерству Вологодского союза кустарно-промысловых кооперативов содержала требования к подготовке кустарей и ремесленников, в том числе знание метрической системы, умение применять десятичные линейные меры и меры веса [2, д. 282, л. 125].

Вологодский губернский кооперативный совет, разрабатывая в 1925/26 г. программу кооперативной секции делегатского собрания рабочих, включил в нее пункт «Основы метрической системы». Знакомство пайщиц, рабочих и домашних хозяйств с новыми мерами осуществлялось в ходе кооперативно-просветительной работы с участием актива потребительских обществ [6, д. 39, л. 25].

По плану метрическая реформа должна была завершиться к 1927 г. Однако на местах многие отрасли народного хозяйства еще не были приспособлены под новые меры. Вологодская губернская метрическая комиссия подвела предварительные итоги введения метрической системы и затем она издала циркуляр от 3 марта 1927 г., предназначенный губернским учреждениям и организациям: отделу народного образования, земельному управлению, отделу социального страхования, отделу внутренней торговли, совету народного хозяйства, отделу социального обеспечения и губернским союзам потребительской, сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации.

Циркуляр обозначил «необходимость более детального выявления всех объектов метризации нашего хозяйства и гражданского оборота», поскольку «многие предметы нашего хозяйства, в том числе кирпичи, бутылки, домашняя посуда и прочее, остаются еще не метризованы». Вологодская губернская метрическая комиссия установила, что метрическая система не была введена в таких отраслях, как производство сырья и топлива, производство материалов и инструментов, производство кустарных изделий, а также в землеустроительных и геологоразведочных работах. В текстильной промышленности ширина ткани еще измерялась аршинами, а длина уже – метрами.

По-прежнему происходила путаница в ценах и мерах при продаже продуктов на развес как в сельских лавках, так и в городских и рабочих кооперативах.

Комиссия предложила план дальнейшего проведения метризации с учетом финансирования затрат на переоборудование и инвентарь, определив учетно-статистические, правовые и экономические вопросы введения новых мер. Кооперативным союзам предлагалось собрать сведения по своим организациям, самостоятельно разработать план метризации и направить в местную метрическую комиссию. В потребительской кооперации должны быть метризованы: торговля, сбыт и заготовка сельхозпродукции. В области кустарного производства план метризации затрагивал кружевной и роговый кустарные промыслы. К 1927 г. в роговом промыслах оставались «неметризованные объекты»: гребни, расчески, свистки и прочие изделия [2, д. 59, л. 2].

В кружевном промысле обычно расход материалов рассчитывался на одну кружевницу на весь сезон (6 месяцев, или 150 рабочих дней). В старых мерах для плетения кружев одной мастерице на весь сезон требовалось: шелку – 1 фунт, ниток – 7 фунтов, булавок – ½ фунта [17, № 23, с. 19]. В Вологодском союзе кустарно-промысловых кооперативов производство кружев измерялось аршинами. Например, с 1 октября 1922 г. по 1 апреля 1923 г. вологодские кружевницы сплели 334 820 аршин кружев, 33 742 штуки мотивов [2, д. 66, л. 14].

Мероприятия по метризации кружевных промыслов предполагали введение учета сырья (ниток и булавок) в граммах, измерение длины готовых кружев – в метрах, фасовку изделий в упаковки – партиями по 10 штук, а не дюжинами [2, д. 59, л. 16]. Кроме того, кружева должны были иметь определенную длину – 7 метров в куске. Введение новых мер совпало с требованием плетения кружев по строго установленным образцам. Стандартизация кружевного промысла проходила медленно, потому что кружевницы привыкли работать творчески, придумывая рисунки и мотивы. В некоторых артелях мастерицы, обманывая приемщиков, вместо 7 метров кружев в куске сдавали 6,5 метров [13, № 5, с. 13]. В кружевных артелях для учета продукции применялась смешанная система мер. Так, в Ивановской кружевной артели в 1926/27 г. произведено 4821 метр кружев первого сорта, выработано 22 дюжины мотивов высшего сорта и 12 399 дюжин мотивов первого сорта [13, № 9, с. 11]. Учет кружев по длине производился в метрах и в дюжинах, а не партиями по 10 штук.

В лесном хозяйстве переход к метрической системе выражался в том, что длину лесоматериалов стали измерять в метрах, ширину и толщину бревен – в сантиметрах, количество заготовленных дров – в кубометрах. При переводе старых мер в новые эти расчеты для лесозаготовителей оказались «слишком запутаны». Крестьяне, занятые на лесозаготовках, жаловались: «Работаешь, но не знаешь результатов. Заставляют волноваться. Новая мера не знакома, на старую не переводят, не знаешь, верно ли подсчитано» [1, д. 2168, л. 68]. Как видим, внедрение метрических мер в повседневную жизнь населения требовало выработки навыков применения новых мер на практике.

Подводя итог, можно сказать, что кооперативные организации Вологодской губернии приняли активное участие в реализации метрической реформы. Кооперативные союзы через свою низовую сеть осуществляли замену измерительного оборудования. Журнал «Кооперация Севера», публикуя материалы о метрической системе, информировал читателей о сроках перехода на десятичные меры в кооперативной оптовой и розничной торговле и промышленности. С новыми мерами население сел и городов знакомили инструкторы кооперации. Кооперативные работники, обучаясь на курсах, изучали метрическую систему и способствовали более успешному проведению метрической реформы, которая обеспечила переход к массовому стандартизированному производству.

Литература

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2. Оп. 1.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 139. Оп. 1.

3. ГАВО. Ф. 140. Оп. 1.
4. ГАВО. Ф. 185. Оп. 1.
5. ГАВО. Ф. 203. Оп. 1.
6. ГАВО. Ф. 361. Оп. 1.
7. Декреты Советской власти. Том 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – Москва : Политиздат, 1964. – 663 с.
8. Информационный бюллетень Центросоюза. – 1926.
9. Кооперация Севера. – 1923.
10. Кооперация Севера. – 1924.
11. Кооперация Севера. – 1925.
12. Кооперация Севера. – 1926.
13. Кооперация Севера. – 1927.
14. Красный Север. – 1920. – 7 февраля.
15. Красный Север. – 1924. – 28 июня.
16. Северное хозяйство. – 1920.
17. Северный хозяин. – 1918.
18. Собрание узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 13.
19. Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник / под редакцией Ж.Т. Тощенко. – Москва : Юнити-дана, 2013. – 487 с.

E.V. Dianova

VOLOGDA COOPERATION AND METRIC REFORM

The article tells about carrying out the metric reform in Vologda province with the participation of cooperative organizations. The author uses some published sources and archive materials introduced for the first time and describes the work of Vologda cooperative unions which introduced the metric system, promoted new measures among the population, educated and trained workers to use the decimal measures in economic activities.

Old Russian measures, International decimal system of measures, Metric reform, cooperation, cooperatives.

О.Б. Зенкова, В.В. Копытков, Д.А. Пшеницын
 Культурно-исторический центр «Светоч»
 (Великий Устюг – Москва – Вологда)

НАЧАЛО «ДАЛЬНЕЙ ДОРОГИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье проанализированы архивные данные, подтверждающие, что род Питирима Сорокина своими корнями происходит из Устюжской земли. Настоящее исследование приурочено к 130-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина (23.01.1889–10.02.1968), выдающегося ученого-социолога, внесшего огромный вклад в мировую науку, хотя большую часть своей жизни (45 лет из 79-ти) он провел в Соединенных Штатах Америки. В 1963 г., уже на склоне лет, он написал и издал автобиографический труд «Дальняя дорога», в котором подробнейшим образом поведал читателю свою полную лишений и опасности историю. В постсоветской России эта книга увидела свет лишь в 1991 г., и с тех пор она пользуется большой популярностью. Особенно чтят Питирима Сорокина на его малой родине, в Республике Коми.

Великий Устюг, Голубинская пустыня, «Дальняя дорога», Питирим Сорокин, писцовые и переписные книги, родословная, Тотемский, Устюжский, Яренский уезд.

Все началось на севере Руси... [7, с. 9]. Родился будущий профессор Гарвардского университета в семье крестьянки и ремесленника в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Он рано лишился матери; вместе с отцом и старшим братом в поисках работы *прошел вдоль и поперек весь Коми край* [7, с. 23].

Питирим Александрович, по-видимому, мало что знал из истории своего семейства. Даже «Дальняя дорога»¹ у него начинается в зырянских землях, среди коренного населения. Конечно, он был в курсе, что отец – устюжский мещанин; в Великом Устюге Питирим неоднократно бывал в доме своей тетки Анны Дранковской, жившей с мужем на Красной горе и у которых жил впоследствии его младший брат Прокопий. Здесь Питирим получал гимназический диплом, здесь у него было много товарищей и единомышленников, сюда он приезжал и в *минуты жизни трудные*, и для революционно-пропагандистской работы. Устюгу *ранний* Питирим посвятил дорожные заметки под названием «Пестрое кружево», где любовно и слегка иронично, как истинный устюжанин, нарисовал картину жизни *степенного города*. В «Дальней дороге» Питирим Сорокин называет город предков – *мой любимый Великий Устюг*² [3, с. 86].

За годы жизни профессора, конечно, многие события и даты стерлись из его памяти, забылись имена, а некоторые события приобрели неправдоподоб-

ную окраску, что отмечено исследователями и биографами.

Питириму Александровичу не была известна причина, побудившая отца искать счастья в Яренском уезде: *Я не знаю, как и почему он уехал из Великого Устюга и поселился в Коми регионе. Вероятно, малочисленность ремесленников с таким дипломом³ – и поэтому меньшая конкуренция здесь – обусловили его переезд. А может быть, его привлекли природа края и характер коми народа. Так или иначе, он уже никогда не вернулся в Великий Устюг. О жизни отца до смерти мамы я знаю мало. От своих теток, священников и крестьян я слышал, что он был настоящим мастером своего дела, надежным и честным, удачливым в работе, уважаемым за хороший характер и ум, счастливым в семейной жизни* [7, с. 15].

Социолог А.В. Липский в комментариях к книге П.А. Сорокина выдвигает свою версию: он считает, что Сорокин-старший мог уехать в Коми край *по наказу Стефано-Прокопьевского братства в Великом Устюге, задачей которого было распространение христианства и влияния церкви среди северных народов* [3, с. 4]. Ремесленный цех, где учился А.П. Сорокин, по мнению ученого, опекался братством. Однако в данном случае больше прав Питирим Сорокин: Александр Прокопьевич действительно занимал свою нишу в деле изготовления церковной утвари и проведения реставрационных работ. Как такового цеха в современном смысле слова в Великом Устюге никогда не существовало, это было просто своего рода обязательное объединение мастеров со своим уставом, старшинством и т.п.; работали серебряники в мастерских при своих домах. Ученики, проходя курс обучения, изготавливали экзаменационное изделие и при благоприятном исходе получали свидетельство о приеме в цех. Какая-либо существенная «опека» се-

¹ Эта книга издана также под названием «Долгий путь».

² Возможно, опять же иронично. Сорокин не единственный, кто отмечал *удушающую трясину устюжской обывательщины*. Сам Питирим под псевдонимом Александров в заметке в губернской газете «Эхо» в 1913 г. писал: *Лекция П.А. Сорокина невольно встревожила однообразную жизнь обывателя, что трудно достигнуть в провинции, ибо устюжская «антиэллитария» есть жалкий остаток просыпающегося Севера. Но студенты и курсистки, политические ссыльные и некоторые другие из молодежи заявили: Мы ищем знаний, прислушиваемся к новым словам и в далекой провинции, лекция пробуждает в нас силу для дальнейшего творчества жизни.*

³ Александр Прокопьевич Сорокин – золотых, серебряных и чеканных дел мастер [7, с. 15].

ребрянников со стороны культурно-просветительской религиозной организации, коей являлось Стефано-Прокопьевское братство, при всех ее полномочиях, вряд ли могла иметь место. Устюжский серебряник приехал в Яренский уезд не просто так, наудачу, а, скорее всего, по стопам своих родных (отца и дядей) или же по приглашению священника Ивана Степановича Покровского, приходившемуся ему родственником⁴, о чем, кстати, в книге П.А. Сорокина и в комментариях к ней упоминается [7, с. 270, 292].

Из документов, отложившихся в фондах Великоустюжского центрального архива, выяснилось, что род Сорокиных, к которому принадлежал Питирим Александрович, на Устюге пришлый. Первым устюжанином по мужской прямой линии в этом роду был *Дмитрей Михайлов сын Сорокин, 33-х лет*, который записался в устюжское мещанство в 1780 г., а до того числился по *экономическому ведомству* за упраздненной Голубинской Богородской пустынью Тотемского уезда [2, ф, 361, оп. 1, д. 11, л. 489 об.; 4, с. 538–540].

В самых ранних сохранившихся исповедных книгах церковью Тотемского уезда за 1774 г. ни по Голубинской пустыни, ни по деревням уезда, ни по Тотемскому посаду Сорокиных (за исключением диакона *Богоявленского собора, дьячка и пономаря Троицкой церкви*⁵, *двух вдов 31 и 76 лет в Тотьме и семейства 33-летнего Сергея сына Данилова в деревне Кожуховице Ихалицкого улусца*) не обнаружено [2, ф. 363, оп. 1, д. 95, л. 18, д. 361, л. 2 об., д. 2765, л. 59–59 об., д. 2766, л. 4, д. 5942, л. 1]. Не указаны Сорокины и в исповедных ведомостях бывшей Голубинской пустыни за 1774, 1777 и 1779 гг. [2, ф. 363, оп. 1, д. 2765, л. 245–245 об., 239–242 об., д. 3728, л. 240–243, д. 4368, л. 162–165].

Отсутствие «родового гнезда» Сорокиных в Тотемском уезде позволяет утверждать, что предки Питирима Сорокина до появления их в Голубинской обители проживали в пределах обширного Устюжского края, а именно в местности, включенной позднее в состав обособившегося Никольского уезда. В 1774 г., к примеру, крестьяне с такой фамилией отмечены в деревнях Матино и Полутино Ентальского Троицкого прихода, Юшково Енангского Николаевского прихода, Малое Шартаново и Макарово Кичменгского Спасского прихода, в приходе Сретенского

собора в Никольской слободке (будущем городе Никольске) и деревнях Криводеево, Рамешково, Осиново, Кожаево, Дор, в деревне Ермаково прихода Андангской Происхожденской церкви. В этой части Южской трети Устюжского уезда имелась даже деревня Сорокино [2, ф. 363, оп. 1, д. 2152, л. 85 об., 588 об., 589, 659 об., 736, 743 об., 1014, 1018, 1018 об., 1022, 1023, 1030, 1037, 1042, 1047].

В «Писцовой книге города Устюга Великого и Устюжского уезда 1623–1626 гг.» отмечены все населенные пункты этих волостей, но фамилии указаны только у 10–15% учтенного населения, что делает источник для нашего исследования не совсем соответствующим поставленным задачам, так как фамилии Сорокин там нет. Но в деревне Кожаево волости Никольская Слободка отмечены пока еще бесфамильные чернососшные крестьяне Сорокины (*о чем ниже и будет о них подтверждение фамилии в «солдатских» переписях*), а именно: *Волость Никольская Слободка на реке на Югу... В Никольской же Слободке государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси деревни черные <...>. Деревня Кожаево на речке на Кожаевке, а в ней крестьян: во дворе Исачко Спиридонов, да брат его Дружинка; во дворе Ивашко Филипов; во дворе Исачка Спиридонова половник Якунка Андреев...* [1, с. 49].

Однако обратившись к следующему источнику – «солдатской» переписи Устюжского уезда 1658 г., когда с четырех крестьянских дворов был взят на воинскую службу один солдат, мы находим первое упоминание фамилии Сорокин уже в двух деревнях – Кишкине Горе и Кожаеве Халезской волости, о чем свидетельствует следующая запись: *В Устюжском уезде в Халеской волости... Деревни Кишкины Горы: во дворе Тит Исаков Сорокиных, да дети его Афонасей, да Артемей; во дворе Данило Трофимов Зубовых; во дворе Симан Дорофеев Двинянин. Деревни Старыгини: во дворе Сава Гаврилов Рышковых. И с тех четырех дворов взят на государеву службу в солдатской строй Тит Исаков Сорокин. Той же деревни (Кишкины Горы): во дворе Сава Исаков Сорокин, да сын его Иван...* [1, с. 72; 6, ф. 1209, оп. 1, кн. 15040, л. 69–86].

В «солдатской» переписи Устюжского уезда 1667–1668 гг. в деревне Кожаеве отмечены, вероятно, родственники вышеупомянутых Сорокиных: *Исачко Федоров сын Сорокин; дети его Васка, да Максимко, да Омелка* [6, ф. 1209, оп. 1, кн. 15041, л. 219–219 об.].

Таким образом, в деревне Кишкина Гора мы наблюдаем целый «клан» Сорокиных – это два брата Тит и Савва Исаковы со своими детьми, а именно от них и происходят некоторые ветви настоящего рода. Причем в деревне Кишкине Горе по «Переписной книге Устюжского уезда 1677–1678 гг.» они уже не упоминаются – там проживали только представители крестьянского рода Зубовых. Но часть рода, обосновавшегося в другой упомянутой деревне – Кожаево, осталась на месте и продолжила фамилию. О чем имеется запись ниже в «Писцовой книге Устюжского уезда 1676–1683 гг.» по волости Никольская Слободка: *В той же Никольской Слободке великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра*

⁴ Будущий профессор в 1918 г. едва не пострадал в Великом Устюге по указанию бывшего в то время председателем губисполкома И.М. Шумилова, женатого на Екатерине Ивановне Покровской. Другой пламенный революционер-большевик, в честь которого в Устюге также названа улица, – Павел Иванович Покровский, приходился Екатерине братом.

⁵ Священно- и церковнослужители градских тотемских Богоявленского собора и Троицкой церкви Сорокины Стефан Иванов, Петр Стефанов, Василий Стефанов, Иван Стефанов, скорее всего, имели устюжские корни: их возможный отец и дед – священник Богоявленского собора Иван Федоров Сорокин, – был переведен в 1732 г. из устюжского Вознесенского собора из диаконов, а в дьяконы поставлен в 730 годе и, скорее всего, из посадских людей Сорокиных, корни рода которых прослеживаются до 1623–1626 гг. На посадское происхождение указывает и тот факт, что в диаконы Ивана Федорова Сорокина поставили из *подушного оклада*, будучи уже священником, он также был положен в *оклад*, и в *Тотемском посаде подушные денги обязались платить тотемцы посадския люди*.

Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев деревни тяглые, живущие, крестьянские... Деревня Кожяево на речке на Кожяеве, а в ней: во дворе Исачко Федоров Сорокин; у него дети Васка, Емелка. У Васки сын Петрушка. Длина двору тринадцатъ сажень с полуаршинном, поперег девять сажень... во дворе **Сенка Иванов Сорокин; у него дети Ивашко, Кирилко**. Длина двору одиннадцатъ сажень с полуаршинном, поперег четыре сажени без чети аршина... [6, ф. 1209, оп. 1, кн. 516, л. 524–579].

Кожяевская ветвь Сорокиных впоследствии сильно разрослась и довольно-таки хорошо исследована одним из авторов, а так называемая «Кишкиногорская» ветвь Сорокиных таинственным образом исчезла. Поскольку отсутствует целый пласт необходимых источников периода 1680–1722 гг., то мы можем лишь предположить, что эта семья (или ее представитель) появляется в числе вкладчиков Голубинской Богородской пустыни и что «пропавшие» Сава Исачков и его сын Иван из деревни Кишкина Гора и есть, на наш взгляд, родоначальники тех самых тотемских Сорокиных.

Как минимум три поколения Сорокиных имели прямое отношение к деятельности Голубинского монастыря. По «Генеральному свидетельству 1722 г.», на 30 сентября, в числе вкладчиков этой обители состоял прописной **Данила Иванов сын Сорокин, 30 лет** [6, ф. 350, оп. 2, д. 3638, л. 207 об.–208]. В «Ревизских сказках Тотемского уезда 1744 г.» Данила Иванов Сорокин числится с семьей по деревне Кожухово Ихалицкой волости: *В прежнюю перепись написанной в Голубинской пустыне Данило Иванов сын Сорокин, 52 лет. У него дети, рожденные после переписи: Сергей, 5 лет; Иван, 5 недель* [6, ф. 350, оп. 2, д. 3641, л. 276–276 об.]. По «Ревизии Тотемского уезда 1762 г.» в деревне Кожухове отмечены: Акилина Иванова – жена Данилы Сорокина, его сын Сергей и дочь Мария. Сам глава семейства умер в 1751 г., годом раньше скончался его младший сын Иван [6, ф. 350, оп. 2, д. 3644, л. 647 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что Данила Сорокин по каким-то причинам (вероятно, из-за женитьбы на старинной крестьянке деревни Кожуховицы) стал обычным черносошным крестьянином. Вкладную он мог переписать на родного брата и племянника: так, в материалах второй ревизии, поданной 26 октября 1744 г., а затем и третьей – за 1762 г. – по Голубинской пустыни среди вкладчиков значатся: **Ермола Иванов сын Сорокин, 50 лет. У него сын рожденной после переписи Михайло, 15 лет** [6, ф. 350, оп. 2, д. 3641, л. 681 об.–682, д. 3645, л. 534–534 об.].

О Михаиле Сорокине упоминается во входящих документах Великоустюжской духовной консистории за 1755 г.: *Месяц октябрь во 2-й день. № 698. Доношение Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни строителя иеромонаха Павла, коим представляется, что записного за той пустыней Михайлу Сорокина принять желает* [2, ф. 363, оп. 1, д. 948, л. 68 об.].

«Ревизские сказки Тотемского уезда за 1762 г.» сообщают об изменениях в составе семьи: *Ермола Иванов сын Сорокин <...>, умре в 1750 г., у него сын Михайло <...>, умре в 1756 г., у Михайла сын рож-*

денной после ревизии Дмитрий, 13 лет [6, ф. 350, оп. 2, д. 3645, л. 534–534 об.]. Отсутствие в документе имен жен у Ермола и Михаила (тогда как у других вкладчиков жены записаны) скорее всего означает только то, что их к 1762 г. также не было в живых.

Поскольку в «Исповедных ведомостях Голубинской Рождественской церкви» 1774 и 1779 гг. имени младшего Сорокина нет, можно утверждать, что Дмитрий выехал оттуда гораздо раньше. В Великом Устюге в *Петропавловской сотне* (во второй части города) жила его тетка по отцу Ирина Ермолаева, бывшая замужем за устюжским посадским человеком Егором Ивановым Манушкиным⁶, которая могла принять сироту [8, с. 266].

Что заставило Ермолая Сорокина в свое время записаться именно за Голубинскую пустынь, что делал Михайло Сорокин в 1755 г. в Устюге – сказать трудно.

Дмитрий Михайлов также не сидел на месте, природная предприимчивость и грамотность дали свои плоды: сын бывшего монастырского служителя стал уважаемым членом устюжского посадского общества. В «Алфавитном списке» устюжан за 1786 г. указано, что дом Дмитрия Михайлова сына Сорокина построен собственный на *бывшей экономической земле*, живет он в городе, *находится у здешних купцов во услужении* [2, ф. 361, оп. 1, д. 75, л. 23 об.].

В 1789–1790 гг. *промышленник ряду печения больших и малых колачей и ржаных хлебов* мещанин Дмитрий Сорокин по выбору исполнял обязанности старосты. 18 апреля 1790 г. он подал прошение в магистрат с просьбой уволить его в связи с необходимостью отъездов: *А как состоит мне надобность из дежняго города Устюга Великаго отлучится в разные российские города, точно от этой должности никак отлучится невозможно* [2, ф. 361, оп. 3, д. 3675, л. 1, д. 3898, л. 1].

В «Списке купцов и мещан первой части Устюга Великаго за 1798 г.», помимо сведений о семейном и имущественном положении, также сообщается о частных отлучках (*к сожалению, без указания их причин и вида деятельности устюжанина*): *Мещанин Дмитрий Михайлов Сорокин, 49 лет. Женат на девице Катерине крестьянина Алексея Лопатина дочери, 41 года. У них дети Иван – 21, Петр – 11, Александра – 22, Марья – 18, Федора – 16, Параскева – 5 лет. Дом имеет на грацкой земле, теплых 2 покоя, во 2-м квартале под № 108. Живут в городе и в отлучках, обретаются в работах*⁷ [2, ф. 134, оп. 1, д. 155, л. 66]. По всей вероятности, Дмитрий Михайлов служил приказчиком у какого-то купца или даже имел собственное дело. На это указывает хотя бы тот факт, что в 1798 г. общество выбрало его *в первую часть сего города в частные маклера*. Правда, от этого назначения 7 марта 1798 г. Дмитрий Сорокин отказался

⁶ В материалах Ревизии 1762 г. по Устюгу значатся: *Егор <Иванов сын Манушкин>, 48 лет. У него жена Ирина Ермолаева, 31 года, взятая Тотемского уезда Голубинской пустыни записнаго Ермолая Сорокина дочь*.

⁷ Всего у четы Сорокиных родилось 9 детей; самые младшие умерли во младенчестве, еще одна девочка – в подростковом возрасте. Екатерина Алексеевна намного пережила мужа: он скончался в 1803 г., она – в 1821. Вообще большинство мужчин в роду Сорокиных не отличались долголетием.

в связи с *одиначеством* (с какой-то совместной деятельностью или контрактом) и вместо него по договору маклером согласился быть мещанин П.А. Суровцев [2, ф. 361, оп. 3, д. 6394, л. 1–1 об.].

Потомки Дмитрия Михайлова Сорокина занимались ремесленничеством, в том числе и «серебряной» работой. Так, в материалах устюжской Пробирной палатки в перечне мастеров числится **Василий Сорокин**, «*вписавшийся*» в палатку в 1835 г. В 1836 г. он предьявлял к сплавке выжигу, монеты и серебряный лом, клеймил табакерку и одни схваты, оправу на хрустальный стакан (все *лучшаго мастерства*), столовую ложку, 2 перстня, табакерку (*средняго мастерства*), 4 чайных и 6 пуншевых ложек, 2 чайных и 12 пуншевых ложек. Отчество Василия в документе не указано, но у известного великоустюгского историка-краеведа начала XX столетия В.П. Шляпина в списке серебряников упомянут **Василий Петров Сорокин**, то есть внук Дмитрия Михайлова Сорокина. У Михаила Рехачева в книге «Северная чернь» сообщается, что Василий Петров Сорокин с 1825 года *десять лет учился черневому мастерству у Ф.К. Бушковского* [2, ф. 9, оп. 1, д. 364, л. 5, 6, 7, 9, 24, 25, 29; 5, с. 77; 9, с. 104].

В реестре великоустюгских мещан – серебряников за 1879–1880 гг. отмечен **Сорокин Павел**, живущий за пределами Устюга – *имеет мастерскую и жительство в Яренском уезде* – и не бывший к сплавлению или клеймению (край документа истлел и оборван, текст почти не читается)⁸ [2, ф. 9, оп. 1, д. 312, л. 5, д. 318, ф. 584, оп. 2, д. 18, л. 171 об.]. Серебряником, как уже говорилось, был и отец Питири-ма Сорокина – Александр Прокопьевич.

В посвященных П.А. Сорокину исследованиях известных авторов лишь вскользь упоминается о его братьях и их судьбе. Сам Питирим уделил им всего несколько страниц в своей книге. Это и понятно – братьев, кроме родства, практически ничего не связывало, они жили разной жизнью. Если с Василием (старшим братом) Питири-ма объединяло начало трудовой деятельности и определенные политические убеждения, то с младшим, Прокопием, – только совместно проведенное время, когда Питирим приезжал в Римью и в Великий Устюг к родственникам. Известны ни жизненный путь, ни даты смерти Василия и Прокопия: в имеющихся публикациях лишь повторяются слова самого Питири-ма, считавшего, что старший брат был расстрелян за связь с белогвардейцами, а младший погиб в Великоустюгской тюрьме в 1920-е гг.

Василий Александрович Сорокин после расставания с братом еще в юности, занимался тем же, чему научился у отца – художественным ремеслом. В фонде Великоустюгской управы сохранился документ с показаниями самого Василия. На наш взгляд, документ имеет историческое значение, поэтому процитируем его полностью с сохранением стиля и орфогра-

фии: 1905 года мая 23 дня Устюжский мещанин **Василий Александров Сорокин** являсь сего числа в Устюжскую Городскую Управу, лично заявил, что он считает себе в настоящее время 20 лет, но, наверное, не знает в каком году подлежит отбыванию воинской повинности, т.к. метрических сведений о рождении своем не имеет; но он знает, что он крещен причтом Коквицкой Христорождественской церкви Яренского уезда. Ныне я имею семейство: бабушку Марию Сорокину, родных братьей Питири-ма 16 лет и Прокопия 12 лет. Значущиеся в представленном мне посемейном списке Управы (№ 517) отец мой и мать умерли – первый в 1904 году, а мать в 1893 году. Братья мои крещены: Питирим причтом Турьинской Воскресенской церкви Яренского уезда, а Прокопей – Жесарской Спасской церкви того же уезда. Вероисповедания Православного, холост, окончил курс в Коквицкой церковно-приходской школе, но свидетельство об этом утерял. Занятие мое чеканичик и серебряник; промышляю в селе Жесарском Жесарской волости Яренского уезда. Верно ли я записан в посемейном списке (ныне представленном мне) в 1887 году – сказать не могу. Устюжский мещанин **Василий Александров Сорокин**⁹ [2, ф. 2, оп. 1, д. 920, л. 102].

Поскольку согласно записи в посемейных списках купцов и мещан Великого Устюга за 1887–1898 гг. Василий родился 10 февраля 1886 г., а не 1885 г. [2, ф. 2, оп. 1, д. 579, л. 295 об.], призван на срочную воинскую службу он не был. Как единственному кормильцу в семье, имеющему несовершеннолетних братьев и престарелую бабушку, Василию полагалась льгота. В 1907 г. устюжского мещанина, серебряных дел мастера Василия Александровича Сорокина зачислили в ратники 2-го разряда, а 16 марта 1909 г. – 1-го разряда¹⁰ [2, ф. 575, оп. 1, д. 291, л. 21 об., д. 297, л. 78 об.–79.]. Других сведений о старшем брате Питири-ма Сорокина в фондах архива ВУЦА обнаружить не удалось. Возможно, он действительно, как пишет Питирим Александрович, уехал в Петербург, устроился там на работу и, подпав под революционные настроения, угодил в сибирскую ссылку [7, с. 18]. Погиб Василий, по мнению Питири-ма, *осенью 1918 года на архангельско-устюжском фронте* [7, с. 18].

По поводу младшего Сорокина ученый либо заблуждался, либо сознательно утаивал правду, утверждая, что Прокопия арестовали, *когда в Великом Устюге был установлен коммунистический режим*, причем под арест он попал из-за того, что был братом *врага коммунистов № 1* [7, с. 22]. Не совсем соответствуют и другие факты биографии Прокопия, изложенные в романе.

Питирим Александрович, хотя и отметил в своем сочинении, что Дранковские Михаил Иосифович и Анна Прокопьевна официально усыновили племянника (случилось это в октябре 1912 г.), но по каким-то причинам скрыл, что, по установленному порядку, тот взял не только фамилию, но и отчество приемного родителя [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 68 об.–69].

⁸ Отчество мастера не написано, но второго Павла Сорокина, кроме Павла Петровича, брата Василия, среди устюжских мещан не обнаружено. Возможно, в документе допущена неточность, так как Павел Петров сын Сорокин умер от чахотки 11 марта 1849 г., о чем есть запись в «Метрической книге Устюжской Варваринской церкви». В «Книге записи мастеров за 1881–1887 гг.» фамилия Сорокиных не значится.

⁹ Документ заверен личной подписью В.А. Сорокина. Название села искажено, правильно – Жешарт.

¹⁰ В романе П. Сорокин ни словом не обмолвился о том, что братья жили с бабушкой. Скорее всего, это был повод для получения льготы.

Согласно «призывному списку» 1912 г., Прокопий Михайлович Дранковский – грамотный, занимается торговлей¹¹ [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 68 об.–69; 7, с. 21]. 12 марта 1913 г. Прокопий подал прошение в Великоустюгское присутствие по воинской повинности о предоставлении ему льготы 1-го разряда, как единственному сыну. В прошении он указал, что усыновитель страдает неизлечимой болезнью и вместе с женой находится *всецело* на иждивении Прокопия, служившего приказчиком у великоустюгского купца Николая Петровича Зепалова (с сыном которого, как известно, дружил Питирим Александрович). 25 апреля 1913 г. заявление младшего Сорокина *оставлено без последствий*, так как право на льготу имели только родные сыновья или усыновленные до 10-летнего возраста, к тому же у Прокопия имелось два взрослых трудоспособных брата. В дальнейшем за предоставление льготы хлопотал уже Михаил Иосифович Дранковский. Он дошел до исполняющего должность губернатора, но все возвратилось на круги своя. При освидетельствовании здоровья усыновителя доктора дали заключение, что он *к труду <...> вполне способен*, кроме того, Михаил Иосифович и сам заявил, что *занимается торговлей хлебом, зарабатывает собственным трудом и от упомянутой торговли*. Справки о том, что Прокопий проживал в их семье с 8 лет, Дранковские предъявить не смогли. На основании этих обстоятельств им снова отказали в предоставлении льготы, и Прокопий, как значится в призывном списке, был *принят на службу под № 12*. Послужного списка П.М. Дранковского не обнаружено, находился ли он в войсках, не установлено. Переписка по поводу ходатайства закончилась в ноябре 1913 г. В «Списке ратников пополнения» льготников 1–4 разрядов и не имеющих льгот ни за 1913, ни за 1914 гг. Дранковский не числится [2, ф. 575, оп. 1, д. 612, л. 1–31, д. 688, л. 108–111]. В Первой мировой войне он, судя по всему, участия не принимал, во всяком случае, об этом свидетельствуют данные, опубликованные на сайте, посвященном «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.»¹² [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 117 об.–118, ф. 575, оп. 1, д. 352, л. 24 об.–25; 10].

Прокопий жил вместе с усыновителями – на Красной горе, в старом домике близ пивоваренного завода Г.Л. Зебальда. В романе Питирим Александрович упоминает о том, что жена Елена, во время нахождения его под арестом, проживала у его брата [7, с. 138]. *Через маленькое окно моей камеры можно увидеть кусок поля за тюремной стеной* [7, с. 135] – здание Великоустюгской тюрьмы находилось на ул. Липовской, в то время на окраине города, у *поскотины*. Дом Дранковских по местным меркам располагался не так далеко от тюрьмы, – менее получаса ходьбы.

¹¹ П.А. Сорокин в романе утверждал, что Прокопий занялся торговлей после армии и с *благословения* тетки Анисьи Римских.

¹² Питирим Сорокин также подлежал призыву в армию. 31 декабря 1910 г., как обучающийся в Санкт-Петербургском университете, он получил отсрочку *по 4 п. 61 ст. Устава, до 27-летнего возраста, но не далее призыва 1916 года*. В 1914 г. он, устюжский мещанин, православного вероисповедания, холостой, окончивший курс учения в Императорском Санкт-Петербургском университете, получил новую отсрочку *на основании статьи 61 Устава о воинской повинности до призыва 1919 года*.

В начале 1920-х гг. Прокопий Михайлович, видимо, еще не испытывал особых материальных проблем: новый дом (хотя и небольшой, состоящий из 1 комнаты и кухни) он построил на месте ветхого старого в 1922 г. Позднее положение его ухудшилось, несмотря на НЭП. С 16 ноября 1924 г. он значился как *безработный пролетарий*, состоял на Бирже Труда (билет № 5288). Вместе с ним проживали жена Дранковская Евстолия Ивановна, 24 лет, также безработная, и тетка (приемная мать) Дранковская Анна Прокопьевна – домашняя хозяйка. Дети в документе («анкете о наличии и использовании жилплощади»), откуда взяты эти сведения, не указаны¹³ [2, ф. р-205, оп. 2, д. 4, л. 29, 30 об.]. 23 февраля 1926 г. Прокопий Михайлович Дранковский подавал заявление в Великоустюгский горсовет с просьбой признать право собственности на дом и выдать соответствующие документы¹⁴ [2, ф. р-611, оп. 6, д. 244, л. 1].

* * *

Таким образом, нам удалось проследить род Питирима Сорокина, начиная с первоисточника – «Писцовою книги города Устюга Великого и Устюжского уезда 1623–1626 гг.», где его предки, хотя и без фамилии, зафиксированы в деревне Кожаево. «Переписные книги Устюжского уезда» второй половины XVII столетия, где Сорокины отмечены уже под своей родовой фамилией в деревнях Кишкина Гора и Кожаево, подтверждают наше предположение о происхождении их из указанного селения.

Найдено ли начало «дальней дороги» – покажут время и новые открытия, которые, мы не сомневаемся, еще последуют, ведь работа над биографией ученого не прекращается.

Литература

1. Баданин, Д. Д. Родословие никольской деревни. – Кичменгский городок, 2012.

2. Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 579, 920, 1009; Ф. 7. Оп. 1. Д. 464; Ф. 9. Оп. 1. Д. 312, 318, 364; Ф. 134. Оп. 1. Д. 155; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11, 75, 3675, 3898, 6394; Ф. 363. Оп. 1. Д. 95, 361, 948, 2152, 2765, 2766, 3728, 4368, 5942; Ф. 364. Оп. 1. Д. 75, 7024, 7278, 7379, 7876, 8541; Ф. 575. Оп. 1. Д. 291, 297, 352, 438, 612, 623-а, 688; Ф. 584. Оп. 2. Д. 2, 9, 18, 23; Ф. Р-205. Оп. 2. Д. 4; Ф. Р-611. Оп. 6. Д. 244.

3. Дойков, Ю. В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1. (1889–1922) / Ю. В. Дойков. – Архангельск, 2008. – 432 с.

4. Зенкова, О. Б. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь / О. Б. Зенкова, В. В. Копытков // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», посвященной памяти А. В. Камкина. – 27 февраля. – 3 марта 2019 г. – Вологда, 2019. – С. 538–540.

5. Рехачев, М. В. Северная чернь / М. В. Рехачев. – Архангельск, 1952.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350 (Ландратские и ревизские сказки). Оп. 2.

¹³ В Великом Устюге жили и другие родственники П.А. Сорокина по линии отца, но, вероятно, отношений с Дранковскими и уж тем более с Питиримом они не поддерживали.

¹⁴ В деле, кроме заявления, содержатся: краткое описание домовладения на участке № 949 в 55 квартале, план дома, распоряжение об отводе участка, 1921–1926 гг.

Д. 3638, 3641, 3644, 3645; Ф. 1209 (Поместный приказ).
Оп. 1. Кн. 516, 15040, 15041

7. Сорокин, П. А. Долгий путь. Автобиографический роман / П. А. Сорокин. – Сыктывкар : Шыпас, 1991. – 304 с.

8. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – Москва, 1883.

9. Шляпин, В. П. О финифтяной фабрике, существовавшей в Устюге в XVIII веке и о черневой на серебре работе // Записки Северодвинского общества изучения местного края. – Вып. IV. – Великий Устюг, 1927.

10. «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.». – URL: <https://gwag.mil.ru> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.

О.В. Zenkova, V.V. Kopytkov, D.A. Pshenitsyn

THE BEGINNING OF PITIRIM SOROKIN'S «LONG ROAD»

The article marks the 130th anniversary of Pitirim Alexandrovich Sorokin's birth (23.01.1889–10.02.1968). He was a prominent sociologist who made a considerable contribution to the world of science, living the greater part of his life (45 out of 79 years) in the United States of America. The article analyses the archival data to show that the family of Pitirim Sorokin comes from Ustyug land. In 1963, being in his declining years, he wrote and published his autobiographical work "The Long Road", in which he told the reader his story full of hardship and danger. In post-Soviet Russia, this book was published only in 1991, and since then it has been in great demand. Pitirim Sorokin is especially honoured in the Komi Republic, his native land.

Veliky Ustyug, Golubinskaya Monastery, «The Long Road», Pitirim Sorokin, cadastres and census books, genealogy, Totma, Ustyug and Yarensky districts.

Приложение

КРАТКАЯ НИСХОДЯЩАЯ РОСПИСЬ РОДА ПИТИРИМА СОРОКИНА

Иван Сорокин

Данила, 1692–1751
Ермолай, 1694–1750

Ермолай Иванов Сорокин

Ирина, 1731–?
Михаил, 1729–1756

Михаил Ермолаев Сорокин

Димитрий, 1749–1803

Димитрий Михайлов Сорокин + Екатерина Алексеева (Лопатина), 1757–1821

Александра, 1776–?
Иван, 1777–1820
Мария, 1780–1825
Федора, 1782–?
Пётр, 1787–1845
Параскева, 1790–?
Иван, 1792–1792
Марфа, ?–1796
Алексей, 1798–1798

Пётр Дмитриев Сорокин + Анна Егорова (Гладышева), 1790–1861

Николай, 1811–1851
Дмитрий, 1814–1859
Василий, 1816–1887
Павел, 1819–1849
Иван, 1821–1834
Алексей, 1823–?
Александр, 1826–1854
Прокопий, 1831–1884

Проконий Петров Сорокин + **Мария Алексеева (Здрогова), 1839–1908(?)**

Александр, 1856–1900(?)

Агния, 1867–?

Екатерина, ?–?

Анна, ?–?

Надежда, ?–?

Александр Прокопьев Сорокин + **Пелагия Васильева (?), ?–1894**

Василий, 1886–?

Питирим, 1889–1968

Проконий, 1892–?

Основание: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. Л. 207 об.–208; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 276–276 об., 681 об.–68; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. Л. 647 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.; ВУЦА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 288 об.–289; ВУЦА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 579. Л. 295 об.–296; ВУЦА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 464. Л. 237 об.–238; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 75. Л. 4 об.; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7024. Л. 19 об., 108 об.; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7379. Л. 137 об., 196 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 8 об., 14 об., 18, 28, 32 об., 55 об., 105; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 9. Л. 11 об., 17 об., 30 об., 38, 40, 46, 59 об., 61, 78, 92 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 18. Л. 116 об., 171 об., 199 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 23. Л. 40 об., 51 об.–52, 61 об.; Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1883. – С. 266.

С.Г. Карнов

Вологодский государственный университет

**УЧАСТИЕ ОПЕРАТИВНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОТРЯДОВ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА И БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
в конце 1970-х – 1980-е гг.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 18-09-00554
«Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений
власти и общества России в XX веке
(на материалах Европейского Севера России)»*

В статье показана роль, а также рассмотрены основные направления и формы деятельности оперативных комсомольских отрядов дружинников (ОКОД) Вологодской области по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в конце 1970-х – 1980-е гг.

Комсомол, молодежь, оперативные комсомольские отряды дружинников (ОКОД), преступность, профилактика правонарушений.

Руководство СССР всегда стремилось сделать борьбу с преступностью общенародным делом. Различные формы содействия населению органам внутренних дел в охране общественного порядка функционировали на протяжении всей истории советского периода. С середины 1950-х гг. основной формой участия общественности в борьбе с преступностью стали добровольные народные дружины (ДНД). Формы их организации, задачи и полномочия были определены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» [6].

В 1960-е гг. в различных регионах наряду с ДНД стали активно создаваться оперативные комсомольские отряды (ОКОД). Они не подменяли деятельность народных дружин, но имели более широкий спектр правоохранительных и идеологических задач. Постановлением секретариата ЦК ВЛКСМ от 12 сентября 1966 г. ОКОД были официально признаны одной из важнейших форм предупреждения правонарушений и воспитания молодежи. Комсомольские оперативные отряды вели борьбу с нарушителями общественного порядка и детской беспорядочностью, осуществляли профилактику правонарушений среди подростков, занимались организацией целенаправленного досуга подростков и молодежи, оказывали активное содействие милиции в выявлении и разоблачении лиц, ведущих паразитический образ жизни, проводили агитационно-пропагандистскую работу по разъяснению правовых основ советского законодательства среди молодежи.

В Вологодской области наиболее активно оперативные комсомольские отряды работали во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. В 1979 г. в Вологодской области насчитывалось 189 ОКОД

(4417 человек), созданных на предприятиях, в учреждениях и вузах области. Общее руководство их деятельностью осуществляли первичные комсомольские организации, а курировали областной, городские и районные комитеты ВЛКСМ. Непосредственно каждым комсомольским оперативным отрядом руководили командир и комиссар. Они опирались на штаб, в котором велась документация, планировалась работа отряда, подводились итоги деятельности за определенный период.

Главным направлением деятельности ОКОД являлось предупреждение правонарушений на улицах и в местах массового отдыха молодежи. При Советском и Октябрьском РК ВЛКСМ Вологды, Индустриальном и Первомайском РК ВЛКСМ Череповца были созданы подвижные оперативные отряды, которых предприятия обеспечивали транспортом [1, оп. 51, д. 3, л. 2]. Комсомольцы-дружинники вносили существенный вклад в обеспечение охраны общественного порядка в городах и поселках области: патрулировали улицы, дежурили на массовых мероприятиях, проводили специализированные рейды. Так, за 1979 г. они задержали 9453 нарушителя общественного порядка, в т.ч. 105 за совершение преступлений.

Ежегодно в области проводился смотр работы ОКОД. В 1982 г. победителем соревнования стал ОКОД Вологодского политехнического института. Командиром отряда являлся В.Г. Трусов, комиссаром – С.К. Елгаев. Отряд был создан в 1969 г., его численность достигала 40 человек. Работа отряда велась по нескольким направлениям: охрана общественного порядка, взаимодействие с органами ОБХСС, проверка паспортного режима, шефство над трудными подростками. Члены отряда шесть раз в неделю осуществляли дежурство в Советском районе г. Вологды и

выполняли задания по адресам, полученным от УВД и Советского РОВД. Дежурство осуществлялось группами по 6–8 человек. За 1982 г. отрядом было задержано 527 правонарушителей, из них 60 несовершеннолетних и 12 человек, совершивших уголовные преступления, предупреждено 40 нарушений общественного порядка и два преступления [2, оп. 46, д. 6, л. 1].

Большое внимание члены отряда уделяли физической подготовке. Два раза в неделю проходили занятия по самбо. Все члены ОКОД являлись значкистами ГТО, 16 человек имели спортивные разряды. Хорошо была поставлена и организационная работа. Раз в три месяца проходили собрания отряда, на которых подводились итоги работы, обсуждались конкретные ситуации в ходе дежурств, знакомились с решениями комсомольских органов о работе ОКОД, утверждались планы работы. Ежемесячно проводились заседания штаба отряда в составе 8 человек. В отряде имелся журнал, в котором фиксировались результаты дежурств членов ОКОД.

Одной из форм активизации работы по профилактике правонарушений среди молодежи являлись всесоюзные «Недели комсомольского действия». В рамках одной из таких недель, которая проводилась в Вологодской области с 24 по 30 сентября 1979 г. приняло участие 3962 человека, в т.ч. 1480 членов ОКОД, 287 работников милиции. В ходе этой акции было проверено 1023 подростка, состоящих на учете в ИДН, задержано 195 подростков-правонарушителей. Итоги операции подведены на заседании опергруппы [4, оп. 43, д. 39, л. 86].

Индивидуальным шефством над трудными подростками занимался педагогический отряд «Данко» Вологодского государственного педагогического института, в составе которого работало 107 будущих учителей [1, оп. 51, д. 3, л. 2]. В Череповце положительно зарекомендовали себя комиссии по делам несовершеннолетних с вечерними заседаниями. Большую помощь в работе этих комиссий оказывали оперативные комсомольские отряды, которые выявляли несовершеннолетних подростков, совершивших правонарушения или бесцельно шатавшихся в вечернее время, помогали доставить родителей таких детей на заседания комиссии.

Вместе с тем, работа ОКОД по профилактике правонарушений среди молодежи не была свободна от недостатков. Не за всеми трудными подростками были закреплены шефы-наставники из числа членов ОКОД, результаты рейдов-проверок не всегда анализировались, деятельность членов ОКОД практически не стимулировалась, кураторство за ОКОД со стороны работников милиции нередко носило формальный характер, часто возникали проблемы с обеспечением подвижных ОКОД транспортом. Данные недостатки были типичны для большинства ОКОД. Для их преодоления предлагались такие меры, как закрепление ОКОД за определенными опорными пунктами; усиление взаимодействия работников милиции и ОКОД в работе по профилактике и предупреждению правонарушений среди молодежи; более четкое планирование работы ОКОД; улучшение индивидуальной работы с несовершеннолетними; закрепление за всеми труд-

ными подростками комсомольцев-наставников; моральное и материальное поощрение лучших комсомольцев-дружинников.

Комсомол активно привлекался властями к работе с таким специфическим контингентом молодежи, как условно осужденные и условно освобожденные лица, направленные на работу на стройки и предприятия народного хозяйства. Во второй половине 1970-х гг. Бюро ЦК ВЛКСМ и Коллегии МВД СССР приняли совместное постановление «О задачах комсомольских организаций и органов внутренних дел по улучшению воспитательной работы с молодежью из числа условно осужденных и условно освобожденных лиц, направленных на стройки и предприятия народного хозяйства».

В целях изучения состояния совместной работы комсомольских организаций и руководства спецкомендатур в сентябре 1978 г. в Череповец направилась бригада УВД Вологодского облисполкома и ОК ВЛКСМ. По итогам проверки в комитете ВЛКСМ Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой» состоялось совещание-семинар начальников спецкомендатур и секретарей комсомольских организаций, определены совместные направления их работы. В октябре 1978 г. была проверена работа комитета ВЛКСМ треста «Вологдапромстрой» с этой категорией молодежи. В январе 1979 г. состоялся семинар секретарей ГК, РК, строек и начальников спецкомендатур. Большую помощь в организации работы в этом направлении оказала бригада ЦК ВЛКСМ и МВД СССР, которая вскрыла недостатки, указала пути их устранения.

Комсомольские активисты вошли в состав методических советов и советов воспитателей отрядов спецкомендатур, участвовали в проведении общих собраний с осужденными. Больше внимания стало уделяться производственной деятельности условно осужденных и условно освобожденных лиц: 97,5% включились в социалистическое соревнование, 92,7% выполняли и перевыполняли нормы выработки. Более активно решались вопросы организации досуга спецконтингента. 46% его представителей участвовали в работе самостоятельных организаций, 67,9% посещали вечерние школы и консультационные пункты [4, оп. 43, д. 39, л. 31]. Вошли в практику встречи с писателями, поэтами, передовиками производства, ветеранами войны и труда, проведение тематических вечеров, политинформаций, культпоходов. Шекснинский РК совместно с руководством спецкомендатуры треста «Шекснастрой» организовал футбольную команду, секции борьбы, баскетбола, волейбола. Молодежь из числа спецконтингента активно участвовала в районных соревнованиях [4, оп. 43, д. 39, л. 30–31]. В результате количество преступлений среди спецконтингента в 1979 г. сократилось на 6,3% по сравнению с 1978 г. Уменьшилось количество хулиганских действий, самовольного оставления рабочих мест, на 12,6% сократилось количество прогулов [4, оп. 43, д. 39, л. 32].

Одним из направлений сотрудничества комсомола с правоохранительными органами являлась борьба с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией. В соответствии с постановлением ЦК КПСС Вологодский ОК ВЛКСМ в 1981 г.

принял постановление «Об усилении роли комсомольских организаций по борьбе с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией». Аналогичные постановления приняли городские и районные комитеты ВЛКСМ. Эти вопросы регулярно рассматривались на семинарах секретарей ГК, РК, первичных комсомольских организаций, командиров ОКОД с приглашением работников БХСС, УВД, прокуратуры.

В середине 1980-х гг. в области работало 185 оперативных комсомольских отрядов дружинников, в которых состояло 3,8 тыс. человек. При каждом сводном отряде были созданы специализированные группы, работающие по линии БХСС. Работа по борьбе с хищениями, взяточничеством и спекуляцией велась в тесном контакте с постами штабами «Комсомольского прожектора», действовавшими на многих предприятиях и в учреждениях области. Городские штабы «КП», с одной стороны, координировали действия районных штабов «КП», штабов и постов первичных комсомольских организаций, с другой стороны, являлись организаторами городских рейдов, операций «прожектористов» по наиболее важным вопросам.

В 1984 г. «прожектористы» и ОКОД совместно с народными контролерами приняли участие в 4 областных рейдах. С высокой эффективностью прошли рейды по учету и сохранности строительных материалов в объединении «Череповецметаллургхимстрой», по организации и проведению зимовки скота, бережному использованию кормов и их сохранности в колхозах и совхозах области, по организации приема, хранения и реализации плодов и овощей торгующими организациями. Летом того же года совместно с УВД области проводились мероприятия под условным наименованием «Транспорт», в ходе которых состоялись рейды ОКОД по проверке сохранности перевозимой авто- и сельхозтехники, безопасности движения поездов, охране общественного порядка на вокзалах и в пригородных поездах, профилактике детского травматизма.

Хорошо была организована деятельность ОКОД Вологодского железнодорожного узла, созданного в 1979 г. В 1983 г. в отряде числилось 77 человек, из них 8 – кандидаты и члены КПСС, 69 – комсомольцы. Командиром отряда являлся А.С. Быков, начальником штаба – С.Ю. Ногинов. В состав ОКОД входили рабочие и служащие вагонного и локомотивного депо, учащиеся технического училища № 7. Основными задачами отряда являлась профилактика и предупреждение правонарушений на железнодорожном транспорте, а также контроль за сохранностью грузов.

Регулярно проходила учеба членов ОКОД. С лекциями выступали сотрудники линейного отделения милиции, сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних, перед выступлением на дежурство проводился инструктаж, бойцы отряда получали оперативную информацию. Отряд осуществлял патрулирование привокзальной площади г. Вологды, грузового двора, станций Вологда 1 и Вологда 2, Молочное, Вожега, Паприха. Совместно с линейным отделом милиции проводились рейды «Продавец», «Подросток», «Двор», с сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних осуществлялось сопровождение

поездов. За один только 1982 г. отрядом было задержано 220 нарушителей. Раз в квартал проходили общие собрания ОКОД с разбором дежурств и планированием дальнейшей работы. По материалам рейдов и дежурств выпускались стенгазеты, «молнии» и «боевые листки», обновлялась фотовитрина. Также ОКОД железнодорожного узла шефствовал над отрядом юных друзей милиции при школе-интернате № 1 г. Вологды.

В 1984 г. только в Вологде действовало 1835 штабов и 418 постов «КП», в работе которых участвовали 7,5 тыс. комсомольцев. Эффективно работали штабы и посты «КП» приборостроительного завода «Луч», ГПЗ-23, горпромторга, института «Вологдагражданпроект» и ряда других организаций. С участием ОКОД и «КП» были проведены крупномасштабные массовые рейды и операции «Секундомер», «Вагон», «Проходная», «Заслон», «Закрома». За два года они провели более 2,5 тыс. рейдов. Условный экономический эффект от реализации предложений «КП» по сокращению потерь рабочего времени, укреплению трудовой дисциплины и соблюдению режима экономии составил около 580 тыс. руб. [2, оп. 47, д. 2, л. 16].

В годы горбачевской перестройки условия работы народных дружинников существенно изменились. 12 марта 1987 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об отмене дополнительных отпусков, предоставляемых за выполнение отдельных общественных обязанностей». В документе говорилось: «Считать нецелесообразным предоставление в дальнейшем дополнительных отпусков в качестве поощрения за выполнение общественных обязанностей членам добровольных народных дружин по охране общественного порядка, добровольных пожарных и газоспасательных дружин, товарищеских судов, а также народным контролерам, имея в виду использовать эти льготы для стимулирования перехода трудовых коллективов на многосменный режим работы» [5]. Принятие этого постановления в условиях кризиса коммунистической идеологии и прежних ценностных ориентаций крайне негативно сказалось на деятельности народных дружин, в том числе и ОКОД. Начиная с 1987 г. отмечается снижение числа дружинников. Только за 1988 г. их количество в Вологде сократилось на 7,2% [1, оп. 73, д. 336, л. 4]. За этот же период численность дружинников – членов ВЛКСМ уменьшилось на 26,1% [1, оп. 73, д. 336, л. 4].

В 1988 г. были пересмотрены в сторону уменьшения нормы ежедневного выхода дружинников на охрану общественного порядка. По Вологде эта норма была сокращена на 35,7%. Одновременно на 25% возросла средняя нагрузка на одного члена ДНД и ОКОД. В этих условиях активность дружинников-общественников резко снизилась, увеличилось количество случаев невыходов на дежурство. Руководство УВД области констатировало, что в отличие от прошлых лет оперативные комсомольские отряды не могли обеспечить должную охрану общественного порядка в местах массового отдыха молодежи, поэтому ОВД вынуждены отвлекать на эти объекты большие силы милиции [1, оп. 73, д. 336, л. 6].

Таким образом, в конце 1980-х гг. в Вологодской области, как и по всей стране, началось резкое снижение активности народных дружин и оперативных

комсомольских отрядов. После распада СССР традиционные советские формы охраны правопорядка и борьбы с преступностью прекратили свое существование, поскольку не отвечали новым условиям общественной жизни.

Литература

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1858.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 3085.
3. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 3805.

4. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 3892.

5. Об отмене дополнительных отпусков, предоставляемых за выполнение отдельных общественных обязанностей : Постановление Совета Министров СССР от 12.03.1987 № 333. – Текст электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2019).

6. Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02.03.1959 № 218. – Текст электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2019).

S.G. Karpov

PARTICIPATION OF KOMSOMOL OPERATIONAL UNITS OF VOLOGDA OBLAST IN PUBLIC ORDER ENFORCEMENT AND CRIME CONTROL IN THE LATE 1970s–1980s

The article considers the role, main strategies and forms of activity of Komsomol operational units of *druzhinniki* (OKOD) in Vologda oblast aimed at public order protection and crime control in the late 1970s–1980s.

Komsomol (All-Union Leninist Communist League of Youth), youth, Komsomol operational units of *druzhinniki* (OKOD), crime, delinquency prevention.

Г.Н. Кочешков, К.В. Клочко
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ПЕРВЫЙ ГОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируются процессы становления и развития системы организаций по преодолению беспризорности в Ярославской губернии, бытовое положение детских домов, а также проблемы, связанные с подготовкой кадров для детских учреждений. В статье затронуты вопросы продовольственного снабжения приютов в первый год гражданской войны. Статья написана на документальном материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Ярославская губерния, детская беспризорность, несовершеннолетние, детские дома.

В настоящее время в России проводится достаточно активная деятельность государственных органов власти в социальной сфере. При этом особое внимание уделяется поиску и разработке новых социальных проектов и программ по реабилитации детей-сирот. В этой связи вполне актуален опыт участия государства в судьбе беспризорных детей в первые годы советской власти, когда происходил процесс становления системы социального обеспечения, закладывавшаяся фундамент новой социальной политики.

Исследование феномена детской беспризорности по оказанию помощи детям-сиротам обусловливается его малой изученностью не только в масштабах всей страны, но и на региональном уровне. По нашему мнению, изучение данной проблемы крайне важно как в научном, так и в практическом значениях.

В дореволюционной России система детского обеспечения держалась преимущественно на благотворительной деятельности институтов церкви, государства и общества. При этом вышеуказанные учреждения обращали особое внимание практике усыновления детей-сирот и их материальному содержанию.

Революция 1917 г. и гражданская война в России привели к серьезному сбою системы детских приютов дореволюционной России. Резкий рост числа сирот, беспризорных, ухудшение материального положения семей требовали существенных изменений в системе обеспечения детей, более значительных усилий со стороны государства в решении социальных проблем.

Организационная перестройка учреждений по охране детства началась сразу после Октябрьской революции 1917 года. Прежние структуры управления были ликвидированы, а на их местах стали создаваться новые. Свыше тысячи детей воспитывались в ярославских детских домах, носящих имена К. Маркса, В.И. Ленина, К. Либкнехта, В. Володарского и других известных революционеров.

Ярославский горюездный отдел социального обеспечения сообщал, что на 15 октября 1918 г. в детских приютах числилось 1075 человек [1, с. 112], а на 1 декабря – 1113 детей [1, с. 112].

В 1917–1918 гг. в г. Ярославле начали формироваться новые управленческие структуры. Первым органом, объединившим под своим руководством все детские дома, был губернский отдел социального обеспечения. В 1919 году состоялось заседание губернотдела, на котором сообщалось о «переходе детских домов в ведение губернского отдела народного образования» [6, с. 9]. Целью такой реорганизации было стремление местных органов власти наладить систему продовольственного снабжения в детских домах.

С началом гражданской войны на улице появляется большое количество беспризорных детей, совершивших правонарушения. В январе 1918 года был принят Декрет «О комиссиях по делам несовершеннолетних», согласно которому для малолетних и несовершеннолетних детей, совершивших преступления, в качестве воспитательной меры тюрьму заменяли помещением детей в приюты. В губерниях создавались комиссии, которые рассматривали дела по правонарушениям, делали соответствующие выводы о личности малолетних правонарушителей и на основании этого принимали конкретные решения [12, с. 124].

В своем подходе к профилактической работе с несовершеннолетними упомянутая комиссия исходила из убеждения, что «главными внешними причинами детской преступности является: покинутость, беспризорность, нищета заставляющая изыскивать средства к существованию, морально разлагающая среда, приводящая к алкоголизму и другим недугам, жизнь в подвалах и углах, жестокое обращение и т.д. Естественно, что рост в таких условиях может привести и нормального, одаренного в душевном отношении ребенка к действиям противозаконным, и развить преступную и порочную психологию, а в случае наличия природной дефективности эти результаты получаются еще легче и скорее» [12, с. 128].

В качестве примера, иллюстрирующего данный вывод, можно привести выдержки одного из дел, рассмотренных комиссией в 1919 году:

«о Николае Симушкине, 13 лет, обвиняемом в карманной краже. Доставленный на заседание комиссии Симушкин заявил, что он круглый сирота, и никаких родственников у него нет. Кражу денег совершил для того, чтобы купить хлеб, т.к. сильно голодал.

Комиссия постановила: возбужденное против Николая Симушкина дело прекратить, а его поместить в один из приютов малолетних правонарушителей...» [13].

«о несовершеннолетней Степаниде Азаровой, обвиняемой в краже денег и вещей. Принимая во внимание ее чистосердечное раскаяние, обещание никогда не брать чужого, просьбу отпустить на родину, комиссия постановила: освободить ее из-под стражи и отправить ее на родину в Смоленскую губернию, снабдив ее продуктами на дорогу на четверо суток по ½ фунта хлеба в день» [13].

Комиссии по делам несовершеннолетних в стране просуществовали до 1935 года и были упразднены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г.

В Ярославской губернии существовало несколько видов детских учреждений: дома-коммуны, трудовые дома и колонии трудновоспитуемых детей, летние колонии и дома трудолюбия.

Как правило, прежде чем попасть в одно из детских учреждений, несовершеннолетний ребенок сначала оказывался в приемно-распределительном пункте, где он проходил необходимую санитарно-гигиеническую обработку, получал необходимую еду и одежду. После 3-4 дней пребывания в приемнике ребенок направлялся либо в детский дом с необходимым набором сопроводительных документов, либо по месту прежнего жительства [12, с. 216].

Причины, по которым дети попадали в приюты, были разные: это и смерть родителей, и тяжелое материальное положение семей, а также временное отсутствие родителей. Изучая архивные документы, мы нашли несколько заявлений родителей с просьбой поместить их детей в приюты. Некто Кириянов в заявлении, направленном в отдел социального обеспечения, просил принять на попечение свою дочь в связи с его отъездом на фронт [4, с. 18]. В другом заявлении из Тургеневской волости, отправленном в губернскую трудовую колонию морально-дефективных детей, отец мальчика, объясняя причины помещения ребенка в данное заведение, написал следующее: «Прошу принять моего сына Павла, мальчика 16 лет от роду, которого я, находясь на службе не в состоянии содержать и воспитывать, так как он не хочет самостоятельно работать. Во время моего отсутствия на фронте избаловался» [12, с. 107].

Некоторых детей направляли в детские учреждения из неблагополучных семей, родители которых злоупотребляли алкоголем, вели аморальный образ жизни. От матерей, переступивших закон, детей отбирали насильно [7, с. 21].

Согласно изученным архивным делам, в детские дома Ярославской губернии принимали детей от 3 до 16 лет [9, с. 45]. Для грудных и малолетних детей в возрасте до 3 лет создавались дома ребенка, находившиеся под контролем отдела охраны материнства и младенчества. Таковым был приют им. Коковина, в котором содержались дети в возрасте до трех лет [5, с. 2].

Были и приюты в Ярославской губернии, в которых находились разновозрастные дети. Известно, что такой детский дом функционировал в г. Любиме [5, с. 21].

Педагогические коллективы детских домов занимались не только воспитанием, но и привитием воспитанникам навыков в трудовой сфере с тем, чтобы из стен детских учреждений выходили вполне сформировавшиеся и способные к профессиональной деятельности юноши и девушки. Большое внимание уделялось формированию таких необходимых качеств, как дисциплинированность и ответственность. В каждом детском доме были выработаны определенные правила и нормы поведения, которые воспитанники должны были неукоснительно выполнять [11, с. 67].

В 1918 г. общее состояние приютов г. Ярославля было крайне неутешительным. По данным Горсобеса, существовало множество причин бедственного положения приютов: это и последствия «белогвардейского мятежа» в городе, в результате которого были разрушены практически все здания детских учреждений; изношенность и ветхость старых зданий, требовавших ремонта; резко увеличивавшейся наплыв беспризорных, что создавало большие проблемы в плане их жизнеустройства; пожары, которые не пощадил деревянные здания приютов; перепрофилирование ряда приютов под другие нужды, в частности, Николаевский приют был переоборудован под школу, а Ольгинский – под лазарет [1, с. 103].

Весьма серьезной для детских домов была проблема кадров. При приеме на работу, как правило, обращали внимание не на степень подготовленности педагогов, а на его идеологическое мировоззрение.

В послереволюционные годы персонал детских домов в основном состоял из малообразованных, не имевших никакого отношения к педагогике людей. Подбор персонала носил случайный характер, текучесть кадров была чрезвычайно высокой. Так, в приюте им. Карла Маркса за 3 месяца (январь – март 1918 г.) сменились 3 заведующих, причем один из них, некий Щигин, работал в этой должности всего 7 дней [2, с. 1].

Лишь небольшое число приютов имело достаточное количество штатных сотрудников. В этом плане особо выделялся приют им. Нахимсона. По отзывам воспитанников, педагоги обращались с ними гуманно и дружелюбно, никаких жалоб на сотрудников со стороны детей не поступало. Приют был достаточно большой, в нем работало 63 педагога [2, с. 1].

При изучении актов обследования детских домов (по архивным фондам Центра документации новейшей истории – ЦДНИ Ярославской области) можно воссоздать условия жизни воспитанников в детских учреждениях. Особо отмечается крайне плохое положение, связанное с обеспечением детских домов и приютов топливом, одеждой и другими товарами первой необходимости. Наблюдалась случаи голода среди воспитанников, сложной была санитарно-эпидемиологическая обстановка в детских учреждениях. В некоторых приютах процесс воспитания носил хаотический характер, отсутствовала всякая планомерная работа с детьми [2, с. 16].

Трудноразрешимой была проблема продовольственного снабжения детских домов. Никаких реко-

мендаций по рациону питания воспитанников, кроме калорийности еды, не существовало. Исследуя жизнь детей в приютах имени Коковина и Карла Маркса, инспектора-ревизоры обнаружили, что значительная часть продуктов (пряники и сливочное масло), предназначенная воспитанникам, не доходила до них. Прочтало воровство среди работников приюта [4, с. 10].

На совещаниях при ярославском губсобесе неоднократно ставился вопрос об обеспеченности детских домов молоком и молочными продуктами для грудных детей. Однако данная проблема так и не была решена. По мнению члена губсовета Головиной, «наблюдаются случаи, что приходится выдавать удостоверения о смертности детей от голода» [10, с. 21]. Особенно плохое положение сложилось в приюте имени Коковина. Как отмечалось в отчетах, «дети голодают, запасов продуктов совершенно нет, если так будет и в дальнейшем, то дети будут обречены на голодную смерть» [5, с. 2].

Во многих детских учреждениях были массовые хищения. При обследовании приютов детская комиссия отмечала, что случаи воровства приобрели массовый характер: воровали продукты питания, одежду, постельное белье, мыло и т.п. Воспитанники приюта имени Карла Маркса жаловались на плохое питание. Во время обследования данного детского учреждения, слышались фразы со стороны детей, что «продуктов нет, потому что заведующая таскает ведрами» [2, с. 1].

Были и исключения из правил, в частности, в детских домах, расположенных в сельских местностях, продовольственное снабжение налажено должным образом благодаря тому, что администрации приютов удавалось договориться с местными жителями о снабжении детских домов продуктами питания.

Санитарно-гигиеническое состояние большинства приютов оставляло желать лучшего. В зданиях было грязно, сроки мытья детей не соблюдались, из-за нехватки дров помывка детей откладывалась на неопределенный срок. Так, в приюте «Освобожденная Россия» «...дети не мыты по 4-5 недель» [4, с. 18].

Грязь и смрад были не только в зданиях, но и во дворах. Как отмечала детская комиссия, в приюте имени Ленина «...кругом грязь. Отсутствие уборной, дети устраивают уборную, где им вздумается» [9, с. 7]. Такая же ситуация сложилась и в Доме Ребенка [5, с. 2]. Аналогичных примеров можно привести множество.

Во многих приютах не хватало самой элементарной мебели, включая кровати. В частности, в приюте «Интернационал № 1» «...ужасная грязь, нет постельного белья, с кроватей торчат доски. Дети лежат на матрасах без простыней и подушки без наволочек» [2, с. 1]. Как следствие, несоблюдение санитарно-гигиенических норм приводило к вспышкам инфекционных заболеваний.

Таким образом, подводя итог исследованию, можно сделать вывод о том, что в период гражданской войны государство предпринимало определенные меры в плане решения проблемы беспризорных детей. Ввиду того, что дореволюционная система опеки и усыновления уже не могла соответствовать новым требованиям времени, власти создают комплекс детских учреждений, основной задачей которых являлось воспитание и обучение детей-сирот.

Из-за перенасыщенности детских домов зачастую возникали сложности с устройством детей. Старые здания не могли вместить все увеличивающееся число беспризорных.

Не менее сложной была проблема обеспечения воспитанников питанием, одеждой и всем необходимым для жизни. Проанализировав нормы снабжения детских домов продовольствием, можно сделать вывод, что нехватка продуктов была повсеместной, что нередко приводило к голоду среди детей. Антисанитария способствовала распространению инфекционных заболеваний, массовых эпидемий, приводящих к смертельным случаям среди детей.

Литература

1. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 74.
2. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 234.
3. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 239.
4. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 243.
5. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 241.
6. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 242.
7. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 245.
8. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 249.
9. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 995.
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 123.
11. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 2. Д. 101.
12. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 594.
13. Киселева, И. В ответе за детские судьбы / И. Киселева // Путь к коммунизму. – 1983. – 27 мая. – С. 2.

G.N. Kocheshkov, K.V. Klochko

HOMELESS CHILDREN IN THE FIRST YEAR OF THE CIVIL WAR (ON THE MATERIAL OF YAROSLAVL PROVINCE)

The authors of the article analyze the process of formation and development of the system of organizations aimed at reducing and preventing child homelessness, enhancing the living conditions in children's homes, solving the problem of training professional staff for children's homes in Yaroslavl province. The problem of food supply to children's homes in the first year of the Civil War is also considered. The article contains many historical sources. The majority of them have not been published before.

Yaroslavl province, child homelessness, minors, children's home.

О.Н. Кузнецова
Институт Истории СПбГУ

МИНИСТЕРСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена созданию и деятельности Министерства продовольствия Временного правительства России в 1917 году. Министерство продовольствия функционировало с мая 1917 г. по январь 1918 г., за этот период его возглавляли два известных лидера правительства социалистических взглядов – А.В. Пешехонов и С.Н. Прокопович. Особое внимание обращено на выделение продовольственного вопроса в отдельном министерстве, впервые созданном во Временном правительстве, из всего многообразия структур по продовольственному делу. С приходом социалистов во Временное правительство в состав Министерства продовольствия вошли представители общественных организаций, кооператоры, выражающие умеренные социалистические взгляды. В центре внимания автора особенности организации продовольственного дела в стране в период революции 1917 года и те меры, которые были приняты для выхода из продовольственного кризиса.

Россия в 1917 году, Российская революция 1917 года, Временное правительство, Министерство продовольствия, А.В. Пешехонов, С.Н. Прокопович, министры-социалисты.

Осмысление революции 1917 года невозможно без рассмотрения продовольственных проблем, которые, как известно, занимали особое место в работе Временного правительства России. Характеризуя положение впервые созданного Министерства продовольствия в общей структуре государственного управления, следует обратить внимание на выделение продовольственного вопроса в отдельном ведомстве после создания коалиционного кабинета с участием социалистов. Министерство продовольствия было создано 5 мая 1917 г. [1, оп. 1, д. 1].

Министерство продовольствия функционировало до января 1918 г., за этот период его возглавляли два известных лидера правительства социалистических взглядов – А.В. Пешехонов и С.Н. Прокопович. Взгляды социалистов на решение продовольственного вопроса в составе Министерства продовольствия Временного правительства являются одной из основных целей данного исследования. Представляется необходимым рассмотреть первый опыт создания Министерства продовольствия и провести сравнительный анализ деятельности двух составов министерства и тех мер, которые были приняты для выхода из продовольственного кризиса.

В задачи Министерства продовольствия Временного правительства входили организация продовольственного дела в стране и обеспечение населения товарами первой необходимости. Основой деятельности министерства являлось снабжение армии продовольствием, фуражом, тканями, обувью, керосином, металлическими изделиями, мылом и т.д. Министерство занималось содействием сельскому хозяйству, регулированием потребления и контролем над ценами.

Рассматривая историографию проблемы, следует выделить работу П.В. Волобуева, посвященную экономической политике Временного правительства.

Прежде всего, он рассматривал деятельность Министерства продовольствия через призму хлебной монополии. Говоря о деятельности А.В. Пешехонова на посту министра, П.В. Волобуев отмечал, что работоспособный продовольственный аппарат, который мог бы обеспечить проведение хлебной монополии, создать не удалось: «Этот факт признали эсеро-меньшевики, косвенно признал его и министр продовольствия Пешехонов» [2, с. 404]. П.В. Волобуев также отмечал: «...даже С.Н. Прокопович свидетельствовал, что главной причиной слабого использования частноторгового аппарата для заготовок хлеба являлось «резко недоверчивое отношение к торговому классу со стороны населения» [2, с. 413]. Несомненно, хлебная монополия была во многом чрезвычайной мерой в условиях революции 1917 г.

Характеризуя историографию социально-экономической политики Временного правительства в 1960–1980-х гг., исследователь С.Ю. Малышева отмечает, что продовольственная политика Временного правительства в этот период рассматривалась опосредованно: «через борьбу крестьянства против этой продовольственной политики» [3, с. 26]. В конце 1970–1980-х гг. вышли несколько работ, посвященных продовольственной политике Временного правительства, но принципиально нового по сравнению с книгой Волобуева они не внесли [3, с. 29]. Вместе с тем, проблема формирования государственного аппарата Временного правительства и отношение партий к аграрному вопросу рассматривались в ряде работ. Первые публикации выпустили современники событий, в частности Н.М. Ясный [4], Я.М. Букшпан [5], который являлся разработчиком проекта о хлебной монополии.

Впоследствии этот вопрос разрабатывали В.Н. Гинев, который изучал тактику партий, в частности эсе-

ров и энесов, в решении продовольственного вопроса в 1917 году [6, с. 143], и современные исследователи, например В.В. Шелохаев, О.А. Безгина и др. [7; 8; 9]. Целиком личности А.В. Пешехонова посвящена работа О.Л. Протасовой, где анализируется его деятельность на посту министра Временного революционного правительства. Как отмечает О.Л. Протасова: «в самом сложном положении в дни Февральской революции оказались социалисты: с одной стороны, революция резко расширила их влияние и возможности, распространив их на государственную власть, а с другой – от них требовалась несравненно большая ответственность и готовность идти на непопулярные шаги и решения» [10, с. 103]. По мнению О.Л. Протасовой, кандидатура А.В. Пешехонова на один из министерских постов рассматривалась неоднократно. Так, в разгар апрельского кризиса И.Г. Церетели от имени руководства Петроградского совета убеждал Г.Е. Львова привлечь в правительство демократические элементы, не связанные прямо с Советами. Среди возможных кандидатов наряду с П.Н. Переверзевым, С.Н. Прокоповичем, П.Н. Малянтовичем был назван и А.В. Пешехонов. Борьба за пост министра в новом министерстве была затронута и в воспоминаниях И.Г. Церетели. А.В. Пешехонов входил в состав делегации Совета для переговоров с членами Временного правительства в составе коалиционного кабинета. В переговорах камнем преткновения оказался вопрос о Министерстве продовольствия, выделявшемся из прежнего Министерства земледелия. Делегаты натолкнулись на ожесточенное сопротивление кадетских министров, прежде всего А.И. Шингарева, не желавшего отдавать это ведомство социалисту [11, с. 116–117]. В итоге в новом кабинете Шингарев возглавил Министерство финансов, а Пешехонов Министерство продовольствия. Вместе с тем, особый журнал Временного правительства от 5 мая 1917 г. фиксировал, что временно заведывание продовольственным делом до 01.06.1917 г. было оставлено за А.И. Шингаревым [12, т. 2, с. 369].

Основанием продовольственной политики Временного правительства была хлебная монополия (введена 25 марта 1917 г.). Отметим, что А.В. Пешехонов был убежденным сторонником монополии, но попытки отстранить частный капитал встречали серьезное сопротивление, прежде всего со стороны торгово-промышленных кругов. Так, в августе 1917 г. в Аничковом дворце (который был передан министерству продовольствия) состоялась 5 сессия Общегосударственного продовольственного комитета под председательством А.В. Пешехонова, где против его политики со стороны Совета съездов торговли и промышленности прозвучала резкая критика, в частности со стороны П.И. Пальчинского – товарища министра торговли и промышленности. Так, П.И. Пальчинский обратился с запиской к А.Ф. Керенскому после чего 27 августа 1917 года правительство удвоило твердые цены на хлеб, несмотря на противодействие А.В. Пешехонова. Этот шаг привел к отставке А.В. Пешехонова с поста министра, в своей статье он объяснял причины ухода именно повышением хлебных цен со стороны Временного правительства [13]. Разногласия внутри правительства привели к тому, что сентябре 1917 года пост министра продовольствия занял

С.Н. Прокопович [14, с. 75]. В фонде Министерства продовольствия Временного правительств сохранился приказ № 88 от 19 сентября 1917 г. о вступлении в должность министра С.Н. Прокоповича в последнем, как оказалось, составе Временного правительства. Государственная политика Временного правительства по продовольственному вопросу нашла отражение в речах С.Н. Прокоповича и ряде приказов, подписанных им на этом посту [1, оп. 1, д. 47, л. 12–13; 15].

Для изучения деятельности Временного правительства и Министерства продовольствия, в частности, были привлечены «Журналы заседаний Временного правительства», которые дают сведения о текущих делах министерства [12], а также сборник документов и материалов по экономическому положению России [16]. Особое место занимают архивные материалы по Министерству продовольствия, представленные в ГАРФ, – это фонд Министерства продовольствия и фонд С.Н. Прокоповича [17]. В ОР РНБ имеется фонд А.В. Пешехонова, который содержит его личные документы, воспоминания, статьи, в частности сведения о его деятельности в течение и после 1917 года, переписку по поводу возвращения из эмиграции в 1925 году [18]. Из письма жены А.В. Пешехонова от 5 января 1938 года следует, что А.В. Пешехонову разрешили работать в Советских заграничных учреждениях, но въезд в СССР был невозможен. Ценным источником о деятельности А.В. Пешехонова является его автобиография [18, д. 7] и воспоминания о революции «Первые недели», где описывал создание первых органов новой власти для решения продовольственных проблем [18, д. 21]. Впоследствии в эмиграции в Институте изучения России вместе с В.М. Черновым и С.С. Масловым А.В. Пешехонов возглавлял кабинет (отдел) народного хозяйства и экономической политики, и если А.В. Пешехонов стремился вернуться в СССР, то С.Н. Прокопович, как известно, остался и продолжил работу в эмиграции, где создал Экономический кабинет, известный по изучению Советской России [19]. В период февраля – октября 1917 года С.Н. Прокопович занимал ряд важных постов в государстве, в частности, после Февральской революции он был избран в Совет Всероссийских кооперативных съездов, назначен председателем Главного экономического комитета и Экономического совета при Временном правительстве. 24 июля 1917 года С.Н. Прокопович вошел в третий состав правительства сначала как министр торговли и промышленности, а в сентябре 1917 года возглавил Министерство продовольствия.

Документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга свидетельствуют, что работа велась и до юридического оформления отдельного министерства, в частности, существовала должность заведующего продовольствием в Министерстве земледелия, которую занимал В.Н. Зельгейм, впоследствии товарищ министра продовольствия [20, д. 27, л. 1]. Отчеты о заседаниях Общегосударственного продовольственного комитета и его органов, проекты закона о распределении продуктов среди населения по карточной системе и сведения о деятельности Министерства продовольствия содержит РГИА [21]. Работа нового министерства и его министров широко освещалась в прессе, помимо официального органа мини-

стерства «Известий по продовольственному делу», также «Торгово-промышленная газета», «Новая Жизнь», «Русская Воля», «Биржевые ведомости» публиковали сведения о деятельности Министерства продовольствия.

Рассматривая социалистические силы в условиях революции 1917 г., следует обратить внимание на разработанные учеными социалистической ориентации концепции аграрной реформы, а также на труды представителей Министерства продовольствия, которые отражают их воззрения в 1917 г. Так, работы А.В. Пешехонова определяют задачи аграрной реформы, в частности осуществление перехода земли в собственность всего народа, он в социалистическом ключе определял право на землю путем национализации и социализации [22].

Причины создания и первые шаги по организации отдельного министерства были связаны с медленным решением продовольственных вопросов, спорами между ведомствами и раздробленностью продовольственного дела. Очевидность централизации и учреждения особого министерства, которое ведало бы исключительно продовольствием [1, оп. 6, д. 166], привело к тому, что 26 мая 1917 г. вышел приказ министра продовольствия № 1 о вступлении в управление Министерством продовольствия А.В. Пешехонова [20, д. 27, л. 2]. После чего 6 июня 1917 года произошло выделение и распределения обязанностей отделов – общего, транспортного, заготовительного и снабжения [20, д. 27, л. 3]. Перераспределение по отделам личного состава производилось по соглашению Особуполномоченных (по закупкам хлеба, сахара и соли для армии) – Н.А. Гаврилова и В.Н. Башкирова. Следует заметить, что деятельность вновь созданного министерства была тесно связана с ведением военных действий. В Бюллетене Министерства продовольствия № 63 от 30 сентября 1917 г. содержатся материалы Совещания инспекторов и инструкторов Министерства продовольствия [23]. В них товарищ министра продовольствия Временного правительства С.Н. Прокоповича В.Н. Башкиров сообщал, что в первые два года Первой мировой войны Министерство земледелия снабжало исключительно армию. В конце второго года войны оно перешло к снабжению также части населения в лице некоторых общественных организаций. Только с сентября 1916 г., когда твердые цены были объявлены обязательными для всех сделок, началось снабжение населения, а с объявлением хлебной монополии все снабжение, как армии, так и населения, перешло в руки правительства.

Министерство под руководством С.Н. Прокоповича информировало, что планы для снабжения армии составлялись на основании требований Интендантства и колебались в зависимости от размеров армии, снабжение населения происходило по отдельным нарядам через снабжение ряда общественных организаций, так что никаких планов со стороны министерства не было. С октября 1916 г. начали создаваться отдельные планы, но они страдали неполнотой и распространялись только на некоторые крупные губернии. С января 1917 г. планы становятся полными, т.к. в их основу были положены статистические данные о населении. Заметим, что основой плана для населения

являлась цифра в 15 млн пудов в месяц [23]. Министерство проверяло эти данные анкетами и путем корректировок сумело составить план минимального количества потребления для губерний. Несмотря на позицию Министерства продовольствия в отношении твердых цен, ситуация 1917 года вынудила Временное правительство принять в качестве чрезвычайной меры удвоение твердых цен. Цены были повышены, и это привело к увеличению подвоза хлеба. Оставаясь на позиции твердых цен, Министерство продовольствия предлагало усилить закупочный аппарат, привлечь кооперативы и местных торговцев, а также усилить авторитет заготовительных органов в глазах населения.

Вопрос о персональном составе и внутреннем устройстве Министерства продовольствия может быть рассмотрен на основе приказа Министерства продовольствия от 25 июля 1917 года за № 6 [20, д. 27, л. 18]. Так, на основании Положения о Министерстве продовольствия заведывание управлением общих дел по продовольствию было возложено на товарища министра В.Н. Зельгейма, управление по снабжению предметами первой необходимости поручено товарищу министра и представителю Трудовой народно-социалистической партии А.А. Титову [24]. Помощнику товарища министра Д.С. Коробову поручено руководство отделом заготовки и снабжения хлебом и фуражом, отделом заготовки и снабжения сахаром, солью, чаем, а также особым транспортным отделом Минпрода. Отдел заготовки и снабжения мясом, рыбой, маслами и особый финансово-счетный отдел возглавил помощник товарища министра А.Е. Кульж-ный. Помощнику товарища министра В.И. Анисимову поручались орготдел, статистико-экономический и отдел посевной площади. Еще 1 июля 1917 года на должность уполномоченного министра продовольствия в Москве был назначен Л.Б. Кафенгауз – известный ученый-экономист [20, д. 27, л. 9]. Указанные отделы составляли структуру созданного министерства, а на должности заведующих отделами министерства были назначены достаточно известные социалисты и кооператоры.

Заявленной целью создания дополнительных структур внутри министерства, в частности особых отделов, была нормализация продовольственного положения. Министерство пыталось принять меры против разрухи, такие как посылка эмиссаров, обращения с воззваниями, обмен хлеба на другие продукты, образование летучих отрядов воинских команд, но распад хозяйственной жизни в стране продолжался. Практика работы дополнительных секций, распределение работы внутри министерства вызывало дробление и дублирование функций, что вело к излишней бюрократизации и неэффективному решению продовольственных проблем.

Приказом от 19 сентября 1917 года в должность министра продовольствия вступил С.Н. Прокопович [20, д. 27, л. 38]). Его приход ознаменовал изменения в структуре министерства. В частности, 20 сентября 1917 года В.Н. Зельгейм был назначен членом технического комитета при Минпроде, 22 сентября 1917 года товарищами министра назначены В.Н. Башкиров и С.А. Ершов [20, д. 27, л. 40]. 21 октября 1917 года на И.А. Михайлова было возложено руководство всеми

отделами управления общих дел и Особыми отделами министерства [25]. Работа по внутренней организации Министерства продовольствия была возложена С.Н. Прокоповичем на Б.К. Ладыгина. Представление о работе Министерства продовольствия осенью 1917 г. дают приказы – от 18 сентября 1917 г. «Об определении цен на картофель по губерниям», от 4 октября 1917 г. «О воспрещении вывоза продовольственных продуктов по Петроградскому городскому управлению», «Об установлении твердых цен на масла, жмыхи и сало» и ряд других [20, д. 27, л. 47, 49, 51]. Как мы видим, никакого кардинального реформирования не происходило и со стороны нового состава министерства.

Завершение работы Министерства продовольствия оказалось связано с подготовкой и проведением Всероссийского продовольственного съезда 19 ноября 1917 г. в Москве. Съезд был созван для сплочения работы Министерства продовольствия и получения сведений о потребностях и настроениях на местах и прошел уже при существовании большевистской власти. Депеша министра продовольствия С.Н. Прокоповича от 18 сентября 1917 г. предписывала всем губкомам привезти на съезд материалы, касающиеся влияния удвоения хлебных цен, отчеты о хлебных запасах 1917 года и сведения об организации снабжения населения [1, оп. 6, д. 9, л. 15]. На съезд прибыли представители 83 губерний, областей, а также городов, где были созданы продовольственные комитеты. Телеграмма от 24 октября 1917 года, подписанная С.Н. Прокоповичем, сообщала, что на 18 ноября 1917 г. назначен съезд представителей продовольственных комитетов для рассмотрения вопросов о передаче продовольственного дела земским городским самоуправлениям и установлении понижающейся шкалы твердых цен на хлеб [1, оп. 6, д. 9, л. 46]. Взгляды представителей Министерства продовольствия на ситуацию, сложившуюся осенью 1917 г., отражает Бюллетень продовольственного съезда от 19 ноября 1917 года [1, оп. 6, д. 9, л. 80]. Одной из основных, опубликованных в Бюллетене, была речь товарища министра продовольствия Н.Д. Кондратьева, где озвучена программа Министерства продовольствия. Он отмечал, что работа должна быть направлена на удовлетворение государственных нужд, для чего должна быть определена линия разделения труда между органами, в частности, работа по снабжению населения не может быть направлена на разрушение сложившихся сил и кооперативов. Вместе с тем, он остановился на двух наиболее существенных вопросах – о снабжении населения предметами первой необходимости (для чего предлагал разработать «план снабжения») и общих условиях, в которых находилось Министерство продовольствия в 1917 году. Н.Д. Кондратьев отмечал, что обстановка, в которой работает Министерство продовольствия, ненормальна: «теперь у нас нет власти ни фактически не номинально», ведомства парализованы, распоряжения не исполняются.

Это подтвердил и С.Н. Прокопович на заседании Временного совета республики 16 октября 1917 г., где он делал следующий вывод: «Дело в том, что мы подошли к сентябрю с полным отсутствием хлебных запасов. Под влиянием этого отчаянного положения, ... как на фронте, так и внутри страны Временное пра-

вительство вынуждено было прибегнуть к крайней мере – к удвоению цен... Перед нами стояла дилемма – или пытаться получить хлеб добровольно, путем удвоения или перейти к репрессивным мерам – применению воинской силы. Мы не решились применить силу» [15, с. 41]. В целом С.Н. Прокопович понимал всю сложность продовольственного дела и необходимость применения экстренных мер в области заготовок. В то же время ни министру, ни Временному правительству не удалось решить проблему обеспечения страны продуктами питания и предметами первой необходимости, а также организовать эффективный подвоз хлеба в столицу.

Таким образом, лидеры, возглавившие Министерство продовольствия, придерживались социалистических воззрений. На посту министра А.В. Пешехонов, как народный социалист, был сторонником «похозяйственного учета» и решение земельного и продовольственного вопросов связывал с новыми органами власти на местах (земельными комитетами). С.Н. Прокопович, называя себя «нефракционным социалистом», был сторонником включения капиталистических элементов в экономику. Говоря о решении продовольственных задач, С.Н. Прокопович подчеркивал, что это вопрос государственной политики и сильной власти. Конечно, в ситуации 1917 года оба они оказались бессильны в окончательном решении проблем, связанных с продовольствием. Однако был принят ряд мер, в условиях революции, разрухи и ведения войны призванных спасти ситуацию. Именно в данном контексте следует рассматривать деятельность руководителей Министерства – А.В. Пешехонова и С.Н. Прокоповича.

Другой аспект – это судьба умеренного социализма, когда представители различных партий и течений, а также общественные деятели, зачастую напрямую не связанные с Советами, стремились участвовать именно в реализации коренного вопроса русской революции – аграрного. Многие виды деятельности, такие как применение планирования, являлись новыми для России, подобная работа государственными органами не выполнялась, поэтому наблюдался дефицит подготовленных кадров, который ликвидировали демократические социалистические элементы, однако судьба умеренного социализма в 1917 году оказалась печальна. Свидетельством хаотичной организации власти является тот факт, что зачастую министрам Временного правительства приходилось принимать решения исходя из сиюминутных требований.

Теория и практика продовольственного дела в условиях Первой мировой войны была совершенно новой, поэтому сформировалось многообразие структур для решения проблем с продовольствием. Выделение продовольственного вопроса в отдельном министерстве подчеркивало его значимость и чрезвычайность. В то же время произошло не только выделение нового министерства, а с ведением хлебной монополии – изменение всей системы обеспечения страны продовольствием. Экономические мероприятия правительства были тесно связаны с политическим курсом власти, так, действенным способом осуществления хлебной монополии стала система принудительного отчуждения хлеба. При этом разнообразные общественные группы, та-

кие как продовольственные комитеты, советы рабочих и крестьянских депутатов, земское самоуправление, общества, прилагали все усилия для восстановления и нормализации снабжения и обеспечения продовольствием. Само существование министерства оказалось непрочным в условиях 1917 г., однако его опыт работы был использован Наркоматом продовольствия, в частности, хлебная монополия была продолжена.

Литература

1. ГАРФ (Государственный архив РФ). Ф. 1783. Фонд Министерство продовольствия Временного правительства. Оп. 1–6.
2. Волобуев, П. В. Экономическая политика Временного правительства / П. В. Волобуев. – Москва, 1962. – 483 с.
3. Малышева, С. Ю. Временное правительство России. Современная отечественная историография / С. Ю. Малышева. – Казань : Хэтер, 2000. – 208 с.
4. Ясный, Н. М. Продовольственное дело и хлебная монополия / Н. М. Ясный. – Петроград : Книгоиздательство Ясного, 1917. – 32 с.
5. Букшпан, Я. М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. / Букшпан Я. М. – Москва ; Ленинград, 1929. – 541 с.
6. Гинев, В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества / В. Н. Гинев. – Ленинград : Наука, 1977. – 295 с.
7. Секиринский, С. С. Либерализм в России: Очерки истории (сер. XIX – начало XX) / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. – Москва : Памятники исторической мысли, 1995. – 285 с.
8. Безгина, О. А. К вопросу о деятельности отечественной кооперации в 1917 году / О. А. Безгина. – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site76/html/media40408/bEZGINA_k_VOPROSU.doc (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.
9. Китанина, Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917) / Т. М. Китанина. – Ленинград, 1985. – 384 с.
10. Протасова, О. Л. Человек и эпоха / О. Л. Протасова, А. В. Пешехонов. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 240 с.
11. Церетели, И. Г. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной Думы. 1917–1918 / И. Г. Церетели. – Москва, 2007. – С. 116–117.
12. Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. : в 4 томах. – Москва, 2001.
13. Пешехонов, А. В. «Почему я ушел из министров» / А. В. Пешехонов // Народный социалист. – 1917. – 15 сентября.
14. Кузнецова, О. Н. Министр Временного правительства С.Н. Прокопович / О. Н. Кузнецова // Новейшая история России: время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева). – Санкт-Петербург, 2010.
15. Прокопович, С. Н. Народное хозяйство в дни революции: (Три речи) / С. Н. Прокопович. – Москва, 1918. – 68 с.
16. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции. Март – октябрь 1917. Документы и материалы. Часть 3: Сельское хозяйство и крестьянство / Академия наук СССР ; Институт истории. – Москва ; Ленинград. – 1967. – 540 с.
17. ГАРФ. Ф. 5902. Фонд С.Н. Прокоповича
18. ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Фонд А.В. Пешехонова
19. Бачурина, О. Н. Экономическое наследие С. Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции / О. Н. Бачурина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2005. – 137 с.
20. ЦГА СПб. Ф. Р-2207. Оп. 1.
21. РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 360.
22. Пешехонов, А. В. Основные задачи аграрной реформы / А. В. Пешехонов. – Петроград, 1917.
23. ЦГИА. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 68. Бюллетень Министерства продовольствия. Л. 142.
24. Титов, А. А. Что сделало министерство продовольствия для снабжения сельского населения предметами первой необходимости / А. А. Титов. – Петроград : Гос. тип. 1917. – 29 с.
25. Ходяков, М. В. Иван Андрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака / М. В. Ходяков // Клио. – 2013. – № 10 (82). – С. 92–95.

O.N. Kuznetsova

MINISTRY OF FOOD OF THE RUSSIAN PROVISIONAL GOVERNMENT: THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

The article describes the formation and work of the Ministry of Food of the Russian Provisional Government in 1917. The Ministry of Food functioned from May 1917 till January 1918 under the leadership of two socialists: A. Peshekhonov and then S. Prokopovich.

The article draws attention to the fact that the specialized ministry dealt with the food problems. It was established in the Provisional Government apart from the other bodies handling the food issues.

The Socialists who entered the Provisional Government made the Ministry of Food involve some representatives of public organizations and cooperators who shared moderate socialist views. Olga Kuznetsova emphasizes the peculiarities of food supply organization in the country during the Revolution of 1917. The author enumerates the measures that were taken to cope with the food crisis.

Russia in 1917, Russian Revolution of 1917, Provisional Government, Ministry of Food, A. Peshekhonov, S. Prokopovich, ministers-socialists.

С.А. Попов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦВЕТНЫХ БЛАНКОВ ПАСПОРТНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Исследование выполнено в рамках реализации научной исследовательской работы
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы
на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография»
(№ ГР АААА-А17-117021310064-0)*

Представлена цветовая гамма паспортных документов, использовавшихся податным населением Российской империи. Дана характеристика назначения бланков документов, отличающихся цветами: белый, розовый, синий и желтый; раскрыта цель их применения.

Вологодская губерния, исторический источник, акты ревизий, паспорт, податное население, цветовая дифференциация паспортных документов.

В 2018 г. в средствах массовой информации общалось об обсуждении в правительственных кругах идеи введения в России единого сквозного идентификатора гражданина. Предполагается, что этот «код» объединит в себе данные трех документов: номера паспорта, пенсионного и страхового удостоверений [1; 4]. Пока это предложение не реализовано, основополагающим документом гражданина Российской Федерации является внутренний паспорт. Характеризуя его значение в жизни человека, нельзя не согласиться с мнением А.К. Байбурина, который отметил, что «паспорт – один из самых интересных документов в истории взаимоотношений между государством и человеком» [3]. Сегодня он не просто удостоверяет личность, но является документом, без которого каждый из нас буквально «выпадает» из общественной жизни.

Современная паспортная система России прошла длинный исторический путь развития. В отечественной историографии можно выделить две основные точки зрения по вопросу ее возникновения. Большинство исследователей формирование данного института и регламентировавшего его законодательства относят к реформам Петра I [2, с. 34; 7, с. 18; 14, с. 13–14]. Другая группа специалистов считает, что его становление началось задолго до петровских преобразований [9, с. 78; 23]. Не углубляясь в полемику, отметим, что, по нашему мнению, до XVIII в. складывались ее отдельные элементы. С Петра I начался новый период развития, который сопровождался созданием совершенно иной паспортной системы. В процессе ее дальнейшей эволюции происходили изменения как непосредственно законодательства, так и типов документа, его функций и значения. Однако, независимо от проводившихся на протяжении XVIII–XIX вв. реформ, неизменным оставались два принципа, лежавшие в

основе функционирования дореволюционной паспортной системы: закрепленности человека за определенным местом жительства и сословного деления. Последняя позиция выражалась в том, что для разных слоев населения существовали индивидуальные правила учета и конкретные виды на жительство.

История развития паспортных документов¹ в Российской империи отечественными специалистами рассматривалась, как правило, в контексте изучения процесса эволюции непосредственно паспортной системы [5; 9; 24]; института полиции и миграционного законодательства [20; 22], а также социально-экономических отношений в обществе, а именно отходничества крестьян на заработки и промыслы [8; 10]. В итоге исследователями разносторонне проанализированы происходившие изменения в паспортном законодательстве; в соответствии с социальной стратификацией населения и служебным положением индивида рассмотрены классификация паспортных документов, правила их выдачи и пользования; дана оценка активности применения сельскими жителями паспортных документов сроком действия от месяца до пяти лет.

Несмотря на достигнутые результаты в изучении развития паспортной системы России в дореволюционный период, специалистами разработаны далеко не все сюжеты, связанные с историей этого института. Одним из них является вопрос о наличии цветовой дифференциации видов на жительство и специфики их использования среди податного населения. Лишь в единичных трудах бегло упоминается о применении цветных бланков. В частности, В.Н. Ратушняк отме-

¹ В работе словосочетание «паспортные документы» используется в качестве понятия, объединяющего встречающиеся в источниках термины: «паспорт», «вид на жительство», «билет», «книжка» и др.

тил, что «особые удостоверения личности на специальной цветной бумаге выдавались офицерам и чиновника запаса» [20, с. 61]. В свою очередь А.В. Лучинин пишет: «для крестьян и мещан, достигших 18-летнего возраста, но не прошедших еще воинской повинности в качестве вольноопределяющегося, паспорта выдавались на бумаге особого цвета» [9, с. 79]. Именно отсутствием исследований, посвященных целенаправленному рассмотрению данного вопроса, продиктована тема представленной статьи. Автор постарался охарактеризовать цветовую гамму паспортных документов, которые предоставлялись в конце XIX – начале XX в. сельскому населению. Работа основана на законодательных актах и делопроизводственных материалах высших органов власти (правила, циркуляры, разъяснения) и уездных учреждений. Последние представлены актами ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии².

Выдача видов на жительство возлагалась на старшину волости, к которой были приписаны крестьяне, а учет оборота паспортных документов осуществлялся волостным правлением. С этой целью, согласно сведениям актов ревизий, в последнем велись наряды: «Настольный паспортный реестр» и «Книга паспортных бланков и книжек». В первом отражалась статистика общего количества предоставленных сельским обывателям паспортов, а также велась регистрация выданных документов. Для этого к нему прилагались «алфавиты: один для выдачи срочных паспортов, а другой для выдачи безсрочных паспортных книжек» [12, л. 2 об.]. Во втором фиксировалась информация о наличии в правлении паспортных документов на начало календарного года и количестве видов на жительство, поступивших в учреждение и выданных крестьянам в течение года. При этом сведения о них расписывались по цветам. Для примера приведем отрывок из акта ревизии Корткеросского волостного правления Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, датируемого 1 января 1914 г. «К 1 января 1913 г. состояло паспортных бланков: белых 199, розовых 74, синих 66, желтых 11 и книжек: белых 20, желтых 4. В 1913 г. (по 28 ноября) поступило паспортных бланков: белых 300 шт., розовых 100 и синих 100, а израсходовано паспортных бланков: белых 364, розовых 91, и синих 61, и книжек белых 6. Затем к 28 ноября 1913 г. осталось паспортных бланков: белых 135, розовых 83, синих 105, желтых 11 и книжек: белых 14 и желтых 4. По реестру (речь идет о Настольном паспортном реестре. – С. П.) лиц, получивших виды на жительство с 1 января по 28 ноября сего года, значится 522, в том числе выдано бессрочных паспортных книжек 6» [12, л. 75 об.].

Таким образом, материалы ревизий позволяют констатировать предоставление населению паспортных бланков и книжек, которые были представлены четырьмя цветами: белый, синий, желтый и розовый.

² В начале XX в. земскими начальниками Вологодской губернии с определенной периодичностью проводились ревизии органов крестьянского общественного самоуправления. По результатам проверки ими составлялся акт (протокол), копию которого в двухнедельный срок необходимо было представить в губернское по крестьянским делам присутствие. Более подробно об актах ревизии см. в работе автора [18].

Но, прежде чем охарактеризовать назначение каждого из оттенков, рассмотрим, что в источнике понималось под бланками и чем они отличались от книжек.

По мнению В.Г. Чернухи, с 1891 г. наступил новый этап в истории паспорта, который впоследствии стал последним в дореволюционной России [24, с. 167]. Основопологающим законом, регламентировавшим функционирование паспортной системы в этот период, являлось «Положение о видах на жительство», принятое 3 июня 1894 г. [15]. Разработкой «Устава о паспортах» 1903 г. [21] и утверждением высочайшего указа от 5 октября 1906 г. [17] корректировались отдельные статьи «Положения». Однако его основные каноны оставались неизменными вплоть до 1917 г.

Статьей 39 «Положения» регламентировалось, что «видами на жительство для мещан, ремесленников и сельских обывателей признаются: 1) паспортные книжки, 2) паспорта и 3) бесплатные билеты на отлучку» [15]. С принятием 7 апреля 1897 г. закона «Об отмене сборов, взимаемых в пользу казны с видов на жительство» последний вид документов был упразднен [16]. Как итог, с конца XIX в. податное население получало паспортные книжки или паспорта, что и было зафиксировано в ст. 44 «Устава» [21, с. 17].

10 декабря 1894 г. Министерством финансов были утверждены «Правила о порядке снабжения учреждений, выдающих виды на жительство, бланками сих видов...» [19]. В третьем пункте указывалось, что паспорта выдаются «на особых изготовляемых для них бланках» [19, с. 290]. Позже данное требование было прописано в ст. 35 «Устава» [21, с. 15]. В частности, в ней говорилось, что в Экспедиции изготовлении государственных бумаг производится «бланки видов на жительство», которыми снабжались учреждения, занимавшиеся выдачей паспортных документов. Следовательно, можно констатировать, что в актах ревизий «паспортными бланками» именовались паспорта. Это подтверждается и фактом учета в волостных правлениях выданных паспортных документов по двум «алфавитам», которые ранее были отмечены автором.

Отличие между представленными документами заключалось во времени их действия и взимаемого за них денежного сбора. По паспортам сельское население имело право покинуть место постоянного жительства на период не более года, в то время как по паспортной книжке – на пять лет. Более того, если первый документ в начале XX в. предоставлялся безвозмездно, то за каждую книжку необходимо было заплатить в пользу казны в качестве заготовительной ее цены 15 коп. Сбор денежных средств осуществлялся волостным правлением, а их оборот, как правило, фиксировался в том же наряде, что и учет паспортных документов. Например, в «Книге бесплатных паспортных бланков», которая оформлялась в Слободском волостном правлении, было указано: «К 1913 году оставалось паспортных бланков: белых 104, розовых 67, синих 39, желтых 42, книжек: белых 7, розовых 6, синих 3, желтых 3 на 2 р. 85 к. и деньгами 15 к., <...> а израсходовано бланков: белых 95, розовых 38, синих 19, желтых 14 и книжек: белых 7, розовых 2 на сумму 1 р. 35 к. и к 11 декабря в остатке со-

стоит бланков: белых 9, розовых 29, синих 20 и желтых 28, книжек: розовых 4, синих 3, желтых 3, на сумму 1 руб. 50 коп.» [11, л. 2 об.].

В ст. 13 «Устава» было прописано, что «лицам, подлежащим призыву в военную службу, виды на жительство, по достижении ими восемнадцати лет от роду, выдаются на цветной бумаге». Далее, в ст. 17 указывалось, что «виды на жительство чинам запаса и ратникам ополчения первого разряда выдаются на цветной бумаге и не иначе, как по представлении ими увольнительных или запасно-отпускных билетов» [21, с. 11, 12]. Заметим, что эти статьи полностью дублировали формулировки пунктов 12 и 16 «Положения» [15].

Итак, в законах конца XIX и начала XX вв. выделялось три категории военнообязанного населения дореволюционной России, которым предписывалось предоставлять виды на жительство на цветной бумаге. Более подробной информации по используемой расцветке в них не содержалось. Только в делопроизводственных материалах министерств последовали разъяснения по этому вопросу. Так, «Правилами...» для субъектов, имевших отношение к воинской повинности, устанавливались паспортные документы: «а) для лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности – розовые, б) для чинов запаса – синие и в) для ратников ополчения – желтые» [19, с. 290].

В начале нового столетия последовали дополнительные разъяснения Министерства внутренних дел по порядку применения видов на жительство на цветной бумаге. В них было конкретно расписано, кого следовало относить к первой и третьей группам военнообязанного населения. К первой причислялись юноши, достигшие 18-летнего возраста и не отбывшие воинской повинности по жребию или в качестве вольноопределяющихся. К третьей – ратники ополчения первого разряда, зачисленные в последние четыре призыва, а равно перечисленные из запаса армии и флота в ополчение до 43-летнего возраста [6, с. 621, 622]. Помимо этого, были даны рекомендации по правильному заполнению граф паспортных документов.

Таким образом, из четырех цветов видов на жительство, которые выдавались податному населению, три были разработаны специально для лиц, имевших отношение к воинской повинности. Посредством использовавшихся оттенков, с одной стороны, контролировалось их передвижение и местонахождение, с другой стороны, расцветка бланка документа позволяла определить статус его обладателя.

Под белым оттенком, по мнению автора, в источнике подразумевался «естественный» цвет бланка, на котором оформлялся паспортный документ. Они выдавались сельским жителям, которые не имели отношения к выделенной ранее группе податного населения. Это подтверждается тем фактом, что волостными правлениями значительное количество паспортов и книжек выдавалось именно на белом бланке. Например, в 1913 г. крестьянскими учреждениями этого вида документов было предоставлено в разы больше, чем суммарно на формуляре остальных цветов. В частности, по Мординской волости было роздано 28 документов на белом бланке и 20 на цветных [12, л. 2]; по Позтыкеросской волости – 19 и 9 [12, л. 82 об.], а по Шиловской волости – 92 и 37, соответ-

ственно [13, л. 30]. Аналогичная картина наблюдалась и по уже ранее упомянутому автором Корткеросской и Слободской волостям.

Подводя итог, можно констатировать, что в начале XX в. в Российской империи податному населению выдавались паспортные документы на бланках четырех цветов: белый, розовый, синий и желтый. Представленная окраска формуляров использовалась с целью выделения лиц, имевших отношение к воинской повинности, от остальной массы сельских обывателей. Так, последние получали виды на жительство белого цвета, в то время как для первых были предусмотрены остальные три оттенка. В свою очередь, использование конкретного фона документа зависело от статуса его предъявителя в отношении военной службы.

Литература

1. Алексеевских, А. Каждому россиянину дадут единый номер / А. Алексеевских. – Текст : электронный // Известия. – 2018. – 27 апреля. – URL: <https://iz.ru/736340/anastasiia-alekseevskikh/kazhdomu-rossii-aninu-dadut-edinyi-nomer> (дата обращения: 24.05.2019).
2. Ананьич, Б. В. Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) / Б. В. Ананьич // Вопросы истории России XIX – начало XX века : межвузовский сборник. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. – С. 34–45.
3. Байбурин, А. К. К предистории советского паспорта (1917–1932). / А. К. Байбурин. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 2 (64). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ba8.html> (дата обращения: 10.06.2019).
4. В России может появиться единый идентификатор гражданина. – Текст : электронный // Ведомости. – 2018. – 7 февраля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/02/07/750219-v-rossii-mozhet-poyavitsya-edinii-identifikator-grazhdanina> (дата обращения: 24.05.2019).
5. Емельянов, В. М. История формирования паспортной системы России до 1917 г. / В. М. Емельянов // Российская полиция: история и современность (к 300-летию российской полиции). – Тюмень, 2018. – С. 97–107.
6. Извлечение из Устава о Паспортах // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое приложение к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908, 1909 гг.). – 8-е изд., значит доп., испр. и переработ. – Санкт-Петербург : Типография МВД, 1911. – С. 617–628.
7. Конькова, А. Ю. Документирование удостоверения личности в дореволюционной России / А. Ю. Конькова // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2016. – № 2 (4). – С. 18–26.
8. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 3. – С. 149–155.
9. Лучинин, А. В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) / А. В. Лучинин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2009. – № 3 (8). – С. 78–81.
10. Мацук, А. М. Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: основание, направления, количественные показатели / А. М. Мацук // Историческая демография. – 2010. – № 2 (6). – С. 20–25.
11. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 164.
12. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 190.
13. НАРК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 80.

14. Николаева, Т. Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в. (историко-правовой анализ) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Николаева Татьяна Борисовна. – Нижний Новгород, 2003. – 24 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗ. Собр. 3). – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1898. – Т. XIV. – № 10709.
16. ПСЗ. Собр. 3. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1900. – Т. XVII. – № 13932.
17. ПСЗ. Собр. 3. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1909. – Т. XXVI. – № 28392.
18. Попов, С. А. Акты ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда начала XX века: аспекты изучения / С. А. Попов // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография) : сборник статей. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – С. 57–64.
19. Правила о порядке снабжения учреждений, выдающих виды на жительство, бланками сих видов и паспортными марками, а равно о порядке отчетности этих учреждений по расходованию означенных бланков и марок // Волостное правление, волостной суд и их делопроизводство / составитель В. Виноградов. – Санкт-Петербург : Экономическая типолитография, 1904. – С. 289–292.
20. Ратушняк, В. Н. Основные задачи и функции российской полиции в 60–90-е гг. XIX в. / В. Н. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 6-2. – С. 60–65.
21. Свод Законов Российской империи. Том 14. Устав о паспортах. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1903. – 128 с.
22. Тарасов, А. Ю. Особенности развития паспортной системы и паспортного режима в Российской империи в первой половине XIX века / А. Ю. Тарасов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9. – С. 12–15.
23. Тарасова, О. Е. Особенности зарождения отечественной паспортной системы / О. Е. Тарасова, О. П. Грушовец // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-3 (86). – С. 181–184.
24. Чернуха, В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. / В. Г. Чернуха. – Санкт-Петербург : Лики России, 2007. – 296 с.

S.A. Popov

**THE USE OF COLOR PASSPORT FORMS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE
19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(ON THE MATERIAL OF VOLOGDA PROVINCE)**

The article presents the whole color gamut of passport documents used by tax-payers in the Russian Empire. The author characterizes the purpose and function of forms in different colors – white, pink, blue and yellow.

Vologda province, historical source, checkup reports, passport, tax-payers, color differentiation of passport documents.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

УДК 821.161.1(470.12)

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О ТАТЬЯНЕ АНДРЕЕВОЙ

Краткий обзор книг и публикаций Татьяны Андреевой, литератора из Вологды, и некоторых публикаций о ней и ее творчестве.

Современная литература, Вологда, Татьяна Андреева, «Вологодская бывальщина».

Татьяна Александровна Андреева родилась в 1946 году в Польше. Училась в школе № 8 г. Вологды. В 1968 году с отличием окончила факультет иностранных языков Вологодского государственного педагогического института. В 1968–1969 учила детей английскому языку в Тарногской средней школе. В 1969–1971 – на кафедре английского языка в родном институте. В 1971–1974 училась в очной аспирантуре на факультете иностранных языков при Ленинградском государственном пединституте им. А.И. Герцена. В 1976 защитила кандидатскую диссертацию. Вернувшись в Вологду, преподавала английский язык, английскую и американскую литературу, читала лекции по переводу. С 1978 по 1990 преподавала и руководила кафедрой иностранных языков в Вологодском политехническом институте. В 1991–1993 была менеджером группы иностранных специалистов при администрации области. 15 лет работала в Правительстве Вологодской области.

Свои взгляды на литературное творчество Татьяна Александровна изложила в тексте «Манифест молодого литератора». Он датирован на Прозе.ру октябрём 2010 года [2], и автор при необходимости его обновляет. Мне был прислан вариант «Манифест молодого самодельного литератора» с данными 2019 года: «Как это ни забавно, я считаю себя молодым литератором потому, что начала писать прозу всего двенадцать лет назад, а лет моей жизни – семьдесят три» (из архива автора). Не забавно – достойно и похвально.

Московская литературная пресса впервые сообщила о Т. Андреевой 2 марта 2011 года. «Литературная газета» представила книгу «Прощай XX век»¹ (Вологда, 2010). Автор емкого обзора «Век – не зверь» не указан, но представление заслуживает цитирования:

Т.А. Андреева,

начало литературной деятельности

«Татьяна Андреева окончила Вологодский педуниверситет по специальности “иностранные языки”, работала в альма-матер, в техническом университете. Кандидат филологических наук, без сомнения, принадлежит к интеллектуальной элите города. В молодости объехала много зарубежных стран, что само по себе было в те времена исключением из правил. Стажировалась в Оксфорде. Неожиданный портрет жесткого времени и память женского сердца помогли автору написать эту книгу. Будто бы защищая свою эпоху от поспешных обвинений, Андреева дает честный, ностальгический, до слез трогательный очерк Вологды 60–80-х годов.

Описания вологодских магазинов 70-х годов напоминают полотна голландских живописцев. Северная природа изображена мастерски. Не просто беспристрастны, но и глубоко рассуждения о собственных первых стихах и вообще о поэзии. Поражают сказочные мистические эпизоды в Тарноге (районный центр Вологодской области, где Андреева работала в школе). Отражена и культурная жизнь Вологды –

¹ Авторское название – без запятой.

концертная работа, атмосфера ДК железнодорожников, черничный пирог, испеченный для Владимира Спивакова. Книга оформлена работами известного вологодского пейзажиста Валерия Страхова, которые очень созвучны светлой ностальгической интонации мемуаров» [7].

*Выступление Т.А. Андреевой
в Центре писателя В.И. Белова*

В Вологде отрывки из книги были опубликованы в 2007 году в литературно-художественном журнале «Вологодский лад» (№ 2 и № 4). В редакционном вступлении к тексту отмечено, что Татьяна посвятила книгу дочери Марии: «Когда-то многие родители оставляли для своих детей воспоминания, это считалось едва ли не долгом перед потомками. Потом традиция прервалась, казалось, навсегда; но, как выяснилось, никакие бури не способны заглушить в человеке желание поделиться с детьми и внуками своими мыслями и чувствами, чтобы тем самым сохранить лучшее, что в их жизни было» [3, с. 176].

Книга вызвала много откликов – критических и вместе с тем благодарных, побуждающих к дальнейшей работе. Желаям ощутить строгость вологодского обсуждения рекомендую рецензии Нины Писарчик (15.10.2010), Галины Щекиной (9.11.2010), Татьяны Сопиной (12.12.2010) [9].

Татьяна Сопина, журналист, не скрывала, что название книги не вызвало у нее энтузиазма («Кто же не знает, что XX век кончился?»), но осторожность скоро сменилась принятием: «Очень грамотный, интеллигентный стиль – я бы сказала, “серебряного века”. Так писали дворяне, русское зарубежье». Она много цитировала, не скрывая удивления: «И это в наше-то, как говорится, “мультимедийное” время!» Из недостатков отметила длинноты, иногда – впечатление схематичности от описания людей и событий, но подчеркнула, что «на лучших страницах это именно художественное произведение». Повесть (жанровое определение автора рецензии), очевидно, побудила Т. Сопину осмыслить собственное прошлое: «С повестью “Прощай XX век” я проживала и свою жизнь» [9].

Галина Щекина, писательница, проанализировала язык мемуаров. Указав на сильные и слабые стороны текста, она подчеркнула «неподдельную искренность автора, заставляющую и других иначе взглянуть на ценность своей жизни» [9].

Не скрывала от автора удовлетворения от прочтения и Нина Писарчик, филолог: «Материал ценен тем, что отражает не просто хронику отдельной семьи, историю вашей собственной жизни, но и страны, и

мира в конкретные годы. Это срез времени, описание быта, нравов, настроений, атмосферы, состояния духа общества второй половины двадцатого века. Своего рода “энциклопедия русской (советской) жизни”, отражающая взаимоотношения – от семейных и дружеских, коллективных, общественных – до национальных и интернациональных. В художественном отношении тоже очень неплохо, эмоционально, зримо, образно. Видна личность автора, не сентиментальная, но восторженная и романтичная. Настрой на добро, отсутствие злопамятства делают повествование светлым...» [9].

Победитель конкурса «Вологодская книга – 2015»

Директор областной библиотеки Нэлли Белова (1945–2012) в отклике, помещенном на обложку издания, отметила, что «по-женски эмоционально» написанная книга вызывает «щемящее, но счастливое чувство», «возвращая читателя к нашему общему времени, к одним и тем же событиям и людям».

Читая в этом блоке статью Надежды Юровой, узнаешь, что в библиотеках области и сейчас «Прощай XX век» – одна из самых востребованных книг: читатели записываются на нее в очередь и надеются на переиздание (тираж в свое время разошелся за две недели).

В 2012 году Т. Андреева издала сборник стихов «Уходящее лето». В 2017 последует 2-е издание, исправленное и дополненное.

В 2014 году выходит книга рассказов «Вологодская бывальщина». Как и в случае с первой книгой автора, фрагменты сначала были опубликованы в «Вологодском ладе» (№ 4, 2011; № 1, 2012; № 1, 2013). Публиковал журнал и тексты, написанные специально для него. В № 2 за 2010 год в статье «“Родники” вдохновения и радости» Татьяна Александровна рассказала о юбилее Тарногского районного литературного объединения «Родники», тепло отозвалась о местных поэтах и прозаиках. В № 2 за 2015 год вышла статья «Лишь читающих умы разорвут оковы тьмы» с поясняющим подзаголовком «Как вологодские учителя и библиотекари спасают детей от неграмотности». Размышляя, как непросто воспитывать в детях любовь к правильному русскому языку, автор рассказала – с пониманием всех сложностей педагогической деятельности – об опыте работы с детьми сотрудников областной детской библиотеки и вологодской школы № 1.

Возвращаясь к разговору о «Вологодской бывальщине», напомним отмеченное Ольгой Гулиной в «Верховажском Вестнике» в 2014 году: «Предпенсионные годы она [Т. Андреева] была менеджером группы иностранных специалистов при администрации города Вологды, а также работала в правительстве Вологодской области. Благодаря этому ей удалось объездить всю область, побывать во всех уголках Вологодчины. И влюбиться... В родной край, в его красоту, духовную и бытовую культуру и, конечно же, людей» [8]. Думаю, любовь была с детства и юности, но в эти годы и еще в большей степени на пенсии появились возможности, время поехать по области, поговорить с людьми, запечатлеть увиденное, услышанное.

В Предисловии к «Вологодской бывальщине» Т. Андреева дала отсылки к глубоко почитаемым ею фольклористам начала XX века, исследовавшим народное творчество Русского Севера. Прежде всего, это Ольга Эрастовна Озаровская (1874–1933), братья-близнецы Соколовы – Борис Матвеевич (1889–1930) и Юрий Матвеевич (1889–1941). Интересовала их и бывальщина – рассказ, занимательный для слушателя.

В раздумьях о том, что влекло Татьяну Александровну к бывальщине, я перечитала главу из «Лада» Василия Ивановича Белова, посвященную искусству народного слова. Мне думалось, что по дате рождения и социальному статусу (отец из Архангельска переведен в Грязовец в звании полковника, мама – учитель) Т. Андреева не принадлежала к тем, для кого «сказки, песни, причитания и т.д. были естественной необходимостью, органичной и потому неосознаваемой частью народного быта» [6, с. 245]. Скорее, она могла их читать: «Устное народное творчество жило совершенно независимо от своего, так сказать, научного воплощения, совершенно не интересуясь бледным своим отражением, которое мерцало в книжных текстах фольклористики и собирательства» [6, с. 245]. Не отсюда ли желание непосредственно увидеть, услышать подлинное? В переписке Татьяна Александровна подчеркнула, что корни у нее «самые, что ни на есть

деревенские и генетическая память влекла к вологодскому диалекту»: «Отец родился и вырос в деревне Павлово Рослятинского уезда Вологодской губернии в семье бедных крестьян. Выучился при Советской власти на учителя, преподавал в начальной школе, затем уехал в Ленинград, поступил в военную академию, а дальше воевал в финскую войну и в Великую Отечественную войну и только после этого сделал военную карьеру. Всю жизнь любил свою малую родину и говорил на местном говоре. Бабушка по материнской линии родилась в крестьянской семье в деревне под Харьковом» (из архива автора).

Простор для творчества открывается в способах передачи устного слова: каким образом – непринужденно и удачно – «породнить устное слово с книгой» [6, с. 246]. «Фольклорное слово, несмотря на все попытки “обуздать” его и “лаской и таской”, сделать управляемым, зависимым от обычного образования, слово это никогда не вмещалось в рамки книжной культуры, – писал Белов. – Оно не боялось книги, но и не доверяло ей. Помещенное в книгу, оно почти сразу хирело и блекло» [6, с. 245].

Т. Андреева и не дерзала «обуздыть». Обратим внимание на «Эпилог» «Вологодской бывальщины», где она отмечает, что книга «ожилась с того момента, как началась, и, как человек, повела за собой» (здесь и далее цит. по: [1]). Автор «путешествовала вместе с ней по родной области наяву и в рассказах своих героев, переживала их радости и горести, заглядывала в их души, искала и находила в них ответы на многие вопросы, которые до сих пор оставались без ответа» [1]. Будучи ученым, она могла пойти путем научного фиксирования, каталогизации. Татьяна Александровна предпочла погружение в стихию народной речи. Просторечия и диалектизмы на страницах «Вологодской бывальщины» живут, звуча притягательно и неотразимо.

Отмечу еще один момент. Работая над книгой, Т. Андреева встречалась с читателями, причем не только в Вологде и районных центрах, но и в отдаленных деревнях. Общение с людьми, многие из которых делились своими занятными, смешными, трогательными историями, помогло понять, верно ли написана книга, «греют ли душу» бывальщины, тот ли временной пласт она пытается «сохранить и отправить в национальную память своей страны» [1].

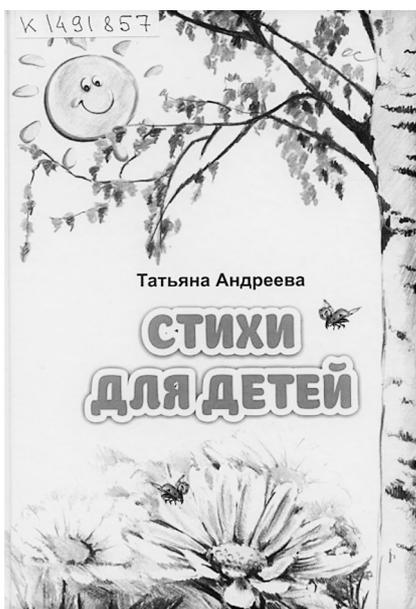
В 2014 году «Вологодский лад» (№ 2) публикует сказку «Волшебные слова» с ее многослойностью письма, любопытным сочетанием традиционного и нового. Волшебство сказки соединено с современной реальностью (заземление сказочного искусно, осовременивание забавно), и все это освещено библейским светом: «...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36-37). Герои сказки (Дарьюшка и Иван) успели измениться: «Обнялись они, заплакали и поклялись друг другу никогда не забывать волшебных слов любви и не вспоминать злых слов, потому что они тоже волшебные. Как человека назовешь, таким он и станет» (цит. по: [5, с. 8]). Этой сказкой открылась книга «Сказки из Вологды для взрослых и детей» [5].

В 2015 году вышла «Сказочная повесть о птичьем городе», победившая в номинации «Лучшее издание для детей и юношества» на областном конкурсе «Вологодская книга года».

Далее выходят:

- сборник «Стихи для детей» (2017),

- рассказы: «Как баба Паша к труду внучек приучала» // Первый Всероссийский Литературный Журнал ЛиФФт. Москва, декабрь 2017. № 25; «Люсино счастье» // Литературно-художественный журнал «Крым». 2017. № 3–4 (47–48),

- сборник рассказов «Своим чередом» (2018).

Тогда же, в 2018, Т. Андреева стала победителем проводимого в Вологде конкурса «Человек года» в номинации «Литературный автор».

Рассказ «Беженцы» из этой книги вошел в шорт-лист Волошинских чтений (подробнее см. статью Ольги Андреевой).

«Записки переводчицы» опубликовал частный историко-краеведческий и литературно-искусствоведческий крымский журнал «Доля» (2018. № 3–4).

На 16.11.2019 на Прозе.ру у Татьяны Александровны 37 320 читателей, 700 рецензий. Думаю, что многие, как я, не регистрируются, не пишут – просто внимательно читают.

Отмечу насыщенные и емкие рецензии Натальи Мелёхиной в областной газете «Премьер» на выходящие книги Т. Андреевой:

- Мелёхина Н.М. На волнах памяти // Премьер – новости за неделю. – 2011. – 8 марта.

- Мелёхина Н.М. Бывальщина-слыхальщина // Премьер – новости за неделю. – 2013. – 12 февраля.

- Мелёхина Н.М. Вологодская бывальщина // Премьер – новости за неделю. – 2014. – 27 мая.

- Мелёхина Н.М. На крыло // Премьер – новости за неделю. – 2015. – 3 ноября.

Хотелось, чтобы для этого выпуска университетского журнала написали исследователи творчества Т. Андреевой из дорогих для нее мест.

Ольга Юрьевна Андреева (заведующая отделом обслуживания межпоселенческой центральной библиотеки Грязовецкого района) проследила связь с Грязовцем, начиная с детства Татьяны (в этом городе служил ее отец) и до сегодняшнего дня (встречи с ней библиотека проводит регулярно, и всегда собирается полный зал).

Тарножанка Надежда Михайловна Юрова обратилась к анализу многожанрового творчества Т. Андреевой, роли Тарноги в ее жизни.

Мамед Гаджихалилович Халилов (живет и работает в поселке Пречистое Ярославской области) всматривается в отличительные особенности произведений Т. Андреевой, высоко оценивает последнюю на сегодня книгу «Своим чередом».

Литература

1. Андреева, Т. А. Вологодская бывальщина / Т. А. Андреева. – Вологда : Киселев А. В., 2014. – 311 с. – URL: <https://www.proza.ru/2015/10/08/1308> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.
2. Андреева, Т. А. Манифест молодого литератора / Т. А. Андреева. – URL: <https://www.proza.ru/2013/03/16/1795> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.
3. Андреева, Т. Прощай XX век! / Т. Андреева // Вологодский лад. – 2007. – № 2. – С. 176–189.
4. Андреева, Т. А. Прощай XX век. Память сердца / Т. А. Андреева. – Вологда : Полиграф-Книга, 2010. – 344 с.
5. Андреева, Т. А. Сказки из Вологды для взрослых и детей / Т. А. Андреева. – Вологда : ИП Киселев А.В., 2016. – 36 с.
6. Белов, В. И. Избранные произведения : В 3 тома. Том. 3. Лад: очерки о народной эстетике ; Пьесы / В. И. Белов. – Москва : Современник, 1984. – 478 с.
7. Век – не зверь // Литературная газета. – 2 марта 2011. – № 8 (6312). – URL: <https://lgz.ru/article/N8-6312---2011-03-02-/> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.
8. Гулина, О. «Вологодские бывальщины» Татьяны Андреевой / О. Гулина // Верховажский Вестник. – 25 июля 2014. – URL: <http://verhovevstnik.ru/kultura/vologodskie-byvalschiny-tatyany-andreevoy-25-07-2014.html> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.
9. Рецензии на произведение Т. Андреевой «Прощай XX век» (Клуб Вологжан Ступени). – URL: <https://www.proza.ru/comments.html?2010/10/02/1316> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.

L.V. Yegorova

ON TATYANA ANDREYEVA

Review of books and publications by Tatyana Andreyeva, a contemporary author from Vologda, and publications on her and her works.

Contemporary literature, Vologda, Tatyana Andreyeva, «Vologda Tales».

О.Ю. Андреева
независимый исследователь (Грязовец, Вологодская обл.)

ГРЯЗОВЕЦ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВОЙ

В статье рассматривается вопрос о месте Грязовца в жизни и творчестве Татьяны Андреевой, связанных с ним детских впечатлениях и воспоминаниях в биографии, рассказывается о ее взаимодействии с местными читателями.

Татьяна Андреева, Грязовец, «Вологодская бывальщина».

Писатель – это не тот, кто все время пишет.
Писатель – это тот, кто все время думает, о чем писать.
Андрей Крылатов

Татьяна Александровна Андреева вошла в литературный круг вологодских писателей сравнительно недавно, хотя, кажется, что это было уже давно. Ее произведения любят взрослые и дети. И мы гордимся тем, что Грязовецкая районная библиотека одна из первых открыла на литературном горизонте очень доброго, интересного, интеллигентного автора. Не зря в качестве эпиграфа я привожу слова Андрея Крылатова. Татьяна Александровна как раз из тех, кто думает и знает, что хочет слышать простой, трудолюбивый, много повидавший на своем жизненном пути и хлебнувший горя человек.

В 2015 году под эгидой года литературы в Грязовецкой центральной библиотеке стартовал проект «Двенадцать литературных встреч». Одной из первых авторов к нашим читателям приехала Татьяна Александровна с презентацией книги «Прощай XX век. Память сердца». В ее мемуарах с точностью до мельчайших подробностей отражены характерные реалии каждого советского десятилетия – от очеркедей за продуктами до увлечения молодежи группой «Beatles» и первых выступлений Горбачева по радио. Все эти темы близки нашим читателям, поэтому книга произвела на них большое впечатление и вызвала чувство ностальгии.

Хочу отметить, что Грязовец для Татьяны Александровны не просто провинциальный городок, а источник воспоминаний детства. Место, где когда-то служил ее отец.

Она вспоминает его и в своей следующей книге «Вологодская бывальщина» в главе «Грязовец и Грязовецкий район»:

«В те годы это была маленькая станция у железной дороги, больше похожая на деревню, чем на город. Там я пережила болезненный переход от детства к отрочеству, но там же текли счастливые дни, связанные с моей погруженностью в литературу, с полным слиянием с окружающей природой, с молодыми еще родителями, с любимыми братом и маленькой сестрой, с друзьями и подружками из нашего военного городка. За далью лет стоит мой старый Грязовец. Я смотрю в него, как в забытое на чердаке по-

трескавшееся зеркало, и сердце наполняется любовью и благодарностью.

Вернувшись в Грязовец теперь, в начале нового века, я узнавала и не узнавала его. Так сильно он изменился, стал чище, уютнее. Но, к счастью, он так и не превратился в город в полном смысле слова. К счастью, потому что его культура и образ жизни коренятся в окружающих его деревнях. Оторви Грязовец от деревни и пропадет его глубокий, мистический русский дух, уйдет в прошлое навсегда» [1, с. 150].

После первых встреч с читателями в Грязовце у автора нашлись не только одноклассники, но и люди, жившие по соседству с семьей Андреевых.

Познакомившись с автором, многие грязовчане приходили в библиотеку с одним вопросом: «Когда придет Татьяна Александровна?».

Пётрушкина Нина Лаврентьевна (учительница русского языка и литературы), одноклассница и поклонница творчества Татьяны Александровны, в отзывах о мероприятиях пишет: «Ее произведения отличаются добрым юмором, знанием жизни и обыкновенного человека. Она много общается с людьми, понимает их трудности, радости и невзгоды. Язык ее произведений сочный, живой и понятный любому кругу читателей. Отрадно, что она пишет и для детей, сейчас редко встречаются писатели, которые занимаются детской литературой. Ее книги нужны! Они как чистый родник, питающий реку жизни».

Особенно хочется отметить книгу для детей и взрослых «Сказочная повесть о птичьем городе». Простые сюжеты, расцвеченные авторской фантазией, становятся поводом для разговора об особенностях и повадках птиц. Эта книга развивает у детей любознательность, без которой невозможно развитие юного человека. Кроме того, она красочно проиллюстрирована, как это и положено изданию, адресованному детям. Презентация прошла в Детской библиотеке для детей начальной школы. Дети смотрели на автора во все глаза и слушали, затаив дыхание, так как к ним не часто приезжают детские писатели. Школьники остались в восторге: после беседы они задавали автору вопросы, фотографировались с ней и каждый ребенок ушел домой с книгой.

Со своей последней книгой, «Своим чередом», Татьяна Александровна стала победителем вологод-

ского конкурса «Человек года – 2018» в номинации «Литературный автор». В этой книге хочется особенно отметить рассказ «Беженцы», о ленинградцах, которых во время Великой Отечественной Войны принимали у себя и спасали от голодной смерти грязовецкие крестьяне. Рассказ был оценен по достоинству и вошел в шорт-лист Волошинских чтений.

На момент начала войны, в 1941 году Грязовецкий и Лежский районы находились в глубоком тылу. В самом Грязовце располагался эвакуогоспиталь. Основной точкой эвакуации для приезжих Грязовец не являлся, но принимал санитарные эшелоны, а местные жители принимали беженцев и раненых бойцов с теплом и сочувствием.

Мы часто не замечаем многих моментов, которые проходят мимо нас в повседневной жизни: какая сегодня погода, во что мы одеты, что поставили на стол, но со временем эти нюансы приобретают цвет воспоминаний. Так и в рассказе «Беженцы» все жилось своей повседневной жизнью, но с тревогой ожидали санитарный эшелон. Каждый приехавший вез свою историю, свой «рюкзак» за плечами, который они пронес-

ли через сложную и опасную жизнь. Грязовец принимал их такими, какими они были, хорошими или плохими, интеллигентами или простыми людьми.

На сегодняшний день мы уже не услышим рассказов от первого лица, не придуманных, живых воспоминаний ветеранов: слишком мало осталось свидетелей прошлого. Поэтому рассказ «Беженцы» так важен для новых поколений людей, он не позволяет нам забыть ежедневный героизм наших отцов и дедов. Автор в этом рассказе делает акцент на великие душевные качества русского человека – доброту, умение сострадать и терпимость.

В Грязовце у Татьяны Александровны образовался круг поклонников. И это неудивительно – автор завожила читателей чистой простотой слова, культурой, знанием людей и содержанием рассказов, посвященных любви к жизни, любви к окружающим и любви к природе.

Литература

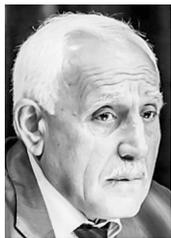
1. Андреева, Т. А. Вологодская бывальщина / Т. А. Андреева. – Вологда : Киселев А. В., 2014. – 311 с.

O. Yu. Andreyeva

GRYAZOVETS IN TATYANA ANDREYEVA'S LIFE AND WORKS

For years Olga Andreyeva as an operating department manager of the Central Gryazovets district library has been attending the advancement of the Vologda authors' works. Here in her retrospect of Tatyana Andreyeva's books that have been presented in the library and evoked a warm response from the readers, Olga Andreyeva finds out Gryazovets' influence, citizens and events connected with Tatyana's life and works.

Tatyana Andreyeva, Gryazovets, «Vologda Tales».

М.Г. Халилов
независимый исследователь (Пречистое, Ярославская обл.)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ Т. АНДРЕЕВОЙ

Статья посвящена особенностям восприятия времени в произведениях Т. Андреевой: время как действующее лицо и как сюжетная линия книги «Своим чередом».

Образ времени, память, обыденность, восприятие, позитивное.

Если бы мне было предложено нарисовать образ времени, среди многого, что всплыло бы в услужливой памяти, несомненно, оказалась бы и книга вологодской писательницы Т.А. Андреевой «Своим чередом» как уже готовый набросок картины, визуализирующей само понятие времени. Разумеется, если его рассматривать не как обезличенную философскую категорию, а как осмысленный и овеществленный личностью отрезок бытия, в котором протекает жизнь конкретного человека, то есть как историческую эпоху.

Хорошо знакомый с творчеством Т. Андреевой, много раз я задавался вопросом: «В чем отличительная особенность произведений писательницы?». И всякий раз приходил к выводу: в обыденности того, что изображает автор. Она не навязывает читателю свое мнение, не изобретает сложных комбинаций, чтобы в ходе распутывания хитросплетений сюжета продемонстрировать нам свою незаурядность как писателя, а молча и привычно, со спокойной деловитостью заботливой хозяйки, прибирающейся в квартире, распахивает окна на улицу. Окна нашей памяти, и мы с радостным удивлением всматриваемся в открывающуюся панораму, где жизнь идет своим чередом, отвлекаясь, опрокидывая наше ворчание и наш пессимизм: мальчишки гоняют мяч, старушка плетется из магазина домой, воробы чиркают в кустах, снуют прохожие, занятые своими мыслями и делами. Мы с готовностью откликаемся и принимаем этот мир, удивляясь своей собственной забывчивости: да как же так случилось, что мы перестали замечать все эти краски, запахи и звуки, ведь это же всё – жизнь, наша жизнь, моя жизнь? И возвращается память о повседневной жизни ничем не выдающегося человека, где, оказывается, были свои маленькие радости и печали, победы и поражения, озарения и заблуждения, бурлила жизнь во всей полноте своих проявлений; и она не была серой, а была, хоть и отдельной, но неповторимой, уникальной ниточкой среди многих нитей, из которых и соткано многоцветное полотно эпохи, в которую нам посчастливилось родиться и жить.

Изображение обыденной жизни простых людей – это очень сложная задача для любого автора: рискуешь впасть в слащавую сентиментальность или в высокомерную назидательность. Но Т. Андреева счастливо избегает этих крайностей, ибо не выносит вер-

дикта со своей колокольни, а выхватывает то или иное событие или эпизод из гущи жизни и разворачивает перед читателем, мудро и заботливо сохраняя трепетность каждого мига. И происходит чудо – чудо узнавания себя в героях рассказов. А рассказчица Т. Андреева великолепная – чуткая к эмоциям и зоркая к деталям. Она всего лишь несколькими штрихами, внешне почти незаметными для читателя, умеет индивидуализировать своих героев, тем самым оживляя их и, соответственно, описываемые события.

Идет ли речь о неугомонной девчужке Наде из рассказов «Мамина помощница» и «Смерть предателям», или о мудрой и искрящейся жизнелюбивым юмором «тете Густе», героине многих рассказов, – перед нами реальные, узнаваемые персонажи. Более того, в них мы узнаем своих родных и близких, видим их в новом свете и с тихой любовью и острым сожалением погружаемся в воспоминания – как счастливы мы были и как слепы.

Можно долго и детально говорить о художественных приемах и технических средствах, при помощи которых автору удается достичь такого эффекта. Наверное, специалисты, исследователи творчества Т.А. Андреевой со временем проведут такой анализ. Мне хотелось бы подчеркнуть основное свойство таланта Т. Андреевой как художника слова – любовь к людям и добрый юмор, позволяющий ей принимать жизнь такой, какая она есть. Т. Андреева описывает ситуации до боли нам знакомые, но всегда зафиксированные глазом художника, потому мы и видим, казалось бы, обычные события с необычного ракурса. Автор всего лишь ненамного смещает наш угол зрения – и в многократно виденном мы замечаем новое, то, чего раньше не замечали. Всего лишь одной фразой Т. Андреева так настраивает окуляр нашего восприятия, что события расцветаются изнутри, играя всеми своими смыслами, ранее нам недоступными. Как, например, в рассказе «Счастье есть»: пьяный мужик залезает в автобус, пристает к пассажирам и хамит. Кто из нас не наблюдал такую картину? Наконец, двое парней выталкивают его из автобуса. Это тоже знакомо, не так ли? Описана рядовая и, к сожалению, привычная картина нашего повседневного быта. В этой ситуации, по логике вещей, разразиться бы автору целой тирадой нравочений о вреде пьян-

ства и т.п., но вместо этого она просто констатирует: «В салоне стояла напряженная тишина, а потом кто-то не выдержал и зааплодировал. Его поддержали все! А меня охватило небывало радостное чувство. Сойдя на своей остановке, я шла домой, улыбалась и думала: “Все-таки счастье есть, и называется оно справедливость!”». Казалось бы, мелкий эпизод, но не из таких ли мелочей состоит вся наша повседневность, из которых и суммируется судьба конкретного человека? Вот это умение аккумулировать позитивное из текущего калейдоскопа событий и есть главное достоинство произведений Т. Андреевой.

Также к несомненным особенностям таланта автора следует отнести и язык ее произведений – чис-

тый, прозрачный и бездонный, словно вода в колодцах Вологодчины. Всего в нем в меру: и вологодского говора, и диалектизмов, и новообразований. Это ничем не замутненная, не засоренная жаргонными словечками маргиналов исконная речь русской провинции, бережно и любовно воспроизведенная талантливым, совестливым писателем.

Пока есть у нас такие авторы, как Т.А. Андреева, можно с оптимизмом констатировать: жизнь идет своим чередом.

Литература

1. Андреева, Т. А. Своим чередом / Татьяна Андреева. – Вологда : Киселев А.В., 2018. – 392 с.

M.G. Khalilov

TIME PERCEPTION IN TATYANA ANDREYEVA'S PROSE WRITINGS

In his article, M.G. Khalilov concentrates his attention on Tatyana Andreyeva's special perception of time as a narrative character and a line of the plot in the stories of her new book «Life Goes On».

The image of time, memory, prosiness (commonness), perception, positive.

Н.М. Юрова
независимый исследователь (Тарнога, Вологодская обл.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОИСТОЧНИКУ

В статье о творчестве Татьяны Андреевой главное место уделено книге «Вологодская бывальщина». Книга была задумана, а затем написана во многом на материале, собранном в Тарноге и окрестных деревнях, и интересна тем, что в ней, кроме собственно событийной линии, сохранены особенности тарногского говора.

Татьяна Андреева, Тарнога, «Вологодская бывальщина».

С Татьяной Александровной мы познакомились в Тарногском Городке, будучи уже взрослыми людьми. Тогда я ничего не знала о профессиональных успехах Т.А. Андреевой, о том, что она с отличием окончила Вологодский государственный педагогический институт (1968), аспирантуру на факультете иностранных языков при Ленинградском государственном пединституте им. А.И. Герцена (1971–1974). Защитила кандидатскую диссертацию (1976), преподавала в ВГПИ английский язык, стилистику английского языка, английскую и американскую литературу, читала лекции по переводу. Много лет преподавала и руководила кафедрой иностранных языков в Вологодском политехническом институте. В 1990-е годы была менеджером группы иностранных специалистов при областной администрации и до выхода на пенсию работала в Правительстве Вологодской области. Обо всем этом и о том, что всего в своей жизни она добивалась упорным трудом, я узнала гораздо позже из книги «Прощай XX век».

А в тот момент на вопрос: «Кто такая Андреева? И какое отношение имеет к Тарноге», – моя добрая знакомая с воодушевлением воскликнула: «Разве ты не знаешь? Татьяна Александровна в Тарногской средней школе учила нас английскому языку, наша первая классная руководительница. Мы ее безумно любили. Лучше ее учительницы у нас не было!».

«Тарногский Городок, или Тарнога, – особенное для меня место Вологодской области, – пишет Т.А. Андреева в книге «Вологодская бывальщина». – Место, где сорок семь лет назад я начала свой трудовой путь учительницей английского языка в средней школе. Это была моя первая работа и первый год вдали от родных и от привычной городской жизни. Вопреки далеко не радужным ожиданиям, Тарнога приняла меня как долгожданную гостью и окружила любовью, научила быть взрослой и понимать, что книжная жизнь и культура хороши, но далеки от настоящей жизни и народной культуры. Оттуда я привезла в Вологду осознанную любовь к родному краю и желание узнать и понять его. Я часто возвращаюсь в мою любимую Тарногу к своим друзьям и великолепной природе, не боясь разочароваться. Каждый раз я уезжаю оттуда с обновленной душой и увожу с собой

тарногское слово, чтобы запечатлеть его и оставить в исторической памяти новых поколений таким, каким оно было и остается до сих пор» [1, с. 93].

После выхода на пенсию Татьяна Александровна, человек активной жизненной позиции, всю свою энергию и знания направила на литературное творчество. Рассказы и статьи, опубликованные в журнале «Вологодский лад» (2007, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017), вызвали большой интерес у читателей и занесли имя писателя Т. Андреевой в число самых востребованных и популярных авторов современной Вологды.

Мемуары «Прощай XX век», вышедшие в свет в 2010 году тиражом в 500 экземпляров, разошлись за две недели. Книга читается на одном дыхании, и к ней хочется возвращаться вновь и вновь. Сейчас в библиотеках области «Прощай XX век» одна из самых востребованных книг. Читатели записываются на нее в очередь, и хотелось бы, чтобы автор переиздала ее.

В библиографическом списке изданий, посвященных истории Вологодской области, есть стихи, проза, научные краеведческие статьи – о жизни деревни и лесозаготовительных поселков, об ударных стройках и развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Но до Андреевой никому так не удавалось передать быт жителей не только города Вологды 50–60-х годов XX века, но и Советского времени в целом. Ее память бережно сохранила мельчайшие подробности предметов и событий не только «ближнего круга», домашнего быта, школы и одежды, которую тогда носили, но и атмосферу, царившую в городе. Авторское эмоциональное восприятие и личные впечатления переданы ею дозировано, как хорошая приправа к блюду, они не затмевают важное и общее, а лишь подчеркивают, оживляют и добавляют красок, запахов и звуков, вдыхают жизнь и делают невероятно привлекательной ушедшую историческую эпоху.

Рассказывая о книге «Прощай XX век», хочется свои слова подтверждать выдержками и цитатами из романа. Но это очень сложно! Во-первых, открывая книгу, увлекаешься и начинаешь читать и читать, наслаждаясь красотой слога. Во-вторых, выбранное предложение кажется важным, но посмотришь, а следующее несет еще большую смысловую нагрузку – и

вот, уже оно ключевое. Вывод один: надо, чтобы каждый прочитал лично.

Легко, с большой любовью и точностью, несколькими штрихами, прописаны персонажи, промелькнувшие в мемуарах даже мимоходом. Их образы запоминаются и вызывают глубокую симпатию. Как известно, все люди разные, есть хорошие и плохие, добрые и злые, спешащие к нам на помощь и усложняющие нам жизнь. В памяти Татьяны Александровны и в ее книге «Прощай XX век» все люди, встретившиеся на ее жизненном пути, предстают исключительно в положительном ракурсе. Она верит в лучшее и благодарна им и своей судьбе за все, чем богата жизнь.

Говорят, что каждый образованный человек, владеющий пером, доживший до зрелых лет и обладающий упорством, в состоянии написать книгу, повествующую о своей жизни (а в наши дни и издать). Стать автором одной книги – это только начало пути к литературному Олимпу. Успешный дебют и популярность первой книги приносят автору не только радость, но и обязательства. Перед читателями, перед издателями, перед критиками. Перед собой, в конце концов. Татьяна Александровна не заставила своих читателей долго ждать следующую книжку, но вместо большого произведения, предложила им легкие, изящные, гармоничные стихи.

Поэтический сборник «Уходящее лето» (2012), автор позиционировала как «стихотворные опыты». Опыты, надо сказать весьма удачные! Особенно безупречны зарисовки природы, времен года, изменения настроения («Последний зимний вечер», «Грибная осень», «Помедли, осень золотая», «Золотые шары»). Стихи написаны легко, воздушно, лирично – в духе поэтов серебряного века. Поэзия Андреевой так и просится быть положенной на музыку.

*Помедли осень золотая,
теплом и ласкою маня.
Собрав к полету птички стаи,
не отнимай их у меня.*

*Не отнимай листья усталой,
Цветов последнюю красу,
И терпкий вкус рябины алой,
И утром павшую росу.*

*Развевая облака седые,
Оставь мне радуги мосток,
И грусть и радости простые,
На землю брошенный листок.*

*Листок-письмо, привет осенний,
Он знак событий бывших лет,
Надежд счастливых обретенья,
Прощанья с тем, кого уж нет.*

*Помедли, осень золотая,
Теплом и ласкою маня.
Собрав к полету птички стаи,
не отнимай их у меня.*

2011

*Т.А. Андреева, Н.М. Юрова, Л.А. Попова, Г.Т. Ленц
в Тарноге*

В стихах Татьяны Андреевой звучат не только лиричные, ностальгирующие ноты, трогательные за душу. Вызывает оптимистичную улыбку тонкое, ироничное чувство юмора, способность в грустном и драматичном увидеть луч надежды, приободриться самой, а заодно приободрить читателя.

Цикл стихотворений, посвященных Тарноге, занимает значительное место в сборнике «Уходящее лето».

*Снова в Тарногу сердце рвется!
Первозданный встречая рассвет,
Бор зеленый с утра отзовется
Птичьим пением, сердцу в ответ.*

*Я хочу в тихом доме у речки
Из окна смотреть на сирень,
Новый день «начинать от печки»,
Провожать уходящий день.*

Июнь, 2009

Каждый приезд в Тарногу для Татьяны Александровны сродни возвращению к первоисточнику. Здесь небо выше, мысли и чувства приобретают особую смелость и четкость. Тарногский Городок для нее – трамплин для новых стартов и побед. В этом небольшом селе Андреева находит идеи, строит планы, здесь она черпает силы, общаясь с друзьями юности, близкими по духу новыми знакомыми. И каждый раз, возвращаясь в родную Вологду с большим багажом впечатлений, она точно знает, над чем будет работать дальше.

*С попутчицей мирно беседуя,
Из Тарноги в Вологду еду я.
Автобус наш мирно качается,
Дорога бежит, не кончается.*

*В пути мне встречаются елочки,
Одетые в иней с иголочки,
А я продолжаю беседовать,
И в милую Вологду следовать.*

Январь, 2009

Из таких вот случайных бесед, из способности слушать и слышать других людей, из дорожных исто-

рий и зародилась идея написания новой книги, название которой появилось сразу – «Вологодская бывальщина». Татьяна Александровна в предисловии к ней пишет: «Беседы даже со случайными людьми показали, что каждый человек может рассказать что-то необычайно интересное, не обязательно смешное, но и серьезное, а подчас трагическое и даже героическое. Встречаясь с вологжанами разных возрастов и разных профессий, я поняла, что так называемых простых людей нет. Каждый человек – “незнакомая звезда”, прекрасная или ущербная, но звезда со своим уникальным светом, своими орбитами и своей силой притяжения» [1, с. 8].

В сборнике объединены короткие невыдуманные истории, рассказанные жителями Тарногского, Верховажского, Нюксенского, Бабаевского, Грязовецкого, Кичменгско-Городецкого, Вологодского районов и города Вологды. Наше знакомство с Татьяной Александровной как раз и состоялось в пору ее кропотливой работы над сборником в Тарногском районе.

Свое пребывание в Тарноге она максимально использовала для общения с людьми. Мы ездили в сельские библиотеки, школы, встречались с ветеранами. И каждая поездка – как праздник. Особенно запомнилась встреча в Шебенгской библиотеке, организованная Ольгой Михайловной Силинской. Возможно потому, что читатели, пришедшие в библиотеку, были уже знакомы с творчеством Андреевой, наше общение проходило в теплой доверительной обстановке. Татьяна Александровна задавала тон, рассказывала о творческих планах. И тут истории полились рекой! Смешные и не очень, «преданья старины глубокой» и случившиеся «буквально на прошлой неделе». И что меня поразило больше всего? Я практически все эти истории пропустила мимо ушей, разве что посмеялась. Татьяна Александровна запоминала истории на лету и запоминала не только сюжет, но и то, в какой манере говорит рассказчик, как строит предложения, улавливала тончайшие особенности диалекта, присутствующие данной местности.

Вот, к примеру, рассказ «Медведи», услышанный от Ильи Михайловича:

«Я эдак-то за грибами пошоу. На пенсию уж тогда вышоу. В лес отправиусё рано утром по рыжики, чтобы не обломали. Собираю за цетыре километра. Грибов наломау на Ярославской выставке.

Иду, шчо такое? Под ногами стрешшало сучье. Голову подняю – медвидица с тремя медвежатам стоит. Сошлись лоб в лоб! Медвежата испугались – все троё на одну березу заскочили!

Медвидица-то на меня! Я на дороге в одной колее стою, а она, напротив – в другой! Стоим с медвидицей, медвежата, как три пузыря, на березе висят. Медвидица к ним! Я боком, боком отхожу. У меня кепочка на голове поднимается (от страха). Я печусь, печусь!

Она три попытки делала подбежать, а не трогает, не бросается. Ко мне не стала подбегать, у березы осталась.

Хотелось мне посмотреть, как будут медвежата с березы слезать, да попер без оглядки» [1, с. 131–132].

Эту историю Татьяна Александровна услышала от респондента без меня, будучи в гостях у пожилых супругов Дураковых. Но мне она известна с давних пор. Илья Михайлович, уроженец деревни Шалимовской Тарногского района, был заядлым грибником, легким на ногу. А еще он был лучшим другом моего отца, и я хорошо помню тот случай с медведицей. (И даже писала об этом в районной газете в 1990-е годы, но не таким образным языком, а сухим, казенным). Перечитывая бывальщину про «Медведей», я вижу Илью Михайловича, как живого, его широкую добрую улыбку, неизменную кепочку, вспоминаю его манеру говорить, чуть наклонившись вперед и опираясь руками на колени. И речь... Так точно передана особенность кокшеньгского говора. Этот говор как живительный глоток родниковой воды. Чуткое лингвистическое ухо Андреевой уловило то, на что в жизни мы даже не обращаем внимания. Не ценим и теряем.

Татьяна Александровна Андреева работает много и упорно. Будучи человеком чутким к веяниям времени, она уловила главный литературный дефицит – нехватку книг для детей. Настоящих хороших книг, добрых, ненавязчивых, способных дарить знания, воспитывать лучшие качества, духовные ценности.

Первой в списке книг для детей стала «Сказочная повесть о птичьем городе» (2015). И эта книга хороша не только понятным и запоминающимся рассказом о грачах, галках, синицах, сороках, воронах, воробьях, стрижах, соловьях.

Буквально с самой первой встречи Татьяна Александровна увидела во мне то, о чем я и не подозревала, посоветовала мне писать. «Пиши каждый день, у тебя получится!» – настаивала она. Я, конечно же, не послушалась. Тяжело учить взрослых, суестьихся и не верящих в свои силы девочек. В 2012 году Татьяна Александровна прислала мне «Манифест начинающего литератора». Каждый раз, перечитывая его, я вдохновляюсь и «хватаюсь за перо».

Несмотря на свою занятость: нелегкий литературный труд, постоянное общение с читателями и семейные хлопоты, Татьяна Александровна всегда находит для меня время, «помогает сформировать» желание писать, ведет по жизни, задает ориентиры, «разбирает полеты». Подчас ее уроки приносят хорошие плоды.

Литература

1. Андреева, Т. А. Вологодская бывальщина / Т. А. Андреева. – Вологда : Киселев А. В., 2014. – 311 с.

2. Андреева, Т. А. Уходящее лето / Т. А. Андреева. – Вологда : ООО ИПЦ Легия, 2012. – 47 с.

N.M. Yurova

BACK TO THE ORIGINAL

In the article on Tatyana Andreyeva, the author directs special attention to the book «Vologda Tales». The article shows that the book was written on the basis of Tatyana Andreyeva's personal contacts with people from Tarnoga and the surrounding villages, thus keeping features of the original local dialect.

Tatyana Andreyeva, Tarnoga, «Vologda Tales».

Т.А. Андреева

Вологда

Л.В. Егоров

Вологодский государственный университет

ВСЛУШИВАЯСЬ ВО ВРЕМЯ

В беседе литератора из Вологды Татьяны Андреевой с редактором «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой речь идет о творческой лаборатории автора, месте писателя в современном литературном процессе и формах коммуникации с читателями, взгляде на современный литературный язык и использование диалектов.

Татьяна Андреева, Вологодчина, «Вологодская бывальщина», современная проза, писательская стратегия.

Л. Е. Мне хочется рассказать о моем давнем опосредованном знакомстве с Вами через Вашу дочь Марию Мухину, когда она училась на 2 курсе у нас на факультете иностранных языков. Личности в ее группе были столь яркими, что я поняла: пора продолжить учебу – и скоро отправилась в докторантуру в Москву. Я поинтересовалась, почему Маша с ее потенциалом учится не в столицах, и она по обыкновению кратко ответила: «Когда ты – единственный и горячо любимый поздний ребенок...» Я кивнула.

Тогда в Вологде я подготовила три учебных пособия: по англосаксонской литературе, английской литературе Средних веков и Возрождения. К последней книге иллюстрации сделала Мария. Их не разрешили дать с ее подписями от руки, и Маша пошла на разрушение замысла, хотя нам обеим было жаль авторского, и глаз резало сочетание легкого рисунка и стандартного шрифта.

О Вашей работе в Политехе последней мне рассказывала писатель Ольга Кузнецова. Она там училась и с завистью смотрела на Ваших студентов. Лучшие из них защищали диплом на английском. Теперь кафедры английского языка бывшего Пединститута и бывшего Политеха объединены. К дипломам на английском мы только подходим.

Вологда – маленький город, где все друг друга знают, и, разговаривая с писателем, под пристальным взглядом порой начинаешь ощущать себя персонажем будущего произведения. Вы излучаете достоинство. Пишете уже 12 лет. Есть ощущение отклика? Отклик важен? Или Вам достаточно процесса?

Т. А. Да, отклик есть. Если бы его не было, я и писать бы не стала, потому что мне важно знать, нужна ли другим моя работа. Я пишу для людей и удивляюсь, когда кто-нибудь из литераторов заявляет, что пишет исключительно для себя – это пустое жеманство и неправда. Для меня очень важны контакты с читателями. На встречах я узнаю, что их интересует сейчас, на какие вопросы они ищут ответы. Кроме того, такие встречи и беседы служат мне источником размышлений и появления новых рассказов. На первую же книгу «Прощай XX век» отклик последовал сразу. Интересно, что после «Литературной газеты» (№ 8, 2011 год) отозвалась широко известная русская

писательница Юлия Вознесенская (1940–2015), жившая в то время в Германии. Книжку ей отправил мой хороший знакомый московский православный психолог Михаил Хасьминский. Вознесенская высоко оценила книгу и написала мне, что разослала ее в электронном виде своим многочисленным европейским друзьям, эмигрантам первой и второй волн. Так что первоначально ее прочли в Европе.

Л. Е. Разрешите привести их высказывания, вынесенные на обложку.

Юлия Вознесенская: «Книга Татьяны Андреевой отличается добротой и честностью, умной оценкой происходящего в мире и незаурядными художественными достоинствами: великолепным и чистым литературным русским языком, точностью характеристик и описаний, в особенности описаний природы. Умение передать немногими словами сокровенную красоту Божьего мира – это дар».

Михаил Хасьминский: «Редко встретишь в современной литературе настолько содержательное, интересное и захватывающее повествование. Как психолога меня больше всего порадовала открытость и искренность автора, ее “душевный настрой на добро”».

Т. А. Знаю, что очень тепло приняли книгу в Вологде и в райцентрах, где я раньше часто бывала, – в Тарноге, Грязовце, Белозерске, Кириллове, Верховажье, Бабаеве. По приглашению презентовала ее в библиотеках, школах и культурных центрах, благодаря чему у меня появились новые друзья и знакомые внутри пишущего сообщества. Оно в Вологде и области многочисленно и интересно.

Литературный процесс мне тоже нравится. Сейчас даже больше, чем в самом начале, в 2007 году. Писать стихи и рассказы – это увлекательнейшее занятие, а если ваши записки еще и читают, то больше не о чем мечтать.

Л. Е. Давайте перечислим Ваши книги:

1) мемуары «Прощай XX век». Вологда: ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2010;

2) сборник стихов «Уходящее лето». Вологда: ООО ИПЦ «Легиа», 2012;

3) книга рассказов «Вологодская бывальщина». Вологда: ИП Киселев А.В., 2014;

4) «Сказочная повесть о птичьем городе». Вологда: ИП Киселев А.В., 2015;

5) «Сказки из Вологды для взрослых и детей». Вологда: ИП Киселев А.В., 2016;

6) сборник стихов «Уходящее лето»: издание 2-е, исправленное и дополненное. Вологда: ИП Киселев А.В., 2017;

7) сборник «Стихи для детей». Вологда: ИП Киселев А.В., 2017;

8) сборник рассказов «Своим чередом». Вологда: ИП Киселев А.В., 2018.

А.В. Киселев обращает на себя внимание. Любимый издатель?

Т. А. Как издателя Артема Владимировича Киселева мне рекомендовала Г.А. Щекина. Мы познакомились, и я ни разу не пожалела, что стала с ним работать. Он очень профессиональный, внимательный и обязательный издатель. Мои книжки пришлись ему по душе, и у нас получился прочный рабочий союз. А еще он нравится мне как человек, который всегда готов прийти на помощь и предложить лучшие на данный отрезок времени условия печати.

Л. Е. Вы открыли для меня Проза.ру. Это важная часть Вашей жизни? Расскажите.

Т. А. Для меня Проза.ру – это возможность бесплатной публикации, популяризации моих книг и инструмент в работе над текстами в постоянном режиме. Это надежное хранилище всего написанного и возможность показывать свои работы широкому кругу литераторов и читателей, идеальная площадка для обмена мнениями и место учебы у более известных и популярных авторов. Кроме того, сервер Проза.ру дает возможность читателям знакомиться с моими книгами: к сожалению, современные авторы, если у них нет спонсоров, почти не имеют возможности публиковаться. Книжные тиражи обычно малы, и не всем желающим удастся приобрести бумажную книгу. Тогда на помощь приходит Проза.ру.

Л. Е. Соцсети, как я поняла, это не Ваше. Вы предпочитаете живое общение. И соцсети как реклама или самореклама – это тоже не Ваше. Правильно?

Т. А. Совершенно верно, соцсети – это не мое. И не потому, что они плохи, а просто они требуют постоянного внимания и поглощают массу времени. Я же в таком возрасте, когда дорога каждая минута, чтобы успеть, как можно больше сделать, в моем случае – написать. И, конечно, я предпочитаю живое общение, когда есть возможность заглянуть человеку в глаза, понять его и передать ему свои мысли и чувства напрямую. Саморекламой я тоже не занимаюсь. Встречаясь с читателями, я о ней не думаю.

Л. Е. Расскажите о Вашем литературном пространстве. Кого читаете? Какого рода комментарии и читательские письма цените?

Т. А. Я читаю с шести лет каждый день и сейчас тоже. У меня дома большая библиотека на русском и на английском языках, которую я собирала и собираю всю жизнь, поэтому на журнальном столике у меня лежит какая-нибудь любимая книга, которую я с удовольствием перечитываю. Сейчас это «Лад» В.И. Белова, «Дневники писателя» Ф.М. Достоевского, 1 и 2 тома собрания сочинений Н.С. Лескова, стихи Булата Окуджавы. Недавно мне позвонила старая подруга и с восторгом рассказала, что перечитала «Евгения Онегина», и советовала поскорее сделать то же самое.

Когда-то, по совету профессора Е.Г. Эткинда, я впервые после школы и института перечитала «Войну и мир» и была поражена совершенно новому восприятию шедевра Л.Н. Толстого. Теперь случилось то же самое: мое устоявшееся восприятие и понимание пушкинских стихов было взорвано сегодняшним прочтением и вызвало бурю новых эмоций и мыслей. Советую всем время от времени перечитывать любимые книги великих писателей.

Я почти не читаю современных популярных авторов: они, за редкими исключениями, как будто живут в другом мире. Читаю наших северных и вологодских писателей и поэтов, старых и новых – они мне понятнее и ближе.

О читательских комментариях могу сказать, что, конечно, приятно, когда тебя хвалят, но для меня главное – понять, удалось ли своими книжками всколыхнуть лучшее в читательских душах и памяти, получить обратную связь – вопросы и рассказы о них самих.

Л. Е. Расскажите о встречах с читателями. Помоему, это всегда колоссальный выброс энергии. Как часто соглашаетесь? Или Вы иницилируете?

Т. А. Меня часто приглашают на встречи с читателями, взрослыми и детьми. Я читаю им свои рассказы и стихи, беседую с ними и спешу отдать то, что накопилось во мне хорошего, интересного и, как мне кажется, полезного за всю жизнь. При этом мы обмениваемся энергией, причем я получаю подчас больше, чем отдаю. Места встреч, на которые меня приглашают, это школы, взрослые и детские библиотеки, литературные центры и объединения, санатории и дома ветеранов. С благодарностью могу сказать, что на этих встречах я всегда делаю для себя открытия, которые потом воплощаются в новые рассказы и байки.

Дети открыты, любознательны, талантливы. Подчас слышишь от них что-то совершенно неожиданное. Например, так поговорил со мной шестилетний мальчик на встрече в детском саду после того, как воспитательница прочла детям «Сказочную повесть о городских птицах»:

- А я думал, вы молодая!

- Нет, я старая!

- Как же вы написали такую молодую книжку?

- Видишь ли, я только снаружи старая, а внутри молодая.

(Пауза).

- Но вы красивая!

Я поразились тогда, что такие взрослые и чисто мужские мысли пришли в голову шестилетнему малышу. Из этого тут же сложилась миниатюра, опубликованная в моей последней книжке «Своим чередом».

Взрослые читатели дружно хохочут над моими байками из «Вологодской бывальщины», говорят, что они обладают терапевтическим эффектом, а затем наперебой рассказывают свои собственные смешные истории. Я заметила, что некоторые из них годами путешествуют из района в район, из деревни в деревню и в каждом месте к ним добавляют что-то свое, отличное от других. Об этом я могла бы написать отдельную книгу.

Л. Е. Да, было бы интересно. Давайте вернемся к началу. Что послужило толчком к литературной работе 12 лет назад?

Т. А. Все началось, когда я вышла на пенсию. Кстати, мне исполнился тогда шестьдесят один год (сейчас подумала – всего шестьдесят один год!). Я всегда очень много работала, вела активный образ жизни и была всем нужна. И вдруг пенсия – пустота! Оказывается, очень трудно внезапно перестать работать, остаться наедине с собой и ощутить свою ненужность обществу. Вот тогда я решила написать воспоминания о своей жизни для дочери, в результате получилась книжка «Прощай XX век». Моя юная дочь не пришла от нее в восторг, зато книга понравилась многим людям моего поколения и помогла им вспомнить хорошее, что было в их собственных жизнях, и отчасти преодолеть разочарования, связанные с обвинениями нашего общего прошлого во всех смертных грехах. Во всяком случае так они говорят на встречах.

Л. Е. Расскажите, пожалуйста, про сотрудничество с «Вологодским ладом». Я правильно понимаю, что это та идеальная ситуация, когда в журнале рады вас видеть, готовы печатать?

Т. А. Обратиться в журнал «Вологодский лад» и встретиться с его редактором мне посоветовал наш общий знакомый кандидат исторических наук В.В. Касьянов. В 2007 году он показал мои записки А.К. Сальникову. Его одобрение воодушевило меня (на тот момент была написана неполная глава книги «Прощай XX век», и я даже не мечтала ее когда-нибудь издать). Я глубоко уважаю Андрея Константиновича и считаю лучшим редактором – из всех, кто встретился мне по жизни. Перестроечное время отличалось необычностью и во многом было непонятно: мало кто решался писать о прошлом, да еще хвалить его на фоне поругания всего советского. А я ностальгически писала не о политике, но о своем детстве и юности, о том, какая прекрасная была Вологда в двадцатом веке, о своих родных, друзьях, учителях, о том, какие они были замечательные люди и скольким я обязана им. Оказалось, что это интересно и востребовано. Поэтому в журнале были мне рады и готовы печатать.

Л. Е. Вы ощущаете свою принадлежность к какому поколению? По дате рождения? Времени вхождения в литературу? Расскажите о Вашем восприятии.

Т. А. Я ощущаю свою принадлежность к поколению семидесятников и немного раньше, потому что к тому времени я повзрослела, окончила школу и пединститут, поработала в Тарногской школе, в родном институте и поступила в аспирантуру в Ленинграде. Моему поколению выдалось жить и работать в период брежневской «оттепели» и ощущения некоторой свободы мысли и слова. Пока еще было трудно найти и купить книги даже великих русских классиков, но уже стало можно обменивать на макулатуру место в очереди за такими книгами. Почти легализовалась (то есть за эту деятельность перестали преследовать) «Самиздат». Появились переписанные от руки или перепечатанные на «древней» немецкой пишущей машинке «Райнметалл» ранее запрещенные произведения, например стихи Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Марины Цветаевой, проза Михаила Булгакова и Бориса Пастернака. Мое поколение с радостью

восприняло дух свободы и уже больше не боялось никого и ничего.

Л. Е. Вы много читаете. Есть ли какие-то важные для Вас ориентиры?

Т. А. Какие ориентиры? Я люблю и знаю почти всю русскую и зарубежную классику. В школе увлеклась восточными поэтами древности. В отрочестве увлеченно читала западную классику и одно время знала ее лучше, чем отечественную. Но потом вернулась к родной русской литературе и считаю ее по мысли и средствам выражения неизмеримо богаче западной.

Мир книг огромен, занимателен и интересен, но сколько бы я ни читала, всегда остается много непрочитанного.

Л. Е. Вы делите писателей по гендерному признаку?

Т. А. Писателей делю только по таланту.

Л. Е. Каждая новая книга – другое время, другой язык. Это так для Вас?

Т. А. Если имеются в виду мои книги, то они все направлены из прошлого в настоящее и, надеюсь, в будущее. Язык в них один – правильный русский. Не принимаю так называемые «новоязы» и перегрузку текстов иностранной лексикой. Как показывает история, эти явления временные.

Л. Е. Вы много правите?

Т. А. Когда-то Михаил Веллер сказал, что он правит свои тексты «до посинения», чего и другим литераторам желает. Я правлю не до посинения, но многократно. Каждый раз, продолжая писать текст, перечитываю его с самого начала и правлю.

Л. Е. Размышляя о литературе, иногда думаешь о повороте современных текстов в сторону письменности, книжности. Мы устали от вымысла – условной действительности – и хотим документальности или приближения к безусловной реальности. Мне кажется это одной из причин востребованности Ваших книг. Что Вы об этом думаете?

Т. А. Мне кажется, что вымысел, условная действительность нравятся в основном детям и не очень обремененным знаниями молодым людям. В детстве и юности я тоже любила фантастику. С тех пор содержательно этот жанр мало изменился: сюжеты на разные лады повторяют друг друга, а подчас заимствуются из зарубежной литературы. Мне повезло, что я читала первые подлинные произведения в жанре фэнтези в семидесятых годах, когда они впервые появились в английской и американской литературе. Это было, в самом деле, необычно и интересно. Но затем с ними произошло то же самое, что и с фантастикой. Любые повторы, даже не очень явные, скучны. С годами я поняла, что жизнь предлагает нам гораздо более интересные сюжеты, которые невозможно придумать. Мои «Бывальщины» подтверждают это.

Л. Е. А много Вы досочиняете в бывальщинах? Надежда Юрова зафиксировала разность подходов: она послушала – посмеялась – забыла, Вы запоминаете – развиваете? – пишете. У Вас идеальная память? Потом стилизуете? В ходе или после встречи делаете заметки?

Т. А. Конечно, рассказанное респондентами требует осмысления и доработки. Да и форма бывальщи-

ны, почти анекдота, требует дополнительной работы. Часто простая реакция или замечание человека наталкивают на идею новой бивальщины, а потом ее следует осмыслить и изложить в занимательной форме, то есть стилизация неизбежна. Память у меня, как и у всех, кто учился иностранным языкам, тренированная, развитая и особенно чуткая к слову. Легко и в деталях запоминается все необычное. После встреч и на самих встречах я делаю короткие заметки, иногда одного слова хватает, чтобы потом восстановить всю историю. Например, в записной книжке написано «тюбик с кремом» – читаю и вспоминаю, что мне Маша рассказывала, как ее кот регулярно сбрасывал этот тюбик с подоконника – она вернет тюбик на место, он снова сбросит. Кот считает этот подоконник своей собственностью, он любит там сидеть и смотреть на птичек, а потому не желает терпеть ничьих претензий на него, даже в виде метки тюбиком с кремом. Пришлось Маше сменить место тюбику, хотя оно было самое удобное, недалеко от зеркала. Кот доволен. Это первичное описание истории с котом, затем я записываю придуманное и довольно долго работаю над текстом – несколько раз к нему возвращаюсь, добиваясь, чтобы история была интересной, занимательной и забавной.

Прежде чем сяду писать, я смотрю в заметки и думаю.

Л. Е. Можно ли спросить о будущих книгах?

Т. А. Можно.

Л. Е. Спасибо. Но сначала меня интересует переход: как Вы поняли, что от воспоминаний переходите к «Бивальщине»? Будет ли у «Бивальщины» продолжение? Переход к сказкам (воплощенной мудрости) мне представляется закономерным. И к чему еще тянет?

Т. А. Сказки были моими первыми книгами. Я читала их запоем с самого раннего детства и, пока не прочла сказки всех народов мира, доступные в те времена, не успокоилась. Теперь я знаю, что сказка – это способ в занимательной форме показать ребенку,

с чего начиналась и как развивалась культура нации, к которой он принадлежит, научить нравственным основам человечества; научить понимать, что такое хорошо и что такое плохо; научить любви, дружбе, верности идеалам и людям.

Еще тянет к поэзии, но я не считаю себя поэтом, просто как филолог умею их более или менее грамотно писать.

Переходы у меня простые – пишу о том, что считаю нужным для себя и для людей. Воспоминания были больше всего нужны мне самой как оценка прошлого и самооценка, подведение итогов перед шагом в новую жизнь, переход к новой общественной формации и переход от активной, деятельной жизни к пенсионной. Бивальщина зародилась в сознании, еще когда я ездила по Вологодской области в командировки от областной администрации. Потом наступило осознание того, что целый пласт русского языка – вологодский диалект – исчезает, а ведь это часть вологжан, наша языковая особенность и северная, народная особость – дорогая сердцу каждого вологжанина сторона жизни. Как филолог я не могла пройти мимо этого явления. И еще мне очень нравится собирать наши вологодские словечки, выражения, сюжеты – это отдельная радость и счастье. Как же было интересно писать «Вологодскую бивальщину»! Слово «бивальщина» я нашла у В.И. Белова, а название книги «Вологодская бивальщина» придумала сама.

«Своим чередом» – это и есть продолжение «Бивальщины», немного измененное и усовершенствованное: разбивка рассказов идет не по районам, а по временным пластам.

Продолжение, может быть, будет и еще (написано уже много всего), если будут средства к публикации. Сейчас их нет.

Книжка сказок уже почти готова, но печатать их тоже не на что.

Л. Е. Не думала, что так грустно закончим. Спасибо Вам.

T.A. Andreyeva, L.V. Yegorova

LISTENING TO THE TIME

The prose writer from Vologda Tatyana Andreyeva in her interview with L. Yegorova, the editor of «Bulletin of Vologda State University», discusses her views on her writing strategies, artistic evolution, communication with the readers, the contemporary literary environment in Vologda, the use of literary language and dialects.

Tatyana Andreyeva, the Vologda region, «Vologda Tales», contemporary prose, a writing strategy.

Э.Л. Трикоз, О.Н. Анфимова
Музей-квартира В.И. Белова (Вологда)

Л.Л. Ефремова
Государственный архив Вологодской области

ДРУЖБА ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ: ВАСИЛИЙ БЕЛОВ, ФЁДОР АБРАМОВ, ВИКТОР АСТАФЬЕВ*

В статье на основе эпистолярных и мемуарных свидетельств, архивных и музейных документов освещены истории отношений Василия Белова с выдающимися писателями, представителями деревенской прозы – Фёдором Абрамовым и Виктором Астафьевым. Часть документов впервые вводится в научный оборот.

В.И. Белов, В.П. Астафьев, Ф.А. Абрамов, архив, литературный музей, Музей-квартира В.И. Белова, русский писатель, деревенская проза, архивный документ, музейный фонд.

Сразу после поступления в Литературный институт имени Горького Белов начал вести очень активную творческую жизнь, благодаря Александру Яшину познакомился со многими писателями старшего поколения, в том числе с писателями, прошедшими войну – Ф.А. Абрамовым (1920–1983), А.Т. Твардовским (1910–1971), Е.И. Носовым (1925–2002), которые оказались не столько наставниками, сколько товарищами Белова, во многом разделявшими творческие и земные убеждения писателя. Этот круг общения был необходим молодому писателю, сыграл важную роль в его судьбе.

К беловским друзьям и товарищам старшего поколения относятся А.Я. Яшин, А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, С.В. Викулов, Ф.А. Абрамов, С.С. Орлов, В.П. Астафьев. «Единомышленное братство» знало его как начинающего автора, видело его сильные и слабые стороны. Эти писатели увидели в нем скромного и искреннего человека, хорошо осознававшего душевное богатство, самобытность и талант русского человека из народа, хранителя Родины, великой Руси.

Достаточно прочесть отрывок из статьи Евгения Ивановича Носова «Путь к истоку. Слово о моем друге», чтоб понять, что стало причиной судьбоносного совпадения путей этих писателей. Носов говорил, что зачарованность беловским словом породила в нем чувство неодолимой любви к его земле, к людям, населяющим эту землю: «Так слилась моя степная родина с его лесной, как слилась она с прекрасными отчими краями других моих многочисленных друзей от Карелии до Дальнего Востока в нашу общую большую Россию. Правдивое и чистое слово художника не может принадлежать узкому землячеству, подобно деревенскому стоячему колодцу. Напротив, подлинное искусство как река, сначала родившаяся где-то из-под укромного бережка, подкрепленная единомышленным братством влившихся притоков, течет полноводно и открыто для всех, всяк имеет дос-

туп испить из нее...» [21, с. 8]. Творчество этого братства породило в Белове «потребность довериться слову», помогло сформировать свой собственный голос, утвердиться в деревенской прозе.

Каждый из них повлиял на формирование творческой личности писателя, поэтому отдельно следует говорить о дружбе Белова с каждым. Эта статья посвящена отношениям Василия Ивановича с Фёдором Абрамовым и Виктором Астафьевым.

Чтобы понять, какие превращения произошли в людях, связанных дружбой, как дружба повлияла на обоих и какие творческие результаты появились в результате этих отношений, нужно взвесить многие факты периода общения. Когда речь идет о людях, ушедших из жизни, разумеется, полной картины дружбы составить не получится потому, что всех тонких вещей, неуловимых деталей общения мы не знаем и, может, уже не узнаем: как друг другу пожимали руки друзья, какие пели песни, когда собирались в узком кругу, как смотрели друг на друга в минуты принятия важного решения, какие жизненные обстоятельства могли быть причиной позвонить друг другу в поздний час и др.

Психоаналитик Карл Юнг говорил, что встреча двух людей как встреча двух химических элементов: реакция может и не произойти, но если произойдет – изменяются оба. И эти изменения проявляются во всем. Встречи преобразуют людей, формируют общие творческие маршруты. Насколько повлияли на Белова отношения со старшими товарищами по перу Астафьевым и Абрамовым, попробуем поразмышлять на том материале, который опубликован в воспоминаниях современников, который нам удалось найти в музейном и архивном фондах в Вологде. Для глубины осознания того, какой была дружба, важно все.

Василий Белов и Фёдор Абрамов

«Мощный, суровый, эпичный Фёдор Абрамов», – таким видел композитор Георгий Свиридов писателя [9, с. 125]. Абрамов «за свой срок прожил несколько жизней: был крестьянином, солдатом, пролил кровь за

* Фонды Музея-квартиры В.И. Белова и Государственного архива Вологодской области

Отечество, взошел к вершинам науки – литературоведения, и все увенчал заслуженной славой народного писателя». Первая и последняя характеристики личности совпадают с беловскими.

Белов, по словам Г.В. Свиридова, был «возвышенно-поэтическим» (мощным и эпичным – в зрелости!), но при этом верным своему внутреннему чувству правды, сопричастен деревенскому ладу. Не случайно в предисловии к «Ладу» он прописал: «...я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам либо знали и пережили близкие мне люди». За верность себе его очень ценил Абрамов.

В сборнике «Жребий» ленинградского писателя Глеба Горышина находим: «Уж кого любил Фёдор Абрамов со всей доступной ему нежностью, так это Василия Белова, но и тут никогда не распространял любовь на оценки тех или других сторон творчества Белова, применял в оценках свою меру строгости... К наставничеству старших писателей над молодыми Абрамов относился не то чтобы отрицательно, нет... Но постоянно гнул свою линию: литературная школа, навык – дело второе, главное же для каждого идущего в литературу – его человеческая судьба, степень сопричастности с делами земными, социальный опыт, гражданский темперамент». Абрамову было по душе то, что Белов, будучи молодым писателем, «знал правду жизни и не боялся ее говорить» [10, с. 143]. Пожалуй, и отношение к наставничеству у Василия Белова было похоже: для него важен был социальный опыт и опыт души пишущего.

Опираясь на воспоминания Ольги Сергеевны Беловой, писатель Александр Цыганова, Владимира Крупина, Анатолия Грешневикова, Владимира Личутина, Валентина Распутина, литературоведа Игоря Золотусского, подробно расскажем о дружбе писателей.

Игорь Золотусский, российский историк литературы, писатель, критик вспоминал: *В дни 60-летия Фёдора Абрамова. Отмечались они в Ленинградском Доме писателей, которым сразу после перестройки завладел какой-то расторопный олигарх.*

В зале сидели Абрамов, его фронтовые друзья, писатели. Фёдор Александрович посадил Белова на сцену, где тот, совсем не «по рангу», оказался рядом с завсегдатаем президиумов Сергеем Михалковым...

Абрамов сказал, что отвел Белову это почетное место, потому что тот самый талантливый из присутствующих здесь писателей. В число присутствующих он включил и себя [13, с. 269].

И этот публичный комплимент был не случаен. В воспоминаниях Игорь Золотусский признает факт: не сразу поверивший в большое будущее прозаика, Абрамов уже в 1966-м году считает его большим писателем: *Кажется, летом 1966 года мне позвонил из Ленинграда Фёдор Абрамов и сказал: «Найди журнал «Север» и прочти повесть Белова «Привычное дело». Большой писатель на Руси идет.* И это произошло три года спустя после непродолжительной переписки с молодым автором и нескольких встреч с Беловым.

В книге Владимира Корюкаева «Самородок из Тимоники: Жизнь и творчество Василия Белова» сказано о начальном периоде дружбы писателей: *С Беловым Абрамов познакомился по переписке. Белов, еще будучи студентом Литинститута, поддержал очерк*

Абрамова «Вокруг да около», за который писателя резко критиковали, в том числе земляки. Также Белов сообщает Абрамову, что всей семьей читали «Братьев и сестер». «Моя мать и мои братья и сестры – это Ваши братья и сестры, вологодские крестьяне». Это было напечатано в журнале «Нева» за 1963 год. В том же номере был опубликован рассказ Белова «Люба-Любушка», который Абрамову понравился [15].

Из цитаты видно, что между Василием Беловым и Фёдором Абрамовым сразу установились эмоциональные связи, обнаружилось сходство личностных смыслов в восприятии и отражении действительности, сходство жизненных позиций, связь писательских приоритетов и ценностей.

Узнавание своего человека – важная вещь, особенно в 1950–1970-е гг. для писателей – выходцев из народа, деревни. В них продолжало жить понимание: *Деревня – это община, все жители, как клеточки в организме, взаимосвязаны. Если страдает одна клеточка, с ней немоществует и другая. Благоденствует один житель деревни, с ним благо получают и другие. Здоровые клеточки крепят доброе взаимоотношение в деревне, а от этого крепче становится и вся деревня, и наоборот...* [3, с. 15–16]. Веками сформированный общинный дух в городах перерождался в особого рода дружбу, основой которой были общие образы и духовные скрепы.

Известный факт, что Василий Иванович Белов всех гостей Тимоники – своих! – покорял деревенской баней – «чистилищем души и тела», которая то самое поколение деревенских, перебравшихся после войны в город друзей, отогревала во всех смыслах, сближала, раскрывала. В ней грелся и Фёдор Абрамов, будучи в гостях у писателя, в ней у друзей состоялся и разговор по душам. Для Белова баня была «приглашением к душевному, откровенному разговору и очередному приезду гостей». И не только...

Как пишет в книге Анатолий Грешневилов «Сто сорок писем Василия Белова»: «Каким помощником в творчестве явилась баня, однажды Белов признался Фёдору Абрамову: “Я каждое время года баней меряю. То есть всё через баню: и осень, и зиму, и весну, и лето. Стоит мне только представить, как я выхожу из бани, и я с особенной силой, прямо-таки физически начинаю чувствовать и запах травы, и запах земли, и запах дождя и воды. И небо, и снег вижу иначе... Я, между прочим, так всегда и делаю, когда пишу пейзаж и человека: воображаю себя вышедшим из бани, и тогда сразу спадает с вещей вся пыль и короста повседневности”» [9, с. 84]. Только в месте, где «будто бы весь начинаешься снова» (из стихотворения Анатолия Передреева «Баня Белова») и могут состояться такие откровенные разговоры.

Следует заметить, что в отношениях с Абрамовым Белов первым показывает, что признает и принимает Абрамова как своего, несмотря на разницу в возрасте, профессиональный писательский уровень. (В.И. Белов в период своего студенчества вполне годился Ф.А. Абрамову в ученики). И эту открытость очень спокойно, даже прохладно принял бывший фронтовик, ученый, преподаватель ЛГУ Фёдор Абрамов или, может, просто не сразу ее отрефлектировал и живо на нее ответил (по разным причинам). Напри-

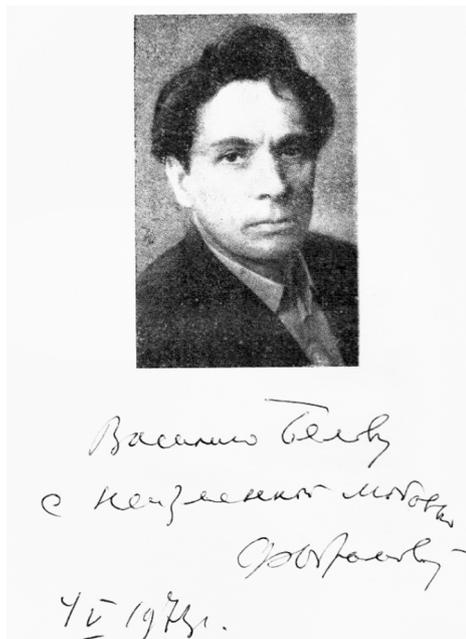
мер, только после упоминания Беловым в первом письме того, что в «Неве» 1963 года в одном номере были опубликованы повесть Абрамова «Вокруг да около» и «рассказишко» Василия Ивановича «Люба-Любушка», Фёдор Александрович вчитывается в рассказ Белова, но не находит в нем силы, «потрохов бытия»: *Написан рассказ был тонко, лирично, очень профессионально, но, может быть, несколько традиционно, без выворачивания всех потрохов деревенского бытия, а я тогда превыше всего в литературе ставил «голую» правду жизни* [1, с. 92]. Не находил, потому что в период обучения в Литературном институте им. Горького Белов был больше лириком, хотя и позже во многом он оставался поэтом. А без указания на это совпадение (издание произведений в одном номере журнала) Абрамов, возможно, и не прочитал бы, не всмотрелся в авторский текст.

Александр Александрович Цыганов – вологодский писатель и редактор Белова – рассказал музейным сотрудникам во время беседы летом 2019 года, что этот момент Василий Иванович не раз вспоминал, когда обсуждали поэтический рассказ «Люба-Любушка», отметив, что Абрамов не стал притворяться, был честным, и сказал «не читал». А Белов надеялся на чуткость, внимание да или просто то самое узнавание своего через текст и встречу. Конечно, в московский период В.И. Белов находился на этапе поиска себя, писательского «я» через другого писателя, на этапе формирования своего окружения – надежного творческого круга. В этот период его главным проводником в мир писателей и мудрым советчиком был Александр Яшин. Он и познакомил Белова с Абрамовым.

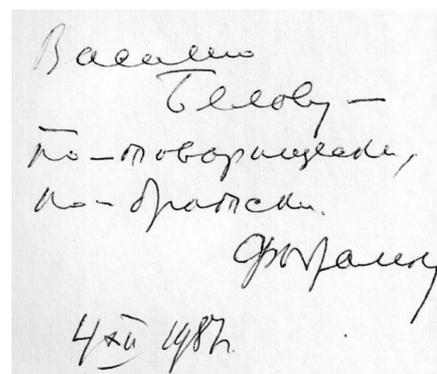
О «распахнутости» студента В.И. Белова Фёдор Абрамов напишет в своей очерке «Деревенку зовут Тимониша» 1982 года: *Помню, Александр Яшин, первым разглядевший в Белове будущую звезду нашей прозы, был без ума от своего молодого земляка, он даже и называл-то его не иначе как Василий Иванович, а я, глядя на этого самого Василия Ивановича, на редкость моложавого, тогда еще гололицего, без нынешней, всем известной бороды, очень стеснительного, с камешком-картавинкой во рту, одним словом, выглядевшего сущим мальчишкой, не мог побороть улыбки, и Яшин, помню, очень злился на меня, просто выходил из себя. Нет, нет, оригинальность Василия Белова я оценил сразу: у кого еще в мире такие глаза – широко распахнутые, младенчески простодушные и в то же время скорбные, налитые тревогой и болью за все живое на Земле* [1, с. 92]. В этой цитате Фёдор Абрамов будто нарочно, даже как-то по-стариковски уходит от серьезного комментирования того, что он понимает под оригинальностью Белова. Просто говорит о глазах писателя.

Первоначально дружба Абрамова и Белова выросла из отношений читатель – писатель. Сближение, или интимизация отношений, началось после 1966 года – после публикации «Привычного дела». Народное признание писательского мастерства В.И. Белова «стёрло» формальные границы прежних статусов (старший – младший, учитель – ученик, начинающий – опытный)¹.

¹ Авторы присылают друг другу тексты, в переписке товарищески обсуждают опубликованные произведения. Абрамов

Подпись Абрамова в книге. 1973 г.
(из фондов Музея-квартиры Белова)

Подпись Абрамова в книге. 1987 г.
(из фондов Музея-квартиры Белова)

В этот период писатели, как публичные персоны, стали на равных, и это было несколько неожиданно для Фёдора Абрамова: *Не знаю, под каким названием и под чьим именем войдет в историю литературы 1967 год, а для меня это год «Привычного дела», год Василия Белова. Такого на моем веку, пожалуй, еще не было* [1, с. 93].

Если мы посмотрим на дарственные подписи Абрамова к Белову в книгах из библиотеки Василия Ивановича, то увидим: во-первых, подаренные абрамовские книги – преимущественно издания 1970–1980-х гг.; во-вторых, в текстах самых ранних трех инскриптов так или иначе содержится выражение любви: «с искренней любовью», «с неизменной любовью», «любимому писателю». Приведем тексты этих инскриптов:

1. «Василию Белову с искренней любовью Ф. Абрамов. 9 IV 70 г.» («Сосновые дети», 1970 год).

прислушивается к мнению Белова, спорит с ним: «10 октября 1969 г. Получил письмо от Белова. Упрекает за обличительство в “Пелагее”. Дескать, и без тебя хватает у нас обличителей. Но где, какое обличительство в “Пелагее”? Я никогда в жизни своей не занимался этим ненужным делом...» [2, с. 23].

2. «Василию Белову с неизменной любовью Ф. Абрамов. 4 V 1973 г.» («Последняя охота», 1973 год).

3. «Василию Белову – другу, любимому писателю. [подпись Ф. Абрамова] 29 ноября 1975. Ленинград» («Братья и сестры. Две зимы и три лета», 1975 год)².

Более поздние сдержанны, спокойны, указывают больше на товарищескую связь, возможно, от того, что все больше именно дела объединяли этих людей, возможно, болезнь Абрамова отбирала энергию проявлять чувства.

1. «Василию Белову от Фёдора Абрамова 14/ХІІ.79 г. [подпись Ф. Абрамова]» («Дом», 1979 год).

2. «Василию Белову – по-товарищески, по-братски. [подпись Ф. Абрамова] 4. ХІІ. 1987 г.» (Сборник рассказов «Бабилей», 1981 год)³.

Ответом на книгу «Дом» было короткое письмо Белова к Абрамову (опубликовано в книге «Земля Фёдора Абрамова»): *Дорогой Фёдор Александрович! Много ты сумел сказать в «Доме». Спасибо. Я почувствовал и какое-то личное облегчение: Абрамов сделал то, что теперь уже делать не надо. Поскольку дело сделано...* Комментируя это письмо, писатель Анатолий Грешневином сказал: «поддержал друга так, как мог только Белов» [9, с. 113].

Есть в библиотеке Музея-квартиры В.И. Белова еще одна дарственная надпись. В 1990 году Василий Иванович получает в качестве подарка книгу «Дом в Верколе. Документальная повесть»⁴ от жены писателя Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, в ней на титульном листе написано шариковой ручкой: «Дорогому Василию Ивановичу на память о Фёдоре. 21.VI.90 г.» (В книге есть упоминания о В.И. Белове: «Из намеченного он успел написать и опубликовать очерки о “Севере” и о Белове. Остальное осталось в рукописных заметках...» [17, с. 356]). И это свидетельство того, что писательская дружба была гораздо шире – дружили их семьи.

В этом году на встрече в музее-квартире О.С. Белова рассказала (13.05.2019): *Сколько интересных людей я видела, тот же Дмитрий Лихачёв, положим. А писателей! Самыми близкими друзьями был Яшин, прежде всего. Яшин тоже был такой же независимый, резкий – мне кажется, он тоже на него повлиял. Я считаю его хорошим другом Фёдора Абрамова. Хотя они иногда расходились во взглядах на крестьянство: Василий Иванович считал, что государство виновато в разорении деревни, а Абрамов говорил, что и сами мужики ничего не делают. У них на этой почве проходил спор, но они любили друг друга. Изумительный человек Фёдор Абрамов, пожалуй, самый порядочный и самый интересный.*

За время двадцатилетней дружбы, известно, что семья Беловых часто останавливалась в ленинградской квартире Абрамовых, когда была в северной столице. Абрамов отговаривал Василия Белова снимать номера в гостиницах, всегда ждал у себя его для

общения. С Беловым, по словам Ольги Сергеевны, он больше обсуждал политику, с ней говорил о школе, преподавании литературы, они обсуждали литературоведческие темы. Писатели дружили семьями, и это отчасти смягчало их периодические дружеские размолвки.

В воспоминаниях Золотусского, Корюкаева, Распутина отмечено, что Абрамов хвалил Белова, защищал, если это было необходимо, – на правах старшего. По-простому, по-свойски обращался к нему в письмах с просьбами. На первый взгляд многие выражения в письмах Абрамова к Белову даже могут показаться читателю грубыми, обидными, но, по-видимому, подобные выражения, как и отцовский, «свойский» тон, были нормой в общении писателей. Абрамов давал Василию Белову «пятаки» на жизнь. Из письма: *Так вот: пятаки у меня есть, и ты, пожалуйста, не надрывайся. Тебе еще придется со временем подкармливать меня. Да, да, придется, свет стоит на взаимовыручке.* Вот она (не утраченная в городе) деревенская доступность, отзывчивость, чуткость, привычка жить на виду, кроме того – доверие к младшему в общине, готовность в любой момент передать свои полномочия. Так и произошло: *Не стало Абрамова – и пошел к трибуне Василий Белов и продолжил то, на чем кончил в последний раз Фёдор Александрович. Когда нужно было сказать, он не оглядывался, кто рядом, свой или чужой... правда годится для всех* [24, с. 137].

Белов пошел к трибуне сразу после смерти Фёдора Абрамова, потому что ему и по старшинству, и по писательскому и общественному рангу следовало передоверить в этой крепкой общине народных писателей право стоять у трибуны. На тот момент уже не было в живых близкого друга-земляка и наставника Александра Яшина (умер в 1968 г.), старшего товарища и помощника Александра Твардовского (1971 г.). Ему – потому что не было доверия к тем, кто был чужой, со стороны.

Из книги Владимира Крупина «Море житейское» о похоронах Фёдора Абрамова: *Человек из обкома не хотел давать выступить Василию Белову. Жена Абрамова, уже вдова, Людмила Александровна, ворвалась в комнату президиума, где нам повязывали траурные повязки для почетного караула, и во всеуслышание заявила: «Если не дадите слова Белову, я вам прямо у гроба скандал устрою!»* [16, с. 84].

Подтверждением служат и слова Владимира Личутина о речи Белова в день прощания с Ф.А. Абрамовым в мае 1983 года: *Выступил Белов. Его ждали с нетерпением, он не мог сказать ложного и высокопарного. Обсекая слова судорогою горла, он сказал, что виделся с Абрамовым совсем недавно, у них был сложный разговор о переброске северных рек, и прозвучал этот покойный ныне Фёдор Александрович назвал неслыханным цинизмом; Белов не сдержался, заплакал, и многие в зале тут не стерпели, завсхлипливали, не стыдясь слез своих. И чем проще говорил Белов, тем больше нарастало горести в нас и тем ярче и больнее воспринималась утрата.*

Не случайно Распутин в очерке 1987 г. написал про Абрамова: «Никакого сомнения: в том, что происходит теперь по возрождению русского поля в ши-

² Фондовые номера указанных книг: КБИАХМЗ МКБ КП-2508, КП-585, КП-592.

³ КБИАХМЗ МКБ КП-2639, КП-2679.

⁴ КБИАХМЗ МКБ КП-4769.

роком смысле, и его работа, в которой он себя не жалел, и его правда... [20, с. 435].

Процитированные фрагменты из воспоминаний современников рисуют нам такую картину о дружбе писателей... Какими словами ее для себя описывал Василий Иванович – не известно. Так и остались только в планах Белова воспоминания о Яшине, Абрамове, Рубцове и Твардовском (Это известно из беловского текста «Тяжесть креста...»). Василием Ивановичем написаны лишь воспоминания о композиторе Валерии Гаврилине и Василии Шукшине.

Интересно, каким Белов, например, описывал Шукшину Фёдора Абрамова? Какими в их разговорах были старшие товарищи – Яшин, Абрамов, Твардовский? Ведь известно, что Белов часто обсуждал с Шукшиным литературную жизнь страны, известных обоим писателей. Возьмем для подтверждения хотя бы фрагмент из воспоминаний шукшинского оператора Анатолия Заболоцкого «Шукшин в кадре и за кадром» – о поездке друзей в Тимонику: *Больше недели прожили мы в Тимонихе. Я был за повара. Топили баню. Морозило крепко. Поочередно грели бока на русской печке. Шукшин с Беловым говорили о Яшине, Абрамове, Твардовском и его журнале.*

Многие подробности о жизни писателей Шукшин узнавал от Белова, светские и «киношные» истории Белов – от Шукшина. Из письма Василия Макаровича: *Вот – вдруг – стали активно предлагать (начальство!) для кино и для театра «Две зимы...» Абрамова. На «Ленфильме» прямо навязывают одному режиссеру, а он не хочет... Что-то же случается там... Логично обнаружить трудно, а работать, видно, надо⁵.* Из письма видно, что друзья обсуждали историю многострадального текста Ф.А. Абрамова «Две зимы и три лета». Что там спрятано за этими многоточиями? Что Шукшин знал об Абрамове, что не знаем мы? Какой он видел дружбу Белова с Абрамовым?... Ему многие сердечные переживания и мысли были доверены Василием Беловым.

История взаимоотношений Василия Белова и Виктора Астафьева

Писатели познакомились за несколько лет до переезда Виктора Астафьева на Вологодчину. Знакомство произошло в Москве. (подробности встречи неизвестны). Первый и второй год учебы Белова совпал с обучением Виктора Астафьева и беловского земляка Сергея Викулова на Высших литературных курсах (1959–1961 гг.). Тогда слушатели курсов и студенты литинститута проживали в одном общежитии, что давало широкие возможности для неформального и тесного общения.

С творчеством Василия Белова Астафьев был хорошо знаком до переезда в Вологду, более того, он открыто говорил и писал о том, что эмоционально и глубоко воспринял его деревенскую прозу. В одном из пермских писем Астафьева к Белову в Вологду (1966 г.)⁶ есть такие строки: *Ох, Вася, ты, Вася! Си-*

жу вот и плачу, дочитавши твою горькую повесть [«Привычное дело»]. Как мне больно, если бы ты знал! А как больно было тебе, одному Богу известно. Большого ты сердца, человек. Дай тебе Бог много дней жизни, чтоб рассказал ты еще много о русских наших людях, о горькой судьбине ихней... Был бы близко, обнял бы тебя, родного человека...

Из письма к прозаику и ученому Александру Михайловичу Борщаговскому (от 8 августа 1967 года): *А вы читали ль в № 1 «Севера» повесть Васи Белова «Привычное дело»? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то ее непременно замолчат в критике и ничего о ней не узнают люди. «Север»-то читает совсем мало народу [4].* После этой цитаты сразу вспоминаются рекомендательные слова Фёдора Абрамова к Игорю Золотусскому, что приведены были выше: *Найди журнал «Север» и прочти повесть Белова «Привычное дело». Большой писатель на Руси идет.* Оба писателя, признав талант Василия Белова, в какой-то мере покровительствуя, на правах старших помогают беловскому произведению выйти к широкому кругу читателей.

На недавней встрече⁷ в музее-квартире Андрей Астафьева, сын Виктора Петровича, рассказал: *Беловым отец восхищался задолго до личного с ним знакомства. У них с мамой был давний обычай: он читал ей вслух – и свои тексты еще до публикации, и чужие, то, что его зацепило. Иногда и нам с сестрой удавалось его чтение послушать. И вот однажды папа читал «Привычное дело» – и помню, мне самому стало интересно: настолько образно написано, что очень хорошо себе эту жизнь представляешь. «Деревня Бердяйка», «За тремя волоками», «Плотницкие рассказы» – все это для отца было литературой высочайшей пробы [18].*

До переезда Астафьев не раз бывал в Вологде. Подтверждением тому служат найденные в Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО) фотография 1964 г., сделанная в Вологде, и письмо конца 1968 г. Среди документов, связанных с дружбой В.И. Белова и В.П. Астафьева, хранится фотонегатив⁸ (на пленке), на котором запечатлен В.П. Астафьев. Снимок поступил на хранение из редакции газеты «Красный Север», дата съемки – май 1964 года, автор не указан. Фотографии, сделанные с данного негатива, достаточно известны. Они имеются в фотгалерее писателя. Однако именно место нахождения негатива (первоисточника бумажного позитива) может указывать на то, что писатель был сфотографирован на Вологодской земле. Скорее всего, Астафьев был в Вологде в мае 1964 года. Автором снимка мог быть Аркадий Кузнецов, работавший в 1964 году фотокорреспондентом в газете «Вологодский Комсомолец», затем в «Красном Севере». А. Кузнецов известен как фотохроникер вологодской писательской среды.

Известно, в июне 1968 года состоялась дружеская поездка писателей по Вологодчине. В письме

⁵ Рукописные листы писем хранятся в фонде Музея-квартиры В.И. Белова. Точная дата письма не установлена.

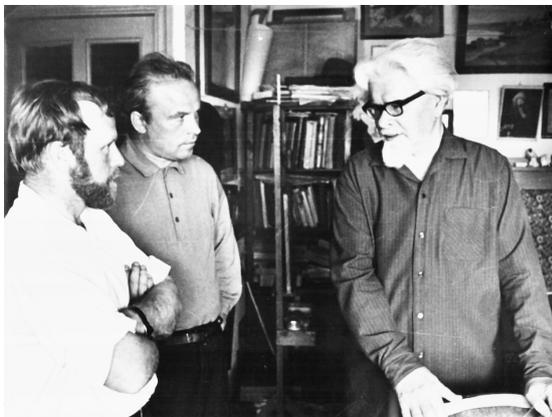
⁶ Из фондов РГБ (архивное дело писателя В.И. Белова).

⁷ Встреча состоялась 11 апреля 2019 года, накануне 95-летнего юбилея В.П. Астафьева.

⁸ ГАВО. Фонд «Коллекция фотодокументов». Ф. р-1394. Оп. 2НГ. Д. 10624.

В.А. Старикову от 1 сентября 1968 г. Астафьев пишет: *Ездил я в июне в Вологду (не знаю, писал ли об этом тебе). В хорошей компании – Фёдор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов и еще четверо интересных парней-художников прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике, и это было самой большой отрадой в моей нынешней жизни, которая... как-то сделалась очень уж квялая и одинокая [4].*

В этой поездке писатели посетили знаменитого художника, мастера северной черни по серебру, заслуженного деятеля искусств РСФСР Евстафия Павловича Шильниковского. Позже Астафьев в дневнике напишет: *И вот довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: «Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один». И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал... Звали меня опять ребята в Вологду. И хорошие они ребята, и город приятный... [4].*

В.И. Белов, А.А. Романов, Е.П. Шильниковский, 1968 г. (из фондов Музея-квартиры Белова)

После долгих размышлений, куда податься, в конце 1968 года В.П. Астафьев написал В.И. Белову⁹ на первый взгляд бытовое письмо, в котором Виктор Петрович отвечает Василию Ивановичу: *...и вот теперь только собрался тебе написать. Однако в нем затронута важная тема из биографии писателя: переезд в Вологду.*

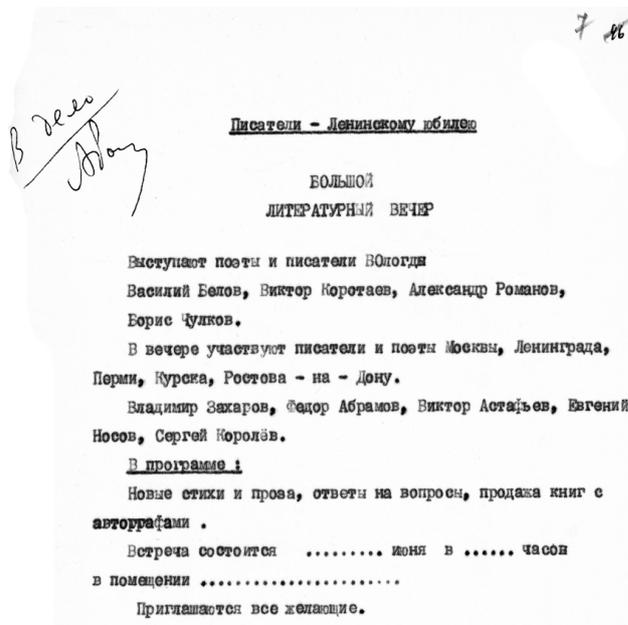
Что-то после поездки к Вам тошно мне тесно на этом индустриальном Урале, где Руси настоящей нет <...> Какой-то советско-эскимосской смеси народ живет <...> Решил я поехать к Вам, попробовать жить в исконной России.

Письмо вносит новые штрихи к биографии В.П. Астафьева. Обращение к **Вам** имеет не совсем прямое грамматическое использование: к Белову же он обращается на «ты», а это «к Вам», получается, дань большого уважения к конкретной группе лиц – к писателям-вологодцам, с которыми был знаком Астафьев на тот момент времени и творчество которых ценил.

Не случайно Астафьев в письме вспоминает о летней поездке в Вологду. Что это была за поездка – рассказывают документы Вологодской областной пи-

сательской организации за 1968 год, хранящиеся в ГАВО.

В рамках подготовки к 100-летию юбилею В.И. Ленина летом 1968 года в Вологде был проведен агитационно-пропагандистский рейс писательской бригады на теплоходе по присухонским городам, где проводились литературные вечера. В писательской бригаде были известные писатели и поэты: В. Белов, В. Астафьев, Е. Носов, А. Романов, В. Коротаев¹⁰.

Документ из дела Вологодской областной писательской организации (из фондов ГАВО)

Кроме того, в Вологде в 1968 году был организован Большой литературный вечер «Писатели – Лениному юбилею» в рамках трехдневного творческого семинара молодых авторов¹¹. Участниками вечера были вологодские писатели (В. Белов, В. Коротаев, А. Романов, Б. Чулков), «писатели и поэты Москвы, Ленинграда, Перми, Курска, Ростова-на-Дону В. Захаров, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Е. Носов, С. Королёв»¹². В этой поездке и произошло тесное общение Астафьева с вологодским писательским кругом, с теми, к кому – **к Вам** – он впоследствии и приедет.

Спустя почти полгода, в декабре 1968 года, Астафьев советуется с Беловым и одновременно пытается заручиться его поддержкой в случае приезда в Вологду: *Написал об этом Сашке¹³, да и с тобой хотел бы посоветоваться. Как ты-то на это дело смотришь? Как посоветуешь мне? А в 1969 году писатель уже переезжает.*

Из письма видно, что тяга у Астафьева к переезду была велика: *Уехать, я все-равно уеду куда-то, жить на Урале больше не могу и не хочу – если уж за 25 лет он не стал мне родным, дальше уж ждать нечего.* Важно ему было приехать к единомышленникам, к друзьям, среди которых самым близким человеком стал В.И. Белов.

¹⁰ ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.

¹¹ Семинар проходил с 14 по 16 июня 1968 года.

¹² ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 82. Л. 7.

¹³ Речь идет об Александре Романове.

⁹ Письмо от 15 декабря 1968 года. Ф. р-5134. Оп. 1. Д. 47.

«Исконно русская вологодская земля» пришлась Астафьеву по душе, «близкими» называл писатель и самих вологжан. Подтверждение этому мы находим в опубликованном письме 1969 года¹⁴: *Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и еще пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, неторопливо. Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми, только получше построенную, на три метра поменьше, да это пустяки. Встретили меня хорошо и власти, и писатели.*

Профильный фотопортрет
В.П. Астафьева, 1964 г.
(из фондов ГАВО)

Отметим, что начавшаяся в конце 1940-х гг. работа по созданию мощной литературной организации в Вологде, а также политика Вологодского обкома партии, направленная на быстрое решение вопросов с предоставлением жилой площади, способствовала переезду в Вологду многих писателей. Астафьев в «Затесях» писал о тогдашнем секретаре Вологодского обкома А.С. Дрыгине: *...внимателен был к трудовому человеку, благоволил к интеллигенции, любил и берег одаренных людей. К примеру, всем писателям, нуждавшимся в жилье, по его распоряжению были выделены квартиры... В Вологду потянулись творческие люди со всех концов России, и здесь не сразу, но создавалась самая крепкая и дружная писательская организация.*

В начале 1970 года в жилищную комиссию при Вологодском облисполкоме от бюро Вологодской писательской организации за подписью Александра Романова было направлено письмо с просьбой о содействии в обмене квартиры члену Союза писателей СССР Виктору Петровичу Астафьеву. В 1971 году семья писателя переехала в благоустроенную 4-комнатную квартиру на ул. Ленинградская, дом № 26 [27]. В 2010 году на доме установлена памятная доска: *В этом доме в 1971–1980 гг. жил выдающийся русский писатель Виктор Петрович Астафьев.*

Виктор Петрович приехал в Вологду уже зрелым человеком, сложившимся писателем. Тогда уже печатался в столичных журналах, на его счету было не-

сколько крупных книг, публикация известных произведений, в том числе отдельные главы «Последнего поклона», повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», рассказы «Васюткино озеро», «Белогрудка», «Ясным ли днем».

Вологодский период в творческой биографии писателя ознаменовался выходом в свет повести «Царь-рыба», первых книг из Собрания сочинений в четырех томах (1979–1981 гг.), некоторых глав из книги «Затеси» (на вологодском материале), публикацией «Пастуха и пастушки», которую автор 14 лет «носил в себе».

Именно в Вологде Астафьев пробует себя в драматургии, пишет киносценарии (не без влияния В.И. Белова, тесно обравшегося в то время с В.М. Шукшиным и его товарищами). В репертуарах вологодских театров с успехом шли постановки его драматических произведений (пьесы «Черемуха» и «Прости меня»). По мотивам произведений писателя вышли художественные фильмы: «Сюда не залетали чайки» («Мосфильм», 1978 г.) и «Таежная повесть» («Ленфильм», 1979 г.). В этот период Астафьев стал Лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького за повести последних лет (1975 г.) и лауреатом Государственной премии СССР за книгу «Царь-рыба» (1978 г.)

В Вологде, – писал Астафьев в октябре 1969 года Евгению Носову, – я себя чувствую так, как будто из курной бани выбрался на студёный снежный воздух. Хороший в Вологде народ. И не только писательский. Я дважды был в Никольском районе. Какие бедные и добрые люди живут в глубинах этой исконной русской земли, чистые, душевные, и как с ними легко и просто! Хоть остаток жизни доживу среди людей, мне близких и понятных.

Вологда сдружилась с Астафьевым известных Василия Шукшина и Анатолия Заболоцкого, многих вологодских поэтов и писателей – Николая Рубцова, Александра Романова, Василия Белова, Ольгу Фокину и т.д. В письме¹⁵ Астафьев отмечает: *А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. Здесь живет превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник «Звезда полей»), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают.*

Виктора Астафьева относят к одним из влиятельных представителей вологодской литературной школы второй половины XX столетия. В Вологде он проводил семинары для молодых литераторов, писал отзывы на рукописи, помогал авторам опубликоваться в столичных журналах, давал свое писательское благословение начинающим. Образ самого писателя и атмосферу, царившую в те годы в Вологде, описал Виктор Кортаев в повести «Козырная дама» (посвящена поэту Николаю Рубцову и последним трагическим дням его жизни) [14]. Повесть была опубликована в 1991 году. В герое книги Алексее Петровиче Решетове, наставнике писателей и поэтов, просматриваются черты личности Виктора Петровича: *мудрый, смелый, большой человек, от его рассказов пахло окопной сы-*

¹⁴ Письмо В.П. Астафьева к А.М. Борщаговскому от 16 марта 1969 г. [4].

¹⁵ Письмо к «неустановленному лицу», 1969 год [4, с. 143].

ростью, морозным железом и горелым ружейным маслом.

Васе
Белову, которого
люблю и это
стало уже привыч-
кой. Вспоминаю тебя
и всегда с любовью
век тебе дано.
В. Астафьев
г. Вологда - 1968 г.

Инскрипт В.П. Астафьева, 1968 г.

Васе Белову на память и с
любовью мои разрывные байки.
В. Астафьев
г. Вологда - 1972 г.

Инскрипт В.П. Астафьева, 1972 г.

Виктор Астафьев последний поклон
Василию
Белову -
человеку без-
мерно родному
и по душе кашей
дружеской, близ-
кой, с надеж-
дой на его радостное
долгое и му-
жественное долголетие
пожил.
В. Астафьев
Москва
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1989
Москва

Инскрипт В.П. Астафьева, 1989 г.

В.П. Астафьев
Вологда, кабинет писателя, 1970-е гг.
(из семейного архива Астафьевых)

После смерти Н.М. Рубцова в письмах Астафьева все чаще звучит тоска по Родине и родным ему красноярским местам, угнетает «вологодское болото». В 1976 году в письме Василию Юровским он признается: *Здесь я больше жить не могу – скверно, грустно, не родно!* В феврале 1980 года пишет Валентину Распутину со всей искренностью: *Одна отрада осталась, мечтаю летом попасть в Сибирь и со временем вовсе переехать. Я знаю – лучше не будет. Возможно, даже и хуже будет, но хочется верить, что воздух Родины, ее виды, родня и прочая дребедень как-то встряхнут, освежат* [4].

Похоронив «в мокрые комки вологодской глины» отца он все острее ощущает «неуютность» и тоску: *Никого более из стариков на свете не осталось, только две тетки и дядя в Сибири. Надо ехать ближе к ним... раньше спасался от всего работой, сейчас работать не могу...* [4].

Астафьев прожил в Вологде одиннадцать лет. В июле 1980 года он вернулся на родину – *жить остается недолго, а хочется, чтобы похоронили меня на родине* [7].

Виктора Астафьева и Василия Белова долгие годы связывала крепкая дружба и единомыслие. Дружили и их семьи. Дочь Астафьева Ирина часто прибегала к Ольге Сергеевне Беловой поделиться своими секретами, по словам вдовы писателя. Близкое общение связывало жен писателей – Ольгу Сергеевну с Марией Семеновной. Писатели даже жили в Вологде недалеко друг от друга, предпочитали городской суете отдых в Харовском районе Вологодской области – Астафьев в приобретенном доме в деревне Сибле на реке Кубене, Белов в известной всем Тимонихе.

Астафьев Белова выделял из всей когорты вологодских писателей, называя его *крепким, убористым и честным писателем, цельным и устремленным*. У Василия Ивановича в воспоминаниях находим об Астафьеве: *Серьезный писатель. Я его книги высоко ценю. Особенно язык, юмор. Мы друг друга хорошо*

знали. Нас в газетах и журналах всегда вместе объединяли – Белов-Распутин-Астафьев. Термин специальный выдумали – «деревенщики». Напрасно. Я давно против него борюсь. Есть одна характеристика – национальный писатель, поэт [8].

После отъезда Астафьева общение писателей не прерывалось, что отмечается и в воспоминаниях современников. Прозаик Анатолий Байбородин отмечал: *Были Шукишинские литературные чтения, где Астафьев, Белов, Распутин, Личутин глаголом жгли сердца людей, проповедавая любовь к родному русскому народу... Вскоре русскоязычные литераторы обрушились с проклятиями на черносопный роман Василия Белова «Всё впереди», опять же, как и Астафьева, обвиняя выдающегося русского писателя в юдофобии. Виктор Петрович принародно, печатно поддержал старинного вологодского друга... [6].*

Из воспоминаний Ольги Сергеевны Беловой, супруги писателя: *Они были друзьями. Первое время жизни в Вологде очень дружили. А потом политика их развела... Вы знаете, как все это произошло глупо и нелепо. Я думаю, два медведя в одной берлоге не ужились [7, с. 70].*

Действительно, в 1990-е годы между писателями возникло некоторое противостояние. В воспоминаниях современников, публичных высказываниях писателей на сегодняшний день не освещены подробности разлада прозаиков. Однако в ГАВО сохранилось письмо 1991 года¹⁶, в котором Белов без подробностей указывает на некоторые факты. Полностью приводим письмо, сохраняя особенности авторской орфографии.

Петрович! Я не хотел посылать тебе это письмо, но она¹⁷ настаивает... К тому же после того, что произвел Евтушенко, после твоего вояжа по командировке Пенклуба¹⁸, мое к тебе уважение сильно поколеблено. Бог тебе судья! Белов. 5.IX.91¹⁹.

О своем расхождении с Беловым сам Астафьев упоминает в письме в редакцию «Литературной газеты» от 20 ноября 1991 года: *Что касается «доброжелателей», вдруг обрадовавшихся нашему якобы с Распутиным и Беловым расхождению в жизни и творчестве, то и фронтовые мои друзья, и бывшие содетдомовцы, еще оставшиеся в живых, могут подтвердить, что товарищей и друзей своих я никогда не предавал и не оставлял в беде. А друзья по литературе, есть у меня и такие, подтвердят, что я не разучился уважать убеждения других людей, как бы они ни расходились с моими, и умею бережно относиться к ранимому сердцу любого художника, где бы он ни жил, какой бы национальности ни был и какой бы характер ни имел. После смерти Астафьева Белов сожалел о том, что так и не помирился с Виктором Петровичем: *Сейчас уже Виктора Петровича нет, и думаешь, надо ли было так конфликтовать?... (см. кн. В.П. Корюкаева).**

¹⁶ Ранее опубликованное в книге М.В. Сурова [28].

¹⁷ Нам не известно, о ком речь.

¹⁸ Речь о ПЕН-клубе – международной правозащитной организации, в которую входили профессиональные писатели, поэты и журналисты. Главная сфера деятельности ассоциации – защита писательских прав, борьба с цензурой, борьба за свободу слова, свободу личности.

¹⁹ ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 23.

Слева корреспондент западногерманской телерадиокомпании Фриц Пляйтген, посередине В.П. Астафьев с девочкой, справа жены писателей, д. Тимониша, Вологодская область, 1970-е гг. (из фондов Музея-квартиры Белова)

В библиотеке Музея-квартиры В.И. Белова хранится порядка полутора десятка книг В.П. Астафьева, девять из которых подписаны автором. Часть подписей датированы вологодским периодом.

Семьи писателей д. Тимониша, Вологодская область, 1970-е гг. (из фондов Музея-квартиры Белова)

Тексты приведенных автографов из музейной коллекции отчетливо показывают, насколько дружественными и теплыми были их отношения в период с 1968 по 1989 годы.

Приведем полностью тексты инскриптов²⁰:

1. «Васе Белову, которого люблю и это стало уже привычным делом. И чтобы весь наш век так было. В. Астафьев. г. Вологда – Пермь, 68 г.» («Кража. Где-то гремит война. Повести», 1968 год);

2. «Васе Белову – жителю Тимониши, от беженца из Овсянки мою самую добрую книжку о самом дорогом с дружескими чувствами. В. Астафьев. г. Пермь, 68 г.» («Последний поклон», 1968 год);

3. «Васе Белову – дружески, с любовью. В. Астафьев 1970 г.» («Кража», 1970 год);

4. «Васе Белову на память и с любовью мои разные байки. [подпись В. Астафьева] г. Вологда, 1972 г.» («Затеси», 1972 год);

5. «Василей Иванович! давай, брат, работай, а для хандры еще будет старость. Желаю тебе доброго

²⁰ Сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

здоровья и лада душевного! [подпись В. Астафьева] 4 марта 1977 г. Вологда» («Повести», 1977 год);

6. «Василию Белову, мою самую большую боль и любовь о том, что уже к нам, увы, не вернется! В. Астафьев г. Вологда, март 1979 г.» («Последний поклон», 1978 год);

7. «Василию Белову на Вологодчину, с Енисея поклон и самые добрые чувства от автора написавшего статью и не одну в его родном уголке, тихом, пустынном и приветливом. Приспела пора не только подводить итоги, но и оборонять свои позиции, свое достоинство и нацию, в меру наших возможностей. Делать это надо объединенно и все мелкие дела и посторонние делишки отложить «напотом» – всегда можешь опереться на мое плечо. 30 ноября 1986 г. В. Астафьев». По вертикали добавление на странице: «P.S. Здесь, в этой книжке стоит прочесть одну только статью, «и все цветы живые» ради нее и писалась мною эта книжка...» («Всему свой час», 1985 год);

8. «Василию Белову, от автора, взявшего хороший разгон на вологодчине и написавшего эту книгу уже на Родине, в любимом селе. От всего сердца! В. Астафьев» («Жизнь прожить», 1986 год);

9. «Василию Белову человеку безмерно родному и по Руси нашей братской, близкому, с надеждой на его рабочее долголетие и мужицкое долготерпение. [В.Астафьев] Март 1989 г. Москва» («Последний поклон. Том I», 1989 год)²¹.

В заключение следует сказать, что многие факты дружбы писателей остаются за рамками данного исследования, многое пока остается нерасшифрованным. Одно очевидно: и Астафьев, и Абрамов были значимой частью того самого «единомышленного братства» Белова, которое не только помогло писателю стать значимой фигурой своего времени, оно формировало национальное самосознание народа, культурную атмосферу страны, литературное направление «деревенская проза».

Литература

1. Абрамов, Ф. А. Деревенку зовут Тимониха / Ф.А. Абрамов // Север. – 1982. – № 10. – С. 91–95.

2. Абрамов, Ф. А. Так что же нам делать? (Из дневников, записных книжек, писем. Размышления, сомнения, предостережения, итоги) / Ф. А. Абрамов ; составление Л. В. Крутиковой-Абрамовой. – Санкт-Петербург : Журнал Нева, 1995. – 112 с.

3. Архиепископ Песоченский и Юхновский Максимилиан. Услышат ли люди Белова? / Архиепископ Песоченский и Юхновский Максимилиан // Василий Белов. Воспоминания современников / составитель А. Н. Грешневиков. – Москва : Книжный мир, 2018. – С. 12–29.

4. Астафьев, В. П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев ; составитель, предисловие Г. Сапронова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.

5. Астафьев, В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове / В. П. Астафьев // Новый мир. – 2000. – № 2. – С. 7–36.

6. Байбородин, А. «Поле брани Виктора Астафьева». – Текст : электронный / А. Байбородин // День литературы. –

2017. – Режим доступа: <https://denliteraturi.ru/article/2734> (дата обращения: 27.11.2019).

7. Белов, В. И. Воспоминания современников / В. И. Белов ; составитель А. Н. Грешневиков. – Москва : Книжный мир, 2018. – 638 с.

8. Грешневиков, А. Н. Хранитель русского лада / А. Н. Грешневиков. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 2006. – 440 с.

9. Грешневиков, А. Н. Сто сорок писем Василия Белова / А. Н. Грешневиков. – Москва : Книжный мир, 2019. – 419 с.

10. Горьшин, Г. Жребий. Рассказы о писателях / Г. Горьшин. – Ленинград : Советский писатель, 1987. – 320 с.

11. Елесин, В. Русские судьбы. Раздумья над автографами / В. Елесин // Наш современник. – 2001. – № 10. – С. 147–186.

12. Заболоцкий, А. Д. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора / А. Д. Заболоцкий. – Москва : Альпари, 1999. – 254 с.

13. Золотусский, И. П. Непривычное дело / И. П. Золотусский // Василий Белов. Воспоминания современников / составитель А. Н. Грешневиков. – Москва : Книжный мир, 2018. – С. 269.

14. Коротаев, В. В. Козырная дама: (Почти докум. повесть с эпилогом о том, как убили поэта Н. М. Рубцова) / Виктор Коротаев. – Вологда : ИЧП Крис-Кричфалуший, 1991. – 303 с.

15. Корюкаев, В. П. Самородок из Тимонихи : жизнь и творчество Василия Белова / В. П. Корюкаев. – Вологда, 2006. – 312 с.

16. Крупин, В. Н. Море житейское / В. Н. Крупин ; ответственный редактор О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2016. – 752 с.

17. Крутикова-Абрамова, Л. Дом в Верколе. Документальная повесть / Л. Крутикова-Абрамова. – Ленинград : Советский писатель, 1988. – 372 с.

18. Культура в Вологодской области. – URL: <http://cultinfo.ru/interview/interview-of-2019/interview-of-andrey-astafiev.php> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.

19. Кучкина, О. Странная литература: заметки критика / О. Кучкина // Правда. – 1986. – 2 ноября.

20. Личутин, В. В. Размышления о русском народе / В. В. Личутин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 576 с.

21. Носов, Е. И. Путь к истоку. (Слово о моем друге) / Е.И. Носов // Белов В. И. Бобришный угор. – Москва : Детская литература, 1988. – С. 5–14.

22. Петров, А. В. «Ощущение полного духовного родства»: Василий Белов и Фёдор Абрамов / А. В. Петров // Беловский сборник. Вып. 4. / Союз писателей России ; Администрация г. Вологды ; Вологодский государственный университет. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. – С. 22–27.

23. Письма В. П. Астафьева к В. И. Белову 1965–1967, 1986 гг. из фондов отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

24. Распутин, В. Г. Его сотворенное поле. О Фёдоре Абрамове / В. Г. Распутин // Распутин Валентин Григорьевич. У нас остается Россия. – Москва, 2015. – С. 137.

25. Слово Астафьева. Встречи, которых ждут. [Текст первого интервью В.П. Астафьева на областном ТВ в 1970 г.] // Литературный маяк: газета. – 2019. – № 5 (255). – С. 9–10.

26. Сазонов, Г. А. Сияние слова Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания / Сазонов Г. А. – Вологда : Интеллинформ, 2019. – 367 с.

27. Столетова, А. С. Взаимоотношения писателей и местной власти в Архангельской и Вологодских областях в 1950–1960-х гг. / А. С. Столетова // Вопросы территориального развития. – 2014. – Вып. 6 (16). – С. 1–9.

28. Суров, М. В. Белов. Штрихи великой жизни / М. В. Суров. – Вологда, 2007. – 742 с.

²¹ Соответственно фондовые номера: КБИАХМЗ МКБ КП-615, КП-588, КП-1393, КП-2768, КП-591, КП-602, КП-2844, КП-2810, КП-2279.

E.L. Trikoz, O.N. Anfimova, L.L. Efremova

OUTSTANDING PEOPLE'S FRIENDSHIP: VASILY BELOV, FYODOR ABRAMOV, VICTOR ASTAFIEV

The article tells about the friendship between Vasily Belov, Fyodor Abramov and Victor Astafiev, outstanding Russian writers, representatives of village prose. The article is based on their letters, memoirs, archival documents, and the papers of the Belov Apartment Museum. Some of the documents are introduced for the first time.

Vasily Belov, Victor Astafiev, Fyodor Abramov, archive, literature museum, the Belov Apartment Museum, Russian writer, village prose, archival document, museum collection.

С.А. Гладких
Котласский краеведческий музей

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ДЗЯДЫ»)

Статья посвящена анализу этнических образов и стереотипов в поэзии Адама Мицкевича. Рассмотрены представленные поэтом характеристики польского и русского народов, выявлены социальные, политические и культурные истоки художественного отражения этнических стереотипов. Сформулированы выводы о существенном вкладе творчества Адама Мицкевича в формирование польского этнического самосознания.

Адам Мицкевич, поэма «Дзяды», этнические стереотипы.

Межэтнические противоречия – одна из наиболее острых проблем современности. Экономические, социальные, политические и культурные корни этих противоречий уходят в далекое прошлое, и один из ведущих аспектов складывания конфликтных отношений между народами – этническое самосознание. Конечно, формирование комплекса устоявшихся представлений о собственном и иных народах – длительный процесс, и здесь немаловажную роль играет национальная литература. Она фиксирует наиболее характерные этнические черты и дает обобщенный образ, некую типизацию национального облика. Поэтому изучение классической литературы, особенно периода становления нации, предоставляет богатейший материал для изучения этнического самосознания. Раскрыв заложенные в литературе этнические стереотипы, мы можем с достаточной степенью уверенности экстраполировать их на современное положение дел в сфере межэтнических отношений и даже выработать определенные рекомендации по использованию этого культурного феномена в приложении к межгосударственным, внешнеполитическим связям. Игнорирование же выработанного веками национального самосознания, как показывает, в частности, кровавый опыт распада Югославии, напрямую ведет к последствиям, грозящим самому существованию этноса.

Неоспоримо и научно-историческое значение исследования этнического самосознания. Историко-литературоведческий анализ позволяет выявить считавшиеся до недавнего времени «третьестепенными» причины межэтнических противоречий прошлого. И здесь одним из наиболее интересных и недостаточных изученных моментов являются русско-польские отношения XIX века, которые представляют собой классический образец взаимного формирования этнических стереотипов в условиях конфликтного сосуществования, обусловленного насильственным включением Польши в состав Российской империи. Безусловно, этот процесс не мог не найти отражения в русской и польской литературах того времени и наиболее ярко проявился в творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича, многие произведения ко-

торого не только аккумулировали национальные идеи, но и тиражировали их в массовом сознании формирующейся польской нации. Особенно характерна в этом плане поэма А. Мицкевича «Дзяды» [2, с. 211–437], которая и стала объектом данного исследования.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу поэмы, необходимо указать на сложность изучения вопроса, обусловленную отсутствием единой терминологии. Ключевые понятия исследования – «этническое самосознание», «этнический образ», «этнический стереотип» – являются производными от основополагающего термина «этнос», не имеющего четкой дефиниции. Свою негативную роль сыграла здесь разница в методологическом подходе, ибо этнические процессы изучаются многими науками, имеющими свою специфику: этнографией (этнологией), социологией, политологией, культурологией, географией, историей... Однако большинство специалистов сходятся во мнении, что центральным этноформирующим фактором является противопоставление «мы – они». Поэтому в данной работе этническое самосознание рассматривается именно как осознание принадлежности к определенной этнической группе, базирующееся на бинарной оппозиции «мы – они», «свои – чужие». Под этническим образом понимается целостное представление этнической группы о себе или других этносах, под этническим стереотипом – устойчивое, схематичное и эмоционально окрашенное мнение о характерных чертах своего или иного этноса. Не менее дискуссионный термин «нация» трактуется с позиций этатистского подхода, подразумевающего территориально-политическое оформление этноса и расценивающего нацию как этап в развитии этноса.

Исследуя этническое самосознание польского общества сквозь призму анализа поэмы «Дзяды», надлежит рассмотреть, каким образом и в какой степени представлены в ней специфические черты польского и русского народов согласно антитезе «мы – они», проанализировать этнические образы и стереотипы польского этноса, рассмотреть взгляды автора как носителя этнического самосознания на роль и

место своего народа в истории человечества, попытаться выявить социальные, политические и культурные истоки художественного отражения этнических стереотипов.

«Дзяды» – незавершенная поэма, создававшаяся А. Мицкевичем отдельными фрагментами в разное время, что обусловило дискретность структуры произведения. Фрагментарность, жанровая разнородность, неоднократная смена поэтического ритма позволяют рассматривать отдельные главы «Дзядов» в качестве вполне самостоятельных сочинений. С точки зрения изучения этнических стереотипов наиболее интересны во многом автобиографичная 3-я часть поэмы (по месту написания иногда именуемая «дрезденскими „Дзядами“») и своеобразное приложение к ней – «Отрывок», повествующий о России. «Дзяды» – бесспорный литературный шедевр, обладающий огромной силой эмоционального воздействия, что усиливает эффект от изложенных в тексте этнических воззрений автора-поляка. Исследователю же требуется временно отрешиться от художественной стороны и подвергнуть «Дзяды» холодному научному анализу.

Третья часть «Дзядов» создается после подавления освободительного восстания 1830–1831 гг., когда перед польским обществом остро встал вопрос о перспективах его развития. Именно тогда польская эмигрантская культура фактически стала выполнять политико-идеологические функции, отчасти компенсируя в общественном сознании горькое ощущение утраты государственности. И в этот момент уже зарекомендовавший себя крупнейшим польским поэтом А. Мицкевич (1798–1855) – беспоместный шляхтич, патриот и оппозиционер, бывший член тайного «общества филломатов», друг декабристов и Пушкина, политический ссыльный и эмигрант [12, с. 5–20] – берет на себя титаническую задачу отражения и закрепления на художественной основе польского этнического самосознания. 3-я часть «Дзядов» появляется на свет в 1832 г.

В «Дзядях» ярко проявляется всесторонняя эрудиция автора, получившего блестящее гуманитарное образование в Виленском университете. Он хорошо знаком не только с польским фольклором, но и с крупнейшими произведениями мировой художественной литературы от древнейших времен до современной ему эпохи. Неоднократное появление в «Дзядях» образов нечистой силы и самого дьявола невольно влечет аналогию с «Фаустом» Гете, мистические сцены и романтический настрой отдельных фрагментов поэмы близки творчеству Байрона, рельефно-плакатная выразительность революционных строф (например, песня «Молись, доверчивый народ!» [2, с. 309–310]) заставляет предположить знакомство автора с агитационными песнями А. Бестужева и К. Рыльева [11, с. 88–93]. В тексте поэмы встречаются цитаты из Ф. Шиллера, И. Гете, П. Беранже, отсылки к произведениям Т. Тассо, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо [2, с. 241, 244, 269, 328, 384 и др.]. Несомненно влияние пушкинской лиры. Но демонстрируемые автором этнические стереотипы имеют куда более глубокие художественные корни. Их следует искать в эпохе античности.

На мысль о немалом влиянии античной литературы на творчество А. Мицкевича наталкивает, выражаясь словами Ф. Ницше, «мучительный бред величия»

[7, с. 41] польского поэта Конрада (читай: Мицкевича) во 2-й сцене 3-й части «Дзядов». Истоки этого характерного для многих крупных поэтов явления восходят к «Egegi monumentum» Горация, существующему и в вольном переложении Мицкевича [6, с. 109]. Однако гораздо более серьезное, причем завуалированное и, возможно, даже подсознательное, использование элементов античного мировосприятия содержится в «Отрывках» 3-й части, а именно – в тех фрагментах, которые характеризуют русского человека. Мицкевич оценивает русский народ как народ нецивилизованный, по сути, варварский. Но такое осмысление этнических различий появилось еще в эпоху античности. Именно античные авторы четко фиксировали физиогномические отличия, разницу в образе жизни и стилистике поведения между представителями «цивилизованного» римско-эллинистического мира и окружающего мира «варваров».

В «Отрывках» (особенно в первой части – «Дорога в Россию») Мицкевич четко указывает основные показатели этнических отличий: внешний облик (лицо, тело, одежда) и образ жизни (быт, поведение) русского народа, а также природу русской земли. При этом Мицкевичу недостаточно ограничиться упоминанием о мертвенности русской природы – для большей эмоциональной выразительности он напрямую сравнивает ее с мертвецом, покрываемым трупными пятнами [2, с. 403, 428], что чрезвычайно резко контрастирует с ярчайшими описаниями роскошной польской природы, например в его поэме «Пан Тадеуш» [4, с. 500–503].

Мицкевич, замкнувшись в оболочке польского этноцентризма, смотрит на окружающую его чужую страну и культуру не изнутри, а извне. Подобно античным авторам (Гиппократу, Псевдо-Аристотелю, Овидию), он склонен сопоставлять внешность и привычки русских людей с суровыми природными условиями, воспринимая их как некое целое. Налицо формирование отнюдь не самого симпатичного этнического образа:

И только их лица подобны доньям

Земле их – пустынной и дикой равнине [2, с. 405].

Любопытно использованное Мицкевичем сравнение русского человека со зверем [2, с. 405] – аналогия весьма распространенная и чрезвычайно древняя, исходящая из пережитков анимизма и тотемизма. Зооморфными образами насыщено творчество Гомера, часто сравнивавшего своих героев с животными по физиогномическим признакам. Призывая: *Дай, Аполлон, уста мне ста Гомеров* [2, с. 417], Мицкевич едва ли не превосходит великого эпического поэта Древней Греции, явно злоупотребляя своими слишком смелыми ассоциациями. Русские люди у него – не просто звери, но еще и медведи, кони, псы, жабы, пауки, скорпионы, мухи, саранча и, венцом всему этому биологическому разнообразию, а вернее, безобразию, – глисты [2, с. 412, 416–419, 422, 428]. Невольно вспоминается ленинская характеристика творчества Ф.М. Достоевского – гениально до омерзения [8, с. 82]. Впрочем, большинство этих сравнений дается опосредованно и применяется по отношению к частям русской армии, по вполне понятным причинам ненавистной польскому обществу XIX века. В расска-

зе же о более простом, неслужилом люде Мицкевич значительно смягчается и даже сентиментально сочувствует ему:

*Несчастный ты мужик! Слеза течет
При мысли о тебе, и сердце бьется...
Славянский, обездоленный народ!* [2, с. 428].

Но, как видим, даже здесь сочувствие к русскому народу проявляется только в форме сочувствия к славянству. Мицкевич, несмотря на свое «сомнительное» этническое происхождение (*Кровь древних витязей, мать – из земли чуждой* [2, с. 340]), остается поляком без намека на космополитизм, если не считать отождествления им Польши и Литвы. Россия для него – чужеродная страна, русские – чужие люди.

При этом звериный облик русского человека – далеко не единственный показатель его варварской природы. Мицкевич оригинально трактует Овидия, подменяя приспособление к природным условиям, выдвинутое римским поэтом в качестве главного критерия варварства, безропотным приспособлением русского народа к господствующему политическому режиму. Здесь он отчасти прав, ибо для русского крестьянства было весьма характерным восприятие власти как некоего неустрашимого природного явления, сродни бесконечному стихийному бедствию [14, с. 5]. При этом российский правящий режим, согласно Мицкевичу, отличается максимальной жестокостью, о чем ярко повествуют стихотворение «Смотр войска» и описание отношения сенатора Н.Н. Новосильцева к полякам в 3-й части «Дзядов», где он представлен природным зверем, скрытым под личиной внешней цивилизованности [2, с. 380].

Непросвещенность русского народа пугает Мицкевича именно потому, что высшие слои русского общества, обладая образованием, способны на еще большую, уточненную жестокость. Что же ждет в таком случае русский народ, если его «цивилизовать»? Сможет ли русский народ преодолеть свое варварство, когда *с запада весна придет к России?* Кто выйдет из кокона загадочной русской души – «дневная бабочка» или «ночная совка»? [2, с. 405, 416] И здесь Мицкевич, исходя из разрабатываемых им идей польского мессианизма, предлагает опыт польского народа для совершенствования народа русского. Автор «Дзядов» отчасти преодолевает античную идею природной предназначенности варваров к подчиненности и рабству, а культурных народов (в данном случае – поляков) к господству, возвращаясь к христианской идее равенства людей и народов, возобладавшей в поздней античности.

Таким образом, Мицкевич в своем творчестве фактически полностью повторяет цикл развития античного понимания этнических процессов. Жестокость без всякой мотивации, звероподобность людей, их политическая пассивность служат Мицкевичу критериями отнесения русского народа к неразвитым, нецивилизованным. Активно используя для иллюстрации этого положения смысловые заимствования из античной литературы, Мицкевич добивается более полной художественной выразительности, облегчающей читателям восприятие внедряемых этнических стереотипов.

В отличие от русских, этнический образ поляков в «Дзядях» выражен менее четко. Описанный обряд «дзядов» (языческий обряд поминовения предков) и использованный в поэме фольклор характерны больше для белорусов, нежели для поляков. Мицкевич почти ничего не пишет о жизни основной массы польского населения – крестьян, создавая образ «идеального поляка» на примере повествования об интеллигенции шляхетского происхождения. Наиболее характерной чертой этих людей является готовность к самопожертвованию во имя родины, но интересны и другие особенности их поведения. Так, весьма показательна сцена попойки, организованной заключенными польскими патриотами в стенах царской тюрьмы (1-я сцена 3-й части «Дзядов»). Другая великая поэма Мицкевича – «Пан Тадеуш» – сюжетно в значительной мере также состоит из показа череды пьяных ссор героических шляхтичей. Мицкевич не всегда замечает, что в восхвалении родины и земляков ему изменяет чувство меры, а гиперболизация принимает характер иронии: шляхтичи чихают, словно стреляют пушки; лучший кофе готовят именно в Польше; местные лягушки поют лучше, чем где-либо; и даже мух здесь больше, а самые крупные, разумеется, зовутся «шляхетскими» [4, с. 477, 482, 514, 598].

Как видим, в соответствии с «духом времени» Мицкевич в художественной форме выводит, пусть не всегда удачно, этнические образы и стереотипы, характерные для мировосприятия формирующейся польской нации. Неразрывное единство ведущих компонентов этнического самосознания – «мы» и «они», выраженное в жестком противопоставлении поляков русским в силу политической подчиненности большинству первых последним, позволяло ему создать достаточно яркие, хотя и искаженные, образы того и другого народов. Этническое самосознание в условиях территориальной раздробленности и утраты политической самостоятельности являлось сильнейшей цементирующей силой польского общества XIX века. Необходимость консервации этого ведущего духовного показателя этнической самобытности с целью самосохранения польского народа требовала четкой литературной «огранки» всех сторон этнического самосознания, выразившейся в чеканности стиля и простоте аналогий, характерных для тех моментов произведений Мицкевича, где он касается этнических процессов.

Однако, «пестуя» этническое самосознание поляков, Мицкевич вынужден был преодолевать инерцию превращавшегося в исторический анахронизм сословного мышления. Ведь даже сам поэт не в полной мере избавился от шляхетского гонора, что видно по характеристикам героев-поляков в его произведениях (особенно в «Пане Тадеуше»), а мечты о «польском Палене» [2, с. 311–312] явно выражают желание избавиться от царского гнета путем дворянского заговора, а не народного восстания. Но Мицкевич понимает тщетность разрозненных усилий в попытках изменить существующий порядок вещей. Преодолевая ярко выраженную кастовую замкнутость польского дворянства, он решает прибегнуть к использованию в национальных целях традиционной набожности поляков.

Сопоставив польский народ с Христом [2, с. 341], Мицкевич сводит на нет сословные противоречия в общем христианском равенстве перед Богом, но равенстве совершенно иного плана – равенстве богоизбранных. Принадлежность шляхты к польскому народу, их кровное единство определяется теперь не столько правом рождения, сколько уважением к родному языку и обычаям, а также христианской готовностью к самопожертвованию во имя освобождения Родины, а затем – всех, невинно страдающих от несправедливой власти. Идея польского мессианизма теряет узко религиозный смысл и приобретает значение консолидирующей национальной идеи, получая даже еретически-богоборческий оттенок в глазах вселенской католической церкви, ибо несколько «отдает» иудаизмом. Но мессианизм, цель которого в данном случае – спаять нацию, имеет и другую сторону – четкое противопоставление своего народа другим. Здесь он идентифицируется с национализмом и даже шовинизмом, а Мицкевич вступает на зыбкий путь провокатора межнациональной розни.

Русское население сливается для него в некую враждебную инертную массу «проклятых москалей» [2, с. 337], из которой сложно вычлени индивидуальность. Впрочем, Мицкевичу этого и не нужно – ведь тогда враги Польши примут человеческий облик, а для проповедуемой поэтом вооруженной борьбы, как и ведущейся им «войны пером» [13, с. 714], образ врага следует дегуманизировать. Поэтому величественный поэтический пафос Мицкевича неизбежно сводится к заурядному «бей москаля!» [4, с. 557, 571–575]. При этом польский поэт старается воспитать русофобию и в других народах, запугивая их участью Польши [2, с. 289, 421–422].

Заявляя в предисловии к 3-й части «Дзядов», что цель поэмы – правдивое отображение истории [2, с. 289], Мицкевич применяет традиционный в идеологической борьбе прием «полуправды», то есть искажения истины путем сокрытия части информации. Наиболее характерно это в отношении показа судьбы поляков, высланных в Россию. 3-я часть «Дзядов» посвящена автором памяти умерших (важно отметить: именно умерших, а не погибших) в России членов тайных польских студенческих кружков Я. Соболевского, Ц. Дашкевича и Ф. Кулаковского. Однако не менее интересна судьба других упомянутых в «Дзядях» «мучеников народного дела» – Ю. Ковалевского, ставшего ректором Казанского университета, и Я. Янковского, работавшего полицейским чиновником (!) в Вологде [2, с. 285, 307, 309, 717]. Об этих карьерных достижениях своих соратников Мицкевич умалчивает. Впрочем, не гнушается польский поэт и прямым искажением исторических фактов, как, например, в стихотворении «Редут Ордона» [5, с. 105–108, 705].

В своей более ранней и не менее знаменитой поэме «Конрад Валленрод» Мицкевич открыто встает на позиции макиавеллизма, помещая в качестве эпиграфа фразу из «Государя» Н. Макиавелли о том, что в политической борьбе «надо... быть лисицей и львом». Характерно, что единственной строкой, исключенной русским цензором при подготовке этой поэмы к изданию, стала: *у рабов лишь одно есть*

оружье – измена [3, с. 183, 710]. Мицкевич, по сути, предлагает польскому народу далеко не христианскую систему ценностей, согласно которой нравственным является все, что служит делу национального освобождения.

Центральным объектом нападок Мицкевича становится узурпировавшее польский трон российское самодержавие. Ненависть к нему распространяется на весь государственный механизм Российской империи, на его представителей как в Польше, так и в самой России, то есть на верхушку чиновного аппарата; и в меньшей степени – на дворянскую знать и русское население, не желающих самостоятельно скинуть с себя ярмо антинародной власти. «Отрывки» 3-й части «Дзядов» зачастую представляют собой злобный пасквиль на российскую действительность того времени. Конечно, Мицкевич далеко не одинок в своем негативном отношении к «жандарму Европы». Достаточно вспомнить записки маркиза де Кюстина [1, с. 421–660] – чем не Мицкевич в прозе? Однако у польского поэта другие цели. Чем рельефнее он демонстрирует образ «они», то есть русских, чем активнее он создает «комплекс врага», тем отчетливее на этом фоне выступает образ страдающего, но гордого польского народа с его божественной миссией спасения человечества от тирании.

Путем исключения негативных черт из этнического образа польского народа за счет приписывания их в первую очередь русскому (хотя Мицкевич подчас нелестно отзываясь о немцах, австрийцах или французах, они по причинам политического порядка остаются на втором плане) автор «Дзядов» формирует этническое самосознание не простым противопоставлением «мы – они», а более эффективным и эффективным, легко воспринимаемым различием «хорошие – плохие», «добрые – злые». Однако в разряд «нехороших» попадает родственник, славянский народ. Мицкевич оказывается в затруднительной ситуации, из которой, однако, выпутывается виртуозно.

При описании русского народа поэт отмечает, что в недрах его таится великая сила, которую можно использовать как во благо, так и во зло [2, с. 405]. Не уничтожит, не сметет ли эта сила с лица земли Польшу и ее народ? Равная потенция созидательного и разрушительного начал русской нации вынуждает искать пути, позволяющие направить ее мощь в позитивном направлении, но, пока существует самодержавие, – будет господствовать обратная тенденция. И чтобы переломить ее, Мицкевич отделяет российскую правящую верхушку от русского народа, показывая ее исключительно в черном цвете [2, с. 383, 412, 420]. Подчеркивая непреодолимость сословной пропасти между сановником и мужиком, он убежденно проводит линию кардинального противопоставления интересов знати и простого люда. У русских должна быть иная власть, иная национальная идея. И эту идею по принципу «нет пророка в своем Отечестве» Мицкевич предлагает заимствовать у поляков – народа, искупающего грех тирании своими страданиями во благо всеобщей свободы. Польский народ оказывается ближе русскому, чем правящая элита. Русские, как братья-славяне, должны идти вслед за польской нацией. Этим они искупают теперь уже свой грех перед по-

ляками – грех безропотного подчинения самодержавной власти, выраженный всеобщим послушанием и армейской дисциплиной.

Трудно представить более изощренное поэтическое издевательство, чем то, которому Мицкевич подвергает в «Отрывках» («Смотр войска») русскую армию. Причины этого злопыхательства очевидны: армия олицетворяет собой царский строй, она – важнейшая опора режима, она – исполнительница бесчеловечных решений, она, наконец, – оккупант Польши. Но ведь солдатами в ней служат простые русские люди, не запятанные чертами вырождения власть предержащих. И тогда Мицкевич по прежней аналогии отрывает армию от народа, лишает ее национального начала, отождествляет с самодержавием и механически переносит на нее всю свою ненависть. Армия выступает грандиозным символом России, где каждый человек предстает начисто лишенным личных качеств инструментом царской власти – той силы, которая противостоит Польше. Это ярчайшее изображение врага – бездушного, жестокого, страшного, подобно образу татар в древнерусской литературе или образу фашистов в советской поэзии. Но в 3-й части «Дзядов» Мицкевич находит чрезвычайно сильный образ, не позволяющий окончательно низвергнуть польский патриотизм в трясину национальной ненависти. Этот образ – Лонгин, солдат Пилата, распнувший Христа, но уверовавший и прощенный Богом [2, с. 341, 719]. Это – русский солдат и его будущее в понимании Мицкевича.

Согласно идеям Адама Мицкевича, оправданием русскому народу, закосневшему в варварстве подчинения угрожающей всему миру тирании самодержавия, служат два качества, сближающие его с польским народом: одинаковая панэтническая и конфессиональная принадлежность. Только на основе славянского и христианского единства, опираясь на тяжкий опыт польского народа, Россия может обрести свободу, провозвестниками которой выступают два великих поэта – Мицкевич и Пушкин [2, с. 414]. И обрести ее можно, совместно выступив против одинаково враждебного обоим народам самодержавия – исчадия ада и порождения антихриста (*Петербург построил сатана* [2, с. 410]), утратившего национальные черты и не имеющего никакого морального оправдания своему существованию. Русского царя Мицкевич напрямую ассоциирует с Иродом и косвенно – с дьяволом [2, с. 322–323, 330, 337, 340]. Поэт ставит царскую власть вне славянского и христианского мира. Она несправедлива – и она должна пасть. Польша восстала первой. Очередь – за Россией.

Так, указывая путь спасения русскому народу по примеру польского, Мицкевич создает своего рода «кодекс чести» угнетенной нации. Этническое самосознание переходит в осознание морального превосходства, дающего обоснование борьбы за свободу как национальную независимость (*под скипетром царя свобода невозможна* [2, с. 295]), причем борьбы любыми средствами. Тем самым оно становится исходным пунктом национального освобождения. В жестких условиях политической и идеологической борьбы, редко когда честной и справедливой, Мицкевич не просто отражает, но и путем столь же жесткого

противопоставления, осмысления «мы» через «они», формирует этническое самосознание польского народа, выступая воистину национальным поэтом: *Как пламенную песнь, я мой народ создам* [2, с. 319]. Однако тем самым он изначально закладывает конфликтность польского этнического самосознания в отношении русских: ведь «братьями» они смогут стать только тогда, когда вместе с поляками начнут разрушать свое собственное государство. В любом ином случае они по-прежнему останутся врагами – врагами свободы, Польши и поляков.

Творчество Мицкевича, самобытно интерпретировавшее лучшие достижения мировой классической литературы, в доступной и художественно убедительной форме выразило авто- и гетеростереотипы польского этнического сознания. Зафиксировав печатным словом самосознание народа, автор «Дзядов» фактически открыл перспективу борьбы за политическую самостоятельность как закономерную ступень развития этноса и преобразования его в нацию. Процесс консолидации нации, выраженный известной формулой Э. Ренана – «общая слава в прошлом и общая воля в настоящем», не мог осуществиться без влияния национальной литературы и самой эмоциональной ее части – поэзии. Осознание исключительности польского народа, накрепко «вбитое» трудами Мицкевича в головы поляков, знаменовало окончательное оформление этнического самосознания и переросло в требование национальной независимости, подразумевавшее вооруженную борьбу с Российской империей. Отсюда – огромная идеологическая и политическая значимость творчества польского поэта, немедленно отмеченная «рогатками» русской цензуры.

Ныне для поляков Мицкевич является тем же, что и Пушкин для русских – величайшим национальным поэтом. Однако даже так называемая «антипольская трилогия» Пушкина («Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина») не содержит оскорблений в адрес польского народа (разве что за исключением эпитета «кичливый лях»), а русско-польский конфликт представлен в ней как «семейная вражда» [10, с. 155]. Вспоминается также фраза из «Бориса Годунова», сказанная о польских интервентах и во многом совпадающая с описанием из «Пана Тадеуша»: «поляки лишь хвастают да пьют» [9, с. 270]. Конечно, Пушкин тоже не был свободен от этнических стереотипов. Но у него нет никаких призывов к национальной розни. А в значительной мере русофобское творчество Мицкевича со школы внедряется в сознание юных поляков, становясь одной из духовных первооснов их этнического самосознания независимо от радикального отличия конкретно-исторических условий наших дней и эпохи создания «Дзядов». Поляк по-прежнему ощущает себя поляком на основе противопоставления русскому. Поэтому, с учетом тяжелой истории взаимоотношений двух народов и при доньне культивируемом в польском самосознании негативном отношении к русским, строить радужные представления о светлом будущем русско-польских отношений, по крайней мере в обозримой перспективе, представляется явно преждевременным.

Литература

1. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году / А. де Кюстин // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Ленинград : Лениздат, 1991.
2. Мицкевич, А. Дяды / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
3. Мицкевич, А. Конрад Валленрод / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
4. Мицкевич, А. Пан Тадеуш / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
5. Мицкевич, А. Редут Ордона / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
6. Мицкевич, А. Eхegi munimentum aere perennius... / А. Мицкевич // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
7. Ницше, Ф. Злая мудрость / Ф. Ницше. – Москва : Триада–Файн, 1993. – 240 с.
8. Пирумова, Н. [М.] Разрушитель / Н. М. Пирумова // Родина. – 1990. – № 2. – С. 79–83.
9. Пушкин, А. С. Борис Годунов / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести. – Москва : Художественная литература, 1977. – 195 с.
10. Пушкин, А. С. Клеветникам России / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Избранные произведения. – Москва : Художественная литература, 1968. – Т. 1.
11. Русские поэты: Антология русской поэзии в шести томах. – Москва : Детская литература, 1991. – Т. 2. – 734 с.
12. Стахеев, Б.[Ф.] Адам Мицкевич / Б.Ф. Стахеев // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968. – 742 с.
13. Стахеев, Б.[Ф.] Примечания / Б.Ф. Стахеев // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва: Художественная литература, 1968.
14. Трошина, Т. И. Население и власть на Севере России / Т.И. Трошина // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 3–14.

S.A. Gladkikh

ETHNIC STEREOTYPES IN ADAM MICKIEWICZ'S WORKS (ON THE EXAMPLE OF THE POEM «DZIADY»)

The article analyses ethnic images and stereotypes in Adam Mickiewicz's poetry. It represents the characteristics of the Polish and Russian people the poet revealed, suggests the social, political and cultural origins of ethnic stereotypes in art. Sergey Gladkikh highlights Adam Mickiewicz's considerable contribution to the Polish ethnic identity formation.

Adam Mickiewicz, poem «Dziady», ethnic stereotypes.

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

ПРОДУКТИВНАЯ КАТАХРЕЗА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ АННЫ ПРИСМАНОВОЙ

Анализ русской и французской прозы русской эмигрантки, принципиально двуязычного прозаика Анны Присмановой показывает, что эта проза оказывается одновременно декоративной и экзистенциально насыщенной. Экзистенциальная проблематика требует установления границ социолоктов и языков, что и происходит благодаря присутствию галлицизмов в русской прозе и русизмов как экзотизмов во французской прозе. Доказывается, что эти иноязычные кальки – не недостаток письма, а продуктивная особенность, основанная на использовании синекдохи как способа передавать движение в пейзаже. Наложение двух синекдох создает продуктивную катахрезу, не свойственную ни русскому, ни французскому языкам, но реализующую основное содержание ее прозы: парадоксальное соединение мира живых и мира усопших.

Билингвизм, риторика, катахреза, декоративная проза, символистская проза, экзистенциализм, Присманова, русско-французские культурные связи.

Анна Присманова (1892–1960) как поэт раскрыла потенциал собственной поэтики в русском языке, но прозу создавала сразу на двух языках, в близкой поэтике лирической зарисовки. Наследие Присмановой как оригинального поэта хорошо изучено, в частности, благодаря публикациям не только ее собрания сочинений [11], но и собрания сочинений ее мужа и соратника А.С. Гингера [3] с необходимыми мемуарными указаниями и комментариями. Французские кладбищенские рассказы «Петухи» и «Цветы и венки» публиковались в 1940-е годы в журнале *Cahiers du Sud* («Южные тетради»), тогда как единственный ее крупный образчик русской художественной прозы, «О городе и огороде», вышел в журнале «Мосты» в 1966 году. Это рассказ о героине, пережившей смерть матери, со множеством лирических вставок и созданием типичной для французской прозы риторической метапоэзии по отношению к произошедшему. Тексты этих публикаций были воспроизведены в критическом издании [11, с. 191–205], по которому мы далее их и цитируем. Хотя языки различны, у всех трех рассказов есть немало общих черт на разном уровне, прежде всего, их можно считать метапрозой: в них исследуется, при каких условиях вообще писатель может рассказывать о жизни и смерти, хотя набор средств всякий раз различен, равно как и указания на отдельные практики письма. В этих рассказах есть несомненные черты метапрозы, авторского вторжения в повествование [5; 6], при этом в русской прозе это прямое указание на то, что должен сделать и счесть автор и как дальше вести свою повесть, тогда как во французской – это очень строго выдержанная стилизация, сказочно-символистского и одновременно иронико-скептического повествования, по стилю близкого к прозе Андре Жида. Именно А. Жид в метапрозе превращает автора в инстанцию, переводящую символическое напряжение образов в экзистенциальный горестный сюжет.

Поэтика этих рассказов очень близка: это лирические реплики, с повышенной метафоричностью, которая связывает естественное и искусственное и тем самым лучше позволяет пережить боль смерти и утраты. Поэтому независимо от языка описание имеет приоритет над развертыванием сюжета (что именно произошло – легко объясняется в немногих словах), широко используются намеки на состояние чувств, картографируются города и кладбища, раскрывается прежде всего профессиональная деятельность героев как основание для ее дальнейшей символизации. В целом это соответствует общему правилу происхождения франкоязычной русской прозы из салонных обычаев, требовавших разнообразия жанров и утилитарного использования языка для внелитературных социокультурных целей [4], с тем различием, что социальная рамка салона перестала быть актуальной. При этом забота о стиле оказалась уже не просто стимулом сочинительства, но способом разнообразить повествование, вводя не вполне обязательные, но стилистически уместные образы. Рассказы эти можно считать опытами медитации, подготовки к смерти, и почти сюрреалистичная метафоричность вместе с условно-идиллическим описанием жизни французской провинции и рядом же весьма гротескным изображением кладбища как быта мертвых только способствуют тому, что эти медитации могут состояться на любом языке. Это соответствует как общепринятой характеристике лирического проекта Присмановой как экзистенциального [8, с. 11], так и новейшим выводам о провинциальном тексте как необходимой составляющей сверхтекста, трактующего экзистенциальные перспективы самой литературы [10; 14]. Современные исследования поэтики Присмановой как лирика [12; 13] показывают, что экзистенциальная озабоченность автора, поиск слов для изображения несчастья, а не какая-то заранее принятая поэтическая стратегия, определяла соединение раз-

народной образности. В таком случае выбор языка – это необходимая имитация для того, чтобы новые формы поэтики, с необычным, часто сюрреалистическим сочетанием частей, были восприняты читателями.

Обычно считается, что двуязычие прозаика приводит к повышенному вниманию к чужому, к склонности к языковой игре, и часто в качестве примера приводят языковые игры в англоязычной прозе Набокова [7], от каламбуров до намеренных анахронизмов и стилистических сюрпризов. Тексты Присмановой по своему небольшому объему и сходству поэтики позволяют прийти к другим выводам. Выясняется, что, с одной стороны, русская проза включает в себе немало галлицизмов на разных уровнях, которые поначалу кажутся просто принадлежностью модернистского стиля, но потом раскрываются при внимательном чтении как конструктивные, а не стилистические элементы. С другой стороны, французская проза, конечно, не включает в себе сколь-либо значительного числа русизмов (то, что мы можем счесть русизмами, французский читатель никогда ими не сочтет), но скорее некоторые катахрезы, непривычные для французского языка, но усиливающие позицию этой метапрозы.

В целом в прозаическом творчестве Присмановой наблюдается эффект проверки и пересборки ресурсов каждого языка, выясняющий, в какой мере повествование может быть построено как описание, либо же переживание разрывов в бытии, вызванных смертью, требует своих синекдох и катахрез. Гладкая речь, заботящаяся только о себе, казалась бы фальшивой и кощунственной. Проза Присмановой хорошо иллюстрирует принцип перевода, который Рикёр назвал «конструирование сравнимого» [15] и который специально исследовался на материале перевода «сказа» [3], иначе говоря, не менее интенсивно организованной речи, чем сюрреалистически-символистская лирическая проза Присмановой. В контексте работы с непереводаемостью [1] эффекты сказа и эффекты лирической прозы равно оказываются поэтикой стилизации, которая как бы отказывается от самой себя и готова сконструировать поэтому себя в другом языке, преодолев то, что прежде казалось непереводаемым. Практически такая работа была осуществлена в переводах Платона и Аристотеля [9], где важным был отказ от буквализма в пользу приобретения великими философами интонации в русском языке.

Русская проза «О городе и огороде» [11, с. 191–194] уже в названии подразумевает французский речевой и интонационный субстрат, потому что «огород» явно калькирует французское *jardin*, сад или огород, тем самым превращаясь в синекдоху. При внимательном чтении этой прозы мы убеждаемся, что синекдоха оказывается и главным выразительным приемом, раскладывающим впечатление на составные части, как в кубистском натюрморте или пейзаже, вроде «двигались трубы океанских пароходов»: здесь важно не просто то, что труба обозначает целый пароход, но что видимое движение передает невидимое, создавая определенный режим восприятия пейзажа.

Иногда синекдоха оказывается переусложненной, близкой к катахрезу, вроде «еще зимний, но уже ве-

сенний день» – под «зимним» и «весенним» подразумевается обладающий отдельными признаками зимы и весны, что в русском языке необычно, но нормально во французской прозе, где «день зимы и весны» будет означать, что зима и весна борются за этот день. Вариантом синекдохи выступают и некоторые другие фигуры, например олицетворение, как «ленивое солнце», иначе говоря, одновременно медленное и неяркое, где эти свойства оказываются одновременно и частью статики, и частью динамики взгляда. Так очень продуманно создается впечатление смещения отдельных элементов вещей и пейзажей, получающее иногда острое семантическое развитие, например во фразе: «сухие, но уже изрядно вымокшие листья». Эта фраза тоже стоит на грани катахрезы: листья «сухие» в смысле «осенние», а «вымокшие» в смысле промокшие под дождем. Но в целом мы видим картину сильного осеннего дождя (заметим, осеннего дождя во Франции, резкого и обильного, в отличие от российских мелких затяжных дождей, где слово «уже» не уместно, мы не знаем, уже намokли листья или они намokнут потом еще сильнее), который иначе заставляет воспринимать осень.

Этот пример уже доказывает, что галлицизмы необходимы, чтобы изобразить дух жизни на юге Франции, но не как признаки местного быта или говора, но в рамках сказа или стилизации, чтобы сам этот юг Франции выглядел достаточно артистичным, как произведение искусства, существующее по своим автономным законам, отличающимся от бытовых. Чтение этого четырехстраничного рассказа показывает, что в целом сложность галлицизмов нарастает, если к началу рассказа больше распределены простые, например, лексические галлицизмы, то к концу уже синтаксис и семантика сильно деформируются по отношению к привычному русскому языку.

Лексические галлицизмы легко определимы: например, «деревенских телег», как калька *charrettes de village*, в русском языке не бывает городских телег, «постепенно» в значении «мало-помалу» (*peu à peu, petit à petit*), а не «поэтапно, последовательно» (*successivement*), «булыжный фундамент» (*fondation pavée*), «плоской струей» (*flux plat*), «сверхъестественно робок» и некоторые другие. Не с самого начала, но уже в первой трети рассказа появляются синтаксические галлицизмы словосочетаний, например: «снег падал... дождем», что сразу напоминает конструкцию из ее французской прозы [11, с. 199]. *Une neige couvée de pluie tombait d'un ciel opaque* (снег, перебиваемый дождем, падал с мутного неба), «стекла окон», «в глине дорожек» и т.д. Иногда они имеют в виду именно устное бытовое употребление, а не школьные уроки французского, скажем: «Однорукие сосны кладут на берег лапчатые тени», с пониманием *mettre* не исходя из этимологии «бросать», а исходя из современного употребления этого французского слова «класть». Во всех этих примерах замечается то же самое разложение движения на части, своего рода призматическая оптика, оказывающаяся необходимой при воспроизведении дождливых пейзажей, когда как бы теряются границы вещей и кажутся движущимися и нелепо себя назвавшими неподвижные вещи. Иногда даже встречается соединение двух не вполне со-

единимых галлицизмов, вроде: «отдавая дань своим дурным наклонностям», оба выражения вполне французские, но их сочетание непривычно.

В конце концов, прием синекдохи («идти в ногу» как «идти рядом» или «розовое» в значении «детское») начинает употребляться как средство материализации метафор, которое сначала вводится как прием выразительности, например, когда метафорическое «розовое детство» появляется среди упоминания других цветов уже как окраски или когда «идти в ногу» приходится учительнице музыки, а «гармончатые ставни» с грохотом опускаются на музыкальных лавках: музыкальный ритм становится единственным материальным сопровождением звукового и даже событийного движения в рассказе. Нематериальное вдруг оказывается материальным, а переживаемое смутное или трагическое чувство тогда получает свою символическую поддержку, понятную не только по разным границам языков, но и по разным сторонам границы жизни и смерти.

Сама логика описаний подводит нас к концу рассказа к пониманию, что этот прием внушает мысль о проницаемости мира живых и мира усопших, и катахреза двух синекдох оказывается образом слияния душ и при жизни, и после смерти: скажем, метафора «из двух неживых, спаянных в вечном пожатии человеческих рук» в описании кольца оставляет в недоумении – спаянных как металл или как руки в пожатии? Но эта двусмысленность, видеть ли здесь «спайку рук» в мире вечно живых душ или «спайку металла» на памятнике, и сблизает русскую прозу Присмановой с французской, где кладбищенские материальные образы как синекдоха мира усопших оказываются сплетены с космическими, природными или социальными образами мира живых.

Во французской прозе Присмановой поэтика синекдохи тоже начинается с некоторых лексических смещений, но уже для описания не отдельных предметов, но ситуаций, скажем *brillant* всегда означает яркий, а не блестящий. Важны не характеристики предмета, а место его в общей картине, и предмет начинает означать яркую точку всей картины, а не вещь, обладающую какими-то своими неизвестными свойствами. В тексте присутствует несколько странных галлицизмов, вроде *l'air de presser* – в необычном значении давящая атмосфера, атмосфера гроба, хотя скорее это могли бы перевести как «зазор нажатия», но, возможно, щель гроба и имелась в виду. Вообще во французской прозе Присманова гораздо свободнее пользуется ресурсами разных языков, к примеру, обыгрывает значение имен Виолетта (фиалка, фиолетовая) и Ипполит (распрягающий коней), хотя для этого достаточно общекультурных знаний, например о «лошадиных» именах, и не обязательно изучение латыни и древнегреческого.

Катахреза во французской прозе становится несколько другой, а именно соединением исторической идиомы и языковой идиомы, например «Немало женщин вяжет до самого смертного одра» (*Elles sont nombreuses les femmes qui tricotent tout le long du trajet*), когда мизогинистическая поговорка, что женщинам положено только вязать, материализуется как часть необходимого экзистенциального переживания

и сама бытовая жизнь делается синекдохой всей жизни как экзистенциально переживаемой в широком смысле. В русской прозе «кидал камушек в ее огород» также было материализованной идиомой, но до катахрезы разных социолектов это не доходило, хотя экзистенциальная тревога здесь вполне чувствовалась. Близким этому оказывается употребление уточнений, показывающих уже не границы социолекта, а границы французского языка вообще в описании окружающей действительности, так, лошадь названа *une simple bête de somme* – простое грузовое животное (т.е. ломовая лошадь, здесь слово «простой» заменяет невозможный в русском языке неопределенный артикль, как мы говорим «простой случай» в значении «некий случай»), поэтому слово «просто», «простой» означает «один из», «как все». А по по-французски ломовая лошадь может быть «просто» лошастью либо в банальном смысле «лошадь вообще», либо в специализирующем смысле «простая, а не изысканная», но такая спецификация – излишество по отношению к понятию ломовой лошади.

Другой пример такой катахрезы мы находим как раз в рассказе о кладбищенских петухах [11, с. 195–198]. Петух на шпилье «имел в своем распоряжении скопище блестящих зерен» (*avait à sa disposition une multitude de graines brillantes*) – слово *multitude* в прозаическом французском употреблении означает не любое множество, как в русском языке или как в международном жаргоне математиков, а скопление, кучу. Поэтому обычным будет употребить это слово, говоря о зернах, как и уместным терминологически, говоря о скоплении звезд в галактике, но вообще о звездах на небе так сказать нельзя. При этом опять мы замечаем сложную синекдоху, звезды в значении ночи и петуха как стража рассвета, превращенного в звездочета, но сказать, вскрывает ли эта синекдоха границы профессионального жаргона математиков или астрономов или вообще французского языка, – трудно, все зависит от того, как мы понимаем соотношение жаргона и языка.

Также лунный свет назван светом «жидкой прозрачности» (*lumière d'une transparence liquide*). Это изысканное выражение встречается во французской прозе, в частности у Пруста, для обозначения тонированного прозрачного фона. Присманова явно имеет в виду метафору «люющего света» луны и совершает сложное метафорическое движение от люющей струи к жидкости, а от жидкости – к прозрачности, получается сложная метафора описания и живописания, с катахрезой (свет может литься, но жидкостью он быть не может), при этом вполне передающая ночь как время движения, а значит время, доказывающее, что живы души умерших. Сходная катахреза, подтверждающая, что движение может быть не просто на оживающей картине, но на картине, оживляющей эпоху, мы встречаем в стихотворении «Гобелен» (1936) [11, с. 10].

Сметану дочь несет соседу –
на гобелене все добры!

И льется шерсть вина к обеду
из доброй кружки той поры.

В кладбищенской прозе «Цветы и венки» [11, с. 199–206] мы встречаем как описание кладбища, уже

знакомое по истории петухов, так и дневник умирающей девочки. Риторика этого текста необычна: вещь часто называется сначала прямым именем (гроб), а потом эвфемизмом (эта вещь), что создает впечатление, что предметы указывают на что-то страшное, что нельзя называть, и не так страшен гроб как символ, как экзистенциальное страдание. Такие эвфемизмы иногда оказываются непривычными для французского читателя, скажем, надгробный венок, с которым сравниваются звезды, назван не *le cercle des fleurs*, а *le rond des fleurs*, «круглое цветов». Круг (кружок, цикл), который претерпевает метаморфозы и небывалые скачки – один из главных символов поэзии Присмановой, круг-цикл ассоциируется и с путем жизни, и с небосводом, и венком в гробу, и на взаимных отражениях таких символов построена данная совершенно сюрреалистическая проза. При этом Присманова прямо говорит, что венок звезд-цветов-надгробий «лишается своей грубой материи» *la couronne était privée de sa matière grossière* – такое выражение во французском языке невероятно архаично (с соблюдением стиля надо бы перевести «венец лишен бывает от материи своей тучной»), могло быть у химиков трехсотлетней давности, не архаично только по-русски, где «лишиться материи», «избавиться от материи» может означать просто – не ощущать материальной тяжести.

Есть и другие катахрезы синекдох, допустим, когда волосы оказываются синекдохой взрослой красоты, а зеленый двор – синекдохой всей короткой жизни героини. Умирающей девочке предсказано, что она обручится ангелу в белом, и гадают, влюбится ли ей в повара или парикмахера. Парикмахер способен постареть «большой завив поднятых блестящих волос» (*un grand rouleau de cheveux brillants relevés*), кроме того, что непонятно, в каком смысле волосы блестят, неясно, завив – это инструмент парикмахера или завивка, *boucles*. Также «зеленый (точнее: зеленеющий, позеленевший) двор пересечен двумя взаимопересекающимися нитями» (*carré verdoyant traversé par deux cordes entrecroisées*). Эта фраза выглядит как калька с русского «разбитый... пересекающимися», хотя по-французски «пересекающиеся между» (*entrecroisées*) означает «пересекающиеся между собой более одного раза», как говорят сейчас, например, в специальных текстах о двуспиральной молекуле ДНК. Таким образом, получается катахреза из метафоризованных синекдох «нить жизни» и «двор рая», которые подразумеваются, но прямо не называются в таком предсмертном сказе. В обоих случаях оказывается, что подготовка к раю включает в себя мучительные извывы судеб, которые нельзя передать описанием, но возможно сказом, в котором синекдохы-кальки накладываются друг на друга.

Проведенное исследование убедило нас, что написание прозы на двух языках часто решает не литературные задачи, а экзистенциальные. Выдающийся поэт русской эмиграции, и кстати, мать главы школы гештальт-психологии во Франции, употребила модернистский способ раскладывать движение и передавать его с помощью синекдох. Двужычие оказалось здесь не только способом расширить аудиторию, но и конструктивным принципом, позволяющим автору и

читателю воспринимать такую прозу как решение важной стилистической задачи, несмотря на трагическое содержание рассказов. Впечатление от привычных пейзажных образов становится более глубоким, частью вдумчивого и задумчивого стиля, иногда нарушающего языковые привычки, словно в рассеянности.

Но смена языка приводит к появлению сложной синекдохы, по сути катахрезы, но производящей не комический, а трагический эффект, показывающей границы языкового выражения и пределы сообщения другому экзистенциальной боли. Границы языка оказываются не указаниями на стилистические достижения прозы на русском и на французском языках, но границами разных сложившихся способов непосредственного говорить о боли. Языковые сбои косвенно указывают читателю, какую метапозицию, освобождающую от катахрез опыта и разговора об опыте, ему или ей требуется занять. Итак, сложная синекдоха оказывается необходимым продолжением своеобразного «кубистического» разложения движения на части и потому не воспринимается при быстром чтении как таковая, но при внимательном анализе с учетом поэтики языковых калек делается конструктивным и продуктивным элементом, убедительно передающим идею общения живых и усопших.

Литература

1. Автономова, Н. С. Перевод и непереводаемость: европейская перспектива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2012. – № 4. – С. 6–16.
2. Арустамова, А. А. Парасемантика и непереводаемость как свойство канонических произведений / А. А. Арустамова, А. В. Марков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 14 (136). – С. 26–35.
3. Гингер, А. С. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма. В 2 томах. Том 2 / А. С. Гингер. – Москва: Directmedia, 2014. – 495 с.
4. Гречаная, Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке: XVIII – первая половина XIX века / Е. П. Гречаная. – Москва: ИМЛИ РАН, 2010. – 382 с.
5. Зусева, В. Б. Инвариантная структура и типология метаромана / В. Б. Зусева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2007. – № 7. – С. 35–44.
6. Зусева-Озкан, В. Б. Роман с авторскими вторжениями: к истокам метаромана / В. Б. Зусева-Озкан // Новый филологический вестник. – 2012. – № 2. – С. 54–67.
7. Каракуц-Бородина, Л. А. Транслингвизм и языковая игра (на материале произведений В. В. Набокова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 3–2. – С. 151–155.
8. Каспэ, И. М. Искусство отсутствовать / И. М. Каспэ. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 192 с.
9. Марков, А. В. Да, это Платон и Аристотель / А. В. Марков // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 253–273.
10. Попова, Е. А., Шурупова О. С. Московский и провинциальный свертхтексты русской литературы в произведениях современных авторов / Е. А. Попова, О. С. Шурупова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 3. – С. 41–43.

11. Присманова Анна. Собрание сочинений. – Гаага, 1990. – 256 с.

12. Осипова, Н. О. Семантика болезни в поэзии русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – №. 7. – С. 70–74.

13. Сваровская, А. С. Формы саморефлексии в поэзии Анны Присмановой // Сюжетология и сюжетография. – 2013. – № 1. – С. 63–68.

14. Шурупова, О. С. К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7–1. – С. 225–227.

15. Ricœur, P. Un 'passage': traduire l'intraduisible / Ricœur, P // Idem. Sur la traduction. Paris: Bayard, 2004. – P. 53-69. [Русский перевод М. Бендет: Иностранная литература. – 2019. № 9. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2019/9/perehod-perevesti-neperevodimoe.html>]. – Text : Electronic.

A.V. Markov

PRODUCTIVE CATACHRESIS IN ANNA PRISMANOVA'S PROSAIC BILINGUALISM

The analysis of Russian and French prose by a Russian emigrant, bilingual writer Anna Prismanova shows that this prose turns out to be both decorative and existentially seminal. Existential issues require the establishment of the boundaries of sociolects and languages, and it happens due to the presence of Gallicisms in Russian prose and Russianisms as exoticisms in French prose. It is proved that these foreign-language stamps are not a flaw in writing, but a productive feature based on the use of synecdoche as a way to convey movement in a landscape. The imposition of two synecdoches creates a productive catachresis, not peculiar to either the Russian or French languages, but realizing the main content of its prose: a paradoxical juxtaposition of the world of the living and the world of the departed.

Bilingualism, rhetoric, catachresis, decorative prose, symbolist prose, existentialism, Anna Prismanova, Russian-French cultural relations

Е.А. Обухова
Белгородский государственный
научно-исследовательский университет

НАТУРАЛИЗМ В ИСКУССТВЕ В ПОЛЕМИКЕ В.В. НАБОКОВА С Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДОМ

В статье рассматриваются взгляды Ю.И. Айхенвальда и В.В. Набокова на натурализм в искусстве, в узком значении этого термина: «излишне откровенное воспроизведение физиологич. и сексуальных явлений» (Е.М. Пульхритудова). Выясняется конструктивное значение критического отношения Айхенвальда к откровенным сценам в романах Набокова «Машенька» и «Король, дама, валет» в полемическом диалоге писателя с критиком. Посредством метода поиска источников раскрывается айхенвальдовский генезис полемического подтекста в рассказе Набокова «Пассажир» (1927), в сцене первого диалога героев его романа «Дар» (1937–1938) Ф.К. Годунова-Чердынцева с Кончеевым, в лекциях, посвященных жизни и творчеству И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого (1940), в предисловии к английскому изданию романа «Король, дама, валет» (1968). В результате изучения полемики Набокова с Айхенвальдом, упрекавшим его за излишний натурализм, автору удается выйти на проблему личных взаимоотношений между ними. Автор приходит к выводу, что для Набокова натурализм в искусстве сопоставим с близким ему научным подходом в отношении к феномену человека как неразрывной части мира природы.

В.В. Набоков, Ю.И. Айхенвальд, натурализм, литературная критика, полемический подтекст, реминисценция, рассказ «Пассажир», роман «Дар».

Актуальность данной статьи определяется пристальным вниманием исследователей к теме «В.В. Набоков и Ю.И. Айхенвальд» [3; 4; 8]. Новизна исследования заключается в рассмотрении генезиса и эволюции темы натурализма в творчестве Набокова, тесно связанной с проблемой его личных взаимоотношений с Айхенвальдом. Целью нашей работы является исследование преломления в творчестве Набокова взглядов Айхенвальда на проблему натурализма в искусстве, которые были сформулированы в его отзывах на «Машеньку» и «Король, дама, валет». Для достижения сформулированной цели данной статьи мы намереваемся решить следующие задачи:

- выяснить взгляды Айхенвальда на проблему натурализма в искусстве на материале его отзывов на «Машеньку» и «Король, дама, валет»;
- охарактеризовать биографические и литературные взаимоотношения между Набоковым и Айхенвальдом;
- проанализировать полемику Набокова с Айхенвальдом о задачах искусства в контексте творчества писателя 1920–1960-х гг.

Проблема натурализма в искусстве была затронута Айхенвальдом в статье от 31 марта 1926 г., напечатанной в берлинском «Руле» и посвященной первому роману Набокова «Машенька». Кроме глубоко и подробно обоснованной концепции символизации предметного плана в «Машеньке», Айхенвальд открыл целый ряд тем, имеющих конструктивное значение для последующей литературно-критической набоковианы. Так, он приветствовал «внутренний лиризм» в повествовательной структуре романа, четкость и стройность его композиционного рисунка; отметил детализированность, антропоморфизацию деталей, синестезию авторского мировидения как характерные

особенности набоковского стиля; тонко объяснил символической сущностью этих деталей рождающееся у читателя ощущение некой воздушности, легкости авторского повествования, отсутствия в нем удручающей перегруженности мелкими и незначительными подробностями. Однако при этом критик упрекнул Набокова за натурализм, то есть, в данном случае, за «излишне откровенное воспроизведение физиологич. и сексуальных явлений» [7] в изображении любовных сцен: «Кажется, несколько натуралистических штрихов мог бы автор опустить без ущерба, и как ни жизненна сцена неудавшейся любви на каменной плите, читатель хотел бы в интересах своего романтизма, ее зачеркнуть» [1].

Айхенвальд имеет в виду прощальную встречу Ганина с Машенькой из 9 главы романа. При этом следует заметить, что критик никак не откликнулся на еще более откровенную сцену из 2 главы романа, когда Людмила отдается Ганину в берлинском таксомоторе. Очевидно, он упрекал Набокова именно в неуместности натурализма в изображении идеальной («романтической») любви Ганина к Машеньке, которая приводит к стилистической рассогласованности. Наоборот, на его взгляд, изображению физиологической связи героя с Людмилой вполне соответствует упомянутая сцена в таксомоторе. Неисключено, впрочем, что Айхенвальд в своем неприятии набоковского натурализма исходил также из своих эстетических и моральных предпочтений и вкусов, воспитанных внимательным чтением русской классической литературы.

В статье от 3 октября 1928 г., напечатанной в «Руле» и посвященной второму роману Набокова «Король, дама, валет», Айхенвальд писал не о «внутреннем лиризме» и символичности, но на совершенно другие темы. В частности, он отметил излишнее вни-

мание писателя к натуралистическим подробностям ради них самих, без какой-либо художественной необходимости. По Айхенвальду, этот прием чрезвычайно губительно воздействует на читательское восприятие романа: «Грешит против вкуса Сириин и тем, что обнаруживает какую-то странную склонность к ненужному упоминанию о вещах противных и отвратительных. Даже неприятно цитировать все эти строки о разного рода “скользких гадостях”, “позывах на рвоту”, образцами которых испорчены первые же, в общем превосходные страницы романа, о дурных запахах, которыми зря и нерыцарски наделены и сестра Франца, и его сослуживица; Франца, вальета, победившего сердце дамы, тошнит так часто и обстоятельно (к тому же не всегда обоснованно), что становится тошно самому читателю, – такого ли эффекта хотел небрежливый писатель?» [4, с. 39]

На этот раз Айхенвальд не ограничился беглым замечанием о чрезмерной откровенности в изображении любовных сцен, но развернуто выступил против самого принципа изображения любви в ее исключительно физиологических проявлениях, без ее духовной составляющей, который, на его взгляд, характерен для «Король, дама, вальет»: «Вполне ясно зато, с художественной выразительностью и художественным тактом изображено, какая страсть влекла даму к вальету. На этом все и построено. Только этим вальет даме и интересен, – читателям он не интересен ни в каком отношении. Но как ни серьезен фундамент физиологии, роман, построенный исключительно на нем, теряет многое в своей значительности. Значительна только любовь. Сириинские карты – дама и вальет – связаны между собою не любовью. Чувственность здесь не стала чувством, и тело в душу не претворено. А поскольку здесь души все-таки есть, они мелкие, они мелко и плавают. <...> Вот если бы дама называлась Анна Каренина, тогда мы следили бы за игрой с напряженным интересом, с биением взволнованного сердца. И если бы те новые приемы, которые так талантливо ввел теперь Сириин в нашу литературу, были применены к теме старой, к теме важной, к теме истинной любви, его роман чаровал бы не только своими частностями, вделанными в него миниатюрами, отдельными красотоми, но и всю свою совокупностью вообще» [4, с. 40].

Таким образом, Айхенвальд контаминировал мотивы зоркости и наблюдательности автора, его внимание к деталям с темой натурализма в творчестве Набокова, тем самым элиминировав в этих деталях отмеченное им в отзыве на «Машеньку» их символическое значение. В своем последнем отзыве о творчестве Набокова – вскоре критик уйдет из жизни – он призывал писателя отказаться от натурализма в изображении любви, обратившись к высокой традиции автора «Анны Карениной». Другими словами, Айхенвальд уже не видел в творчестве Набокова признаков символизма. Он идентифицировал в нем усиливающийся натурализм, понимаемый им, очевидно, крайне узко, без философской перспективы, лежащей в основе этой художественной системы, забил тревогу и призвал писателя обратиться к ценностям здорового критического реализма второй половины XIX в., овященного именем Л.Н. Толстого.

Полемика Набокова с Айхенвальдом по поводу его замечания об излишне откровенном изображении «сцены неудавшейся любви на каменной плите» наблюдается уже в рассказе «Пассажир», опубликованном в «Руле» 6 марта 1927 г. Согласно комментарию Набокова к английскому переводу этого рассказа, который датируется 1976 г., один из его главных героев – критик – был задуман так, чтобы в нем признали портрет Айхенвальда: «“Писатель” в этой истории не автопортрет, а собирательный образ пошловатого писателя. “Критик” же является дружеским шаржем коллеги-эмигранта Юлия Айхенвальда... известного литературного критика. Читатели прежних времен узнавали его точные, изящные маленькие жесты и увлечение игрой благозвучно спаренными фразами в литературных комментариях. К концу рассказа все, кажется, уже забывают об обгоревшей спичке в рюмке – то, что сегодня я ни в коем случае не позволил бы» [6, т. 2, с. 720]. Между этим критиком и писателем в рассказе происходит диспут на тему «эстетических отношений искусства к действительности». Писатель выступает сторонником «жизненного» изображения, основанного на аристотелевском постулате «отражения жизни в искусстве», а критик, наоборот, – сторонником условного изображения, предполагающего примат искусства над жизнью. Очевидно, что Набоков вкладывает в уста критику собственные мысли об искусстве. Так, он сформулировал принцип целесообразности условности в искусстве в рецензии на роман М.А. Алданова «Пещера» (1936): «Среди них образ Брауна особенно удался автору; та сочиненность его, о которой глухо толкуют в кулуарах алдановской славы, на самом деле гораздо живее мертвой молодцеватости литературных героев, кажущихся среднему читателю списанными с натуры» [6, т. 4, с. 593].

Однако в иронической концовке рассказа, на которую обращает внимание Набоков в вышецитированном фрагменте своего предисловия к английскому переводу «Пассажира» («К концу рассказа все, кажется, уже забывают об обгоревшей спичке в рюмке – то, что сегодня я ни в коем случае не позволил бы»), на наш взгляд, содержится намек на совет Айхенвальда элиминировать откровенные подробности в описании «сцены неудавшейся любви на каменной плите». Писатель, по рассеянности бросивший обгоревшую спичку в пустую рюмку критика, в концовке рассказа пытается ее вместе со спичкой заполнить вином, а критик, вместо того чтобы обратить внимание своего феноменально невнимательного собеседника на эту злополучную спичку или самому вытащить ее из рюмки, только уговаривает своего визави больше ему не наливать [6, т. 2, с. 486]. В рассказе контаминируются мотивы «скромности» и «близорукости» критика [6, т. 2, с. 480]. Почему же критик не убрал из рюмки обгоревшую спичку? Неужели он был до такой степени близорук в физическом смысле этого слова, что не видел ее? На наш взгляд, Набоков имеет в виду невероятную деликатность критика, приводящего его к этической и эстетической близорукости. В свете нашей темы об этом можно сказать другими словами: критик был столь по-человечески деликатен, что предпочел на протяжении всей беседы и даже во вре-

мя наполнения его рюмки с обгоревшей спичкой умолчать о «некрасивой» детали и превратить свою беседу с «пошловатым» писателем-детективщиком в возвышенный «симпозион» в духе платоновско-сократических диалогов об искусстве. Критик, прототипом которого был Айхенвальд, отказавшийся от наблюдения за «некрасивыми» деталями, оказывается, по Набокову, в трагикомической ситуации, будучи обреченным пить свое вино с обгоревшей спичкой в рюмке.

В романе «Дар» полемика с Айхенвальдом о натурализме в искусстве была продолжена. Устами Ф.К. Годунова-Чердынцева Набоков указал, что принципы натуралистического, то есть откровенного, изображения встречаются уже у И.А. Гончарова в описании «романтической» любви героини романа Веры и Марка Волохова: «Или вы собираетесь поговорить о безобразной гигиене тогдашних любовных падений? Кринолин и сырая скамья?» [6, т. 4, с. 256] Правда, Фёдор Константинович так же отвергает подобный прием, как и Айхенвальд. Однако мнение его собеседника Кончеева, за которым по всей вероятности скрывается сам Набоков [2, с. 49–50], оказывается, на наш взгляд, более взвешенным. Он приводит подобный пример натуралистического изображения для придания действию комической окраски: «Тут я вас уловлю. Разве вы не читали у того же Писемского, как лакеи в передней во время бала перекидываются страшно грязным, истоптанным плюсовым женским сапогом? Ага!..» [6, т. 4, с. 256] С другой стороны, как показывает Набоков в своей лекции о жизни и творчестве Тургенева, пуританский отказ от откровенного изображения любовных сцен придает им характер неестественности, которую можно воспринимать только в ироническом свете: «Тургеневские девушки обычно резко вскакивают с постелей, облачаются в кринолины, обрызгивают лицо холодной водой и свежие, как розы, выпархивают в сад, где и происходят неизбежные встречи под сенью беседок» [5, с. 133]. Писатель называет «странным и глупым замечанием» [5, с. 149] суждение Тургенева «остальное досказывать нечего», которым тот прерывает свое повествование о начале знакомства Николая Петровича и Фенички, переросшее затем в интимную близость.

В лекции о романе «Анна Каренина» Набоков оппорил мнение Айхенвальда о том, что тема Анны Карениной посвящена изображению истинной любви в понимании Толстого. Чувства, которые испытывают друг к другу Анна и Вронский, по Набокову, имеют физиологическую природу, а значит, эгоистическую, греховную. По мнению Набокова, Толстой это подчеркивает, сопоставляя сюжетные линии Каренина – Вронский и Кити – Левин, в которой как раз ярко раскрывается истинная любовь: «тоже чувственная, но при этом исполненная гармонии, чистоты, самоотверженности, нежности, правды и семейного согласия» [5, с. 225].

Таким образом, по Набокову, понимание Айхенвальдом истинной любви ошибочно и не может служить ему как писателю образцом для изображения возвышенных чувств. С другой стороны, эту искомую Айхенвальдом «возвышенность» не только не может унизить, но, наоборот, придает ей невероятную красо-

ту весьма откровенная для своего времени сцена родов Кити, по поводу которой Набоков попутно высказал ряд важных соображений, раскрывающих его взгляды на натурализм как на художественную систему, освященную именем весьма почитаемого им Г. Флобера: «Затем начинается часть, оттеняющая красоту этого естественного явления. Кстати говоря, вся история художественной литературы в ее развитии есть исследование все более глубоких пластов жизни. Совершенно невозможно представить, что Гомер в 9 в. до н.э. или Сервантес в 17 в. н.э. описывали бы в таких невероятных подробностях рождение ребенка. Дело не в том, оправданны ли те или иные события или чувства этически или эстетически. Я хочу сказать, что художник, как и ученый, в ходе эволюции искусства или науки, все время раздвигает горизонт, углубляя открытия своего предшественника, проникая в суть явлений все более острым и блистательным взглядом, – и вот каков результат» [5, с. 242].

Таким образом, по Набокову, натурализм в искусстве и литературе не сводится к откровенному изображению «низких» явлений. Он обусловлен исторической эволюцией искусства и сопоставим с деятельностью ученых по раскрытию загадок природы.

В предисловии к английскому изданию «Король, дама, валет» (1968) Набоков поставил точку в своем давнем споре с Айхенвальдом о натурализме в искусстве, категорически отказавшись исправлять указанные там в романе фрагменты как этически и эстетически неприемлемые: «“Грубость” и “непристойность” книги, испугавшие моих самых доброжелательных критиков из эмигрантских журналов, были, разумеется, сохранены...» [2, с. 65].

Подведем общий итог наших наблюдений о полемике Набокова с Айхенвальдом на предмет натурализма в искусстве. По Набокову, следование постулату Айхенвальда об эстетической ущербности натурализма возможно только при условии добровольного интеллектуального самоограничения, «футлярности» мировосприятия. Наоборот, по его мнению, искусство призвано открывать новые горизонты в познании человеком самого себя и окружающей его действительности. В этом смысле оно аналогично науке. На наш взгляд, столь настойчивое, длящееся на протяжении всей жизни Набокова «оправдание натурализма» в искусстве связано не только с тем, что Айхенвальд сумел затронуть одну из «опорных» сторон его поэтики, без которой немислимо ее своеобразие, но и с биографическим обстоятельством: рецензия на «Король, дама, валет» была воспринята писателем как завещание друга и во многом единомышленника.

Литература

1. Айхенвальд, Ю. И. Литературные заметки / Ю. И. Айхенвальд // Руль. – 1926. – 31 марта.
2. В.В. Набоков: proetcontra / составитель Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина ; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова ; библиография М. Маликовой. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. – 976 с.
3. Долинин, А. А. Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове / А. А. Долинин. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. – 401 с.
4. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии /

под общей редакцией Н. Г. Мельникова ; составитель, подготовка текста Н. Г. Мельникова, О. А. Коростелева ; предисловие, преамбулы, комментарии, подбор иллюстраций Н. Г. Мельникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.

5. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – Москва : Независимая газета, 1999. – 440 с.

6. Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода : в 5 томах. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000–2001.

7. Пульхритудова, Е. М. Натурализм в России // Краткая литературная энциклопедия : в 9 томах. – Москва : Советская энциклопедия, 1962–1978.

8. Черкасов, В. А. Литературная критика 1920–1930-х гг. о В. В. Набокове и полемика с ней в творчестве писателя : специальность 10.01.01 «История русской литературы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Черкасов Валерий Анатольевич. – Москва, 1999. – 188 с.

E.A. Obukhova

NATURALISM IN ART AS THE SUBJECT OF VLADIMIR NABOKOV'S POLEMIC WITH YULY AYKHENVALD

The article discusses the views of Yu.I. Aykhenvald and V.V. Nabokov on naturalism in art. Studying the polemic between V. Nabokov and his critic, who accused the writer of excessive naturalism, Ekaterina Obukhova reveals the problem of personal relationships between them. The author comes to the conclusion that V. Nabokov associates naturalism in art with the scientific approach to the phenomenon of a human being as an essential part of the world of nature.

Vladimir V. Nabokov, Yuly I. Aykhenvald, naturalism, literary criticism, polemical subtext, reminiscence, the story «The Passenger», the novel «The Gift».

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КРИТИКА БЕЛИНСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ ХОДАСЕВИЧА (ОЧЕРК «ГРАФИНЯ Е.П. РОСТОПЧИНА: ЕЕ ЖИЗНЬ И ЛИРИКА»)

В данной статье рассматривается рецепция творческого наследия В.Г. Белинского, которая представлена в очерке В.Ф. Ходасевича «Графиня Е.П. Ростопчина: Ее жизнь и лирика» (1908). Статьи Белинского о Ростопчиной, написанные с установкой на рассмотрение общественной значимости ее поэзии, по Ходасевичу, весьма характерны для всей его творческой деятельности. Выступая с символистических позиций и при этом прибегая к биографическому подходу, Ходасевич развенчивал оценки Белинского как утилитарные и как некорректные в отношении «истинной» поэзии Ростопчиной, в которой наблюдается «преображение» «быта» в «бытие». По Ходасевичу, фигура Ростопчиной примыкает к пушкинской «плеяде» поэтов, а посвященные ей статьи Белинского открывают собой путь враждебной этой «плеяде» утилитарной критике 1860-х гг.

В.Ф. Ходасевич, Е.П. Ростопчина, В.Г. Белинский, биографический метод, символизм.

Рецепция литературно-критического наследия В.Г. Белинского претерпела в XX в. значительную эволюцию, обусловленную прежде всего историческими причинами, – распадом царской России, повлекшим за собой образование многочисленных эмигрантских диаспор. Возникшая в результате политической катастрофы литература русского зарубежья очень рано приобрела собственные, оригинальные черты, отличающие ее от советской литературы, в частности плюрализм эстетических взглядов на природу художественных произведений, на соотношение жизни и творчества писателя и т. д. Самое же главное, именно в литературе русского зарубежья нашли свое прочное основание традиции идеалистического по своей природе модернистского искусства, которые фактически были сведены на нет в литературе метрополии. Плюрализм сказался и в оценке эмигрантами наследия Белинского: от полного неприятия, вызванного внелитературными, идеологическими, а то и политическими соображениями (Ю.И. Айхенвальд [1], В.Н. Ильин [4]), до признания актуальности выводов и наблюдений критика в осмыслении современного литературного процесса, а также литературных фактов прошлых периодов развития русской литературы (З.Н. Гиппиус [3], В.В. Набоков [5, с. 110] и др.). В этой связи особенно следует отметить сложное и только на первый взгляд неоднозначное отношение к творчеству Белинского В.Ф. Ходасевича, на наш взгляд, одного из лучших критиков не только в литературе русского зарубежья, но и в русской литературе в целом. В нашем исследовании мы намереваемся реконструировать взгляды Ходасевича на творческое наследие знаменитого предшественника, в связи с их принципиальной значимостью как для понимания его собственной литературно-эстетической доктрины, так и для осмысления эволюции русской литературы начала XX в. в плане генезиса широко представленных в ней модернистских символистических тенденций.

Знаменательно, что с подходом Белинского в оценке литературных произведений Ходасевич полемизировал уже в самом начале своей литературно-критической деятельности, а именно в первой работе историко-биографического характера «Графиня Е.П. Ростопчина: Ее жизнь и лирика» (1908), посвященной поэтессе пушкинской эпохи [7, т. 2, с. 17–38]. Уже здесь обнаруживается сложившийся взгляд Ходасевича на характер литературно-критического дискурса Белинского, на его достоинства и недостатки. Следует заметить, что в 1934 г. Ходасевич опубликовал второй, газетный, вариант очерка, в концептуальном плане аналогичный первому, книжно-журнальному [6].

В данном очерке Ходасевич полемизировал с пространственной в его время оценкой поэзии Ростопчиной как салонной, бальной. Впервые подобное мнение было высказано Белинским в рецензии на первый сборник поэтессы, опубликованный в 1841 г., и развито им в следующей краткой, но емкой характеристике, датированной 1843 г.: *То, что в стихотворениях графини Ростопчиной может иным показаться мыслию, есть не что иное, как отвлеченные понятия, одетые в более или менее удачный стих. Это особенно заметно в ее последних стихотворениях (начиная с 1837 года по сие время), в которых нельзя узнать прежнего стиха даровитой стихотворицы и в которых все мысли и чувства кружатся, словно под музыку Штрауса, и скачут, словно под музыку модного галоп, или около я автора, или в заколдованном кругу светской жизни, не выходя в сферу общечеловеческих интересов, которые только одни могут быть живым источником истинной поэзии* [2, т. 7, с. 656]. Что подразумевал Белинский под общечеловеческими интересами, видно из сочувственного цитирования в рецензии 1841 г. тех стихотворений Ростопчиной, не лишенных «либеральной» окраски, в которых развивается романтическая тема трагической судьбы поэта с его свобододобивыми идеалами и устремлениями, а также его творчества в равнодушном обществе («Осен-

ние листья», «Последний цветок») или выраженная в дидактической форме тема «высокого назначения» [2, т. 5, с. 460] женщины-супруги и матери по контрасту с отверженной судьбой монахини («Равнодушной»).

В книжно-журнальном варианте очерка Ходасевич перенес центр тяжести своей полемики на последователей Белинского, которые, по его словам, не учли многих, чисто внешних обстоятельств, не позволивших тому дать более объективную оценку поэзии Ростопчиной, а именно: Белинский основывался в своем суждении только на первой книге стихов Ростопчиной; как современник он не мог воспользоваться биографическим подходом, единственно адекватным в случае с Ростопчиной. Однако в газетном варианте очерка Ходасевич напрямую полемизирует именно с Белинским, опуская указанные «оправдательные» аргументы. *Это отчасти верно, – пишет Ходасевич по поводу обсуждаемой оценки Белинского, – Не следует забывать, однако, что бал и салон подсказывали Ростопчиной внешние сюжеты ее стихов, а не их внутреннюю тему. Поэт жил в Ростопчиной, питаясь ее салонными, женскими, даже, если угодно, дамскими наблюдениями и переживаниями. Но он их перерабатывал в нечто гораздо более значительное и человеческое. Если бы не было женщины, не было бы и поэта. Это плохо? Не знаю, может быть... Но этому мы обязаны несколькими превосходными и своеобразными стихотворениями* [6, с. 3]. В книжно-журнальном варианте Ходасевич употребляет для определения поэзии Ростопчиной термин «преображение», предполагающий символистический принцип «двупланности» и являющийся ключевым, в его понимании, при идентификации «истинной» поэзии: *Бал, будучи для нее легкой, наименее реальной формой действительности, в то же время доставлял ей переживания наиболее действительные, ибо наиболее волнующие. Чтя в себе два существа, женщину и поэта, она в известном смысле отдавала предпочтение именно женщине: ведь поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай бытия вырос из корней быта. Женщина была несчастна в личной судьбе: поэт создавал из этого трагедию любви. Дама боялась светского осуждения: жалкое чувство. Но поэт умел преобразить* (выделено мной – В. Ч.) *его в чувство тайны. Так непрерывно растила она свое большое и главное из своего малого и случайного. Это малое предreshалось жизнью салона и бала...* [7, т. 2, с. 27]. По Ходасевичу, именно этот принцип «преобразования», предполагающий символистическую, «вертикальную», систему отсчета, оказывался вне поля зрения Белинского-критика, понимавшего под «общечеловеческими интересами» ценности нравственно-этического и социального порядка и, соответственно этому своему взгляду, оценившего тему «бала» в принципиально иной «горизонтальной» или «земной» плоскости.

В рассматриваемом очерке Ходасевич не ограничивается прямой полемикой с Белинским, но, посредством введения кода пушкинских стихотворений «Поэт» (1827) и «Поэт и толпа» (1828), сконтаминированного с кодом «донкихотовским», символизирует могущий показаться случайным некорректный отзыв рецензента по поводу публикации новой книжки стихов,

тем самым обнажая архетипичность и глубокую характерность именно данного отзыва по поводу именно данных стихов.

В изображении Ходасевича жизнетворческое поведение Ростопчиной после рокового для нее 1846 г. вписывается в романтическую парадигму противостояния поэта и общества на почве неразрешимого противоречия мировоззрений. В этой связи ходасевичская оценка поведения поэтессы в обществе как *наивного*, соответствующего *святой простоте* [7, т. 2, с. 38] ее поэзии, а не изменившимся настроениям в обществе, оказывается признаком «истинного» поэта, «истинного» поэтического мировосприятия, по убеждению Ходасевича, высказанному в программной статье «Глуповатость поэзии» (1927), *чуждого здравому смыслу* [8, т. 2, с. 388], чуждого каким-либо общественным потребностям и запросам. Сравнить: *Слишком погруженная в свои «женские» и поэтические дела, слишком часто их смешивая, она не замечала того движения, которое совершалось в русском обществе. Она была наивно уверена, что дело обстоит так: после двухлетнего отсутствия и путешествия она, тридцатилетняя красавица и всеми признанная «московская Сафо», возвращается на родину. Но она упускала из виду момент своего возвращения: ведь это был 1847 год. В ее отсутствие на многое стали смотреть по-новому. Столь же поверхностен был ее взгляд на отношения с критикой. Она полагала, что критики просто «забыли» ее, графиню Ростопчину. В действительности в самой литературе русской началось торжество новых течений. <...> Тогда она попыталась прибегнуть к наивному средству: в надежде, что все как-нибудь уладится, и не сознавая, что это невозможно, она стала вести себя в литературе как в светском салоне* [7, т. 2, с. 38]. По Ходасевичу, когда его героиня окончательно осознает невозможность избежать конфликта с обществом, она не только не отказывается от своих идеалов, внушенных ей ее Музой, но пытается их защитить, будучи заранее обреченной на поражение. Этот рыцарский жест Ростопчиной Ходасевич травестирует в «донкихотовском» коде, придав ей в качестве своеобразного Санчо Пансы М.П. Погодина и сравнив погодинский кружок с *импровизированной крепостью*, а саму героиню представив плохо разбирающейся в своих противниках, чуть ли не увидевшей корень всех зол в писательском сословии, этих, так сказать, «ветряных мельницах», работающих по принципу «откуда ветер дует». Сравнить: *Но уже вскоре тактику эту пришлось оставить и забаррикадироваться в погодинском кружке. При помощи того же Погодина ей даже удастся собрать довольно пышный салон, стоящий в стороне от современных ему течений. Отсюда, из этой импровизированной крепости, собирается она делать вылазки, защищать идеалы своей молодости «от германистов, реалистов, грязистов и всей пресмыкающейся пишущей братии», как выражается она в одном письме* [7, т. 2, с. 34]. По Ходасевичу, эта и подобные ей тактики бытового поведения поэтессы, слишком напоминающие *малодушную погруженность* пушкинского «поэта» в *заботах суетного света*, не могут, да и не должны никоим образом ее красить. Однако, по Ходасевичу, Ростопчина оста-

лась верной себе в главном – в неизменности своего поэтического мировоззрения, роднящего ее с поэтами «Пушкинской Плеяды», вопреки давлению изменившихся общественных целей и интересов. Перефразируя Пушкина, поэтесса не склонила *гордой головы к ногам народного кумира*. Поэтому Ходасевич полностью соглашается, с некоторыми оговорками, не меняющими сути дела, с автохарактеристикой Ростопчиной в письме к Погодину, которая дает ей право ставить свое имя в одном ряду с именами таких «истинных» поэтов, как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский. Сравнить: *...память несколько изменяет ей, когда она касается дружеских отношений с Пушкиным, с которым она была мало знакома, и с Карамзиным, который умер, когда ей было всего 15 лет, но совершенно намечается ее положение среди борющихся между собою партий: «Я жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина. Вот почему презираю я всю теперешнюю литературную сволочь, исключая только некоторых, подобных вам и мне, вольнопрактикующих, не принадлежащих ни к сим, ни к оным»* [7, т. 2, с. 36]. Кроме того, в качестве венца поэзии Ростопчиной в целом Ходасевич цитирует следующее четверостишие из ее стихотворения «Моим критикам» (1856), которое примыкает к традиции «Последнего поэта» Баратынского:

*Сонм братьев и друзей моих далеко.
Он опочил, окончив жизнь свою.
Не мудрено, что жрицей одинокой
У алтаря пустого я стою* [7, т. 2, с. 37].

Таким образом, отталкиваясь от романтической парадигмы конфликта поэта с обществом, признаки которой в поэзии Ростопчиной с сочувствием заметил и Белинский, Ходасевич пришел к принципиально другому выводу относительно характера идеала, стимулировавшего данный конфликт. По Ходасевичу, Ростопчина сознательно культивировала пушкинские «антисоциальные» идеалы жизни и творчества поэта, предполагающие его конечную свободу и связанное с нею одиночество, а если и питала подчас мечты о более свободном обществе, как это *проницательно* [7, т. 2, с. 296] заметил Белинский, то в конце концов рассталась с ними как с иллюзией. Суждения Белинского по поводу поэзии Ростопчиной, открывающие, по Ходасевичу, дорогу всей последующей утилитарной рус-

ской критике, оказываются вариацией идеологизированных требований пушкинской «черни» к поэту.

К наследию Белинского Ходасевич обращался неоднократно на протяжении всей своей творческой деятельности. В его критике можно найти разнообразные точки притяжения и отталкивания от этого наследия, что может составить предмет особого исследования, однако в целом его взгляд на методологический характер критики Белинского, рассмотренный нами на материале очерка о Ростопчиной, остался неизменным. По Ходасевичу, Белинский может быть «проницателен» в меру своего «человеческого, слишком человеческого» кругозора, прежде всего в вопросах *социальности* («Памяти Гоголя» (1934) [7, т. 2, с. 296]), однако, в силу своей сугубой погруженности в общественность, он фатально не способен «провидеть» за миром феноменов (*realia*) мир ноуменальный (*realioga*) («Петербургские повести Пушкина» (1915) [7, т. 2, с. 62]), не способен заметить то «преображение» быта в бытие, которое является решающим для оценки творчества «истинных» поэтов, и в том числе – Е.П. Ростопчиной.

Литература

1. Айхенвальд, Ю. И. Белинский. – Текст : электронный / Ю. И. Айхенвальд. – URL: http://dugward.ru/library/belinsky/aihenv_belinskiy.html (дата обращения: 27.11.2019).
2. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 томах. – Текст : электронный / В. Г. Белинский. – URL: <http://www.vgbelinsky.ru/texts/13/> (дата обращения: 27.11.2019).
3. Гиппиус, З. Н. Гоголь и Белинский. В «Зеленой лампе» / З. Н. Гиппиус // Возрождение. – 1929. – № 1416. – 18 апреля.
4. Ильин, В. Н. Литературоведение и критика до и после революции В. Н. Ильин // Русская литература в эмиграции. Сборник статей / под редакцией Н. П. Полторацкого. – Питтсбург, 1972. – С. 243–254.
5. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – Москва : Независимая газета, 1999. – 440 с.
6. Ходасевич, В. Ф. Ростопчина (К 75-летию со дня смерти) / В. Ф. Ходасевич // Возрождение. – 1934. – № 3138. – 4 января.
7. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4 томах / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова [и др.] ; комментарий И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова, Н. А. Богомолова [и др.]. – Москва : Согласие, 1996–1997. – Т. 4.
8. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 8 томах / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста, комментарии Дж. Малмстада, Р. Хьюза ; вступительная статья Р. Хьюза. – Москва : Русский путь, 2010.

V.A. Cherkasov

CRITICISM OF VISSARION BELINSKY IN INTERPRETATION OF VLADISLAV KHODASEVICH (ESSAY «COUNTESS E.P. ROSTOPCHINA: HER LIFE AND LYRICS»)

The article discusses the reception of the creative heritage of V.G. Belinsky, which is presented in the essay of V.F. Khodasevich «Countess E.P. Rostopchina: Her Life and Lyrics» (1908). According to V. Khodasevich, V. Belinsky's articles about E. Rostopchina, written to consider the social significance of her poetry, are very characteristic of all his creative activity. Speaking from symbolic positions and resorting to the biographical method, V. Khodasevich debunked Belinsky's assessments as utilitarian and incorrect in regard to «true» poetry by E. Rostopchina, in which the «transformation» of «life» into «being» is observed. According to V. Khodasevich, the figure of E. Rostopchina is included into Pushkin's pleiad of poets, and Belinsky's articles devoted to her lead to utilitarian criticism of the 1860s that is hostile to the pleiad.

Vladislav F. Khodasevich, Evdokiya P. Rostopchina, Vissarion G. Belinsky, biographical method, symbolism.

А.И. Крохина
ООО «Электрон», Москва

ПЕРВИЧНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА

В статье проанализированы некоторые способы ассимиляции иноязычных заимствований: образование слов с комбинированной графикой и переход слова из латиницы в кириллицу с применением принципов транскрипции и транслитерации. Особое внимание уделено проблеме варваризмов в русском языке последних десятилетий. Делается вывод о пользе, которую приносят слова с комбинированной графикой при освоении языком новых лексических единиц.

Слово с комбинированной графикой, ассимиляция неологизмов, варваризм, иноязычное заимствование, лексика интернет-маркетинга, транскрипция, транслитерация.

Одним из основных языков глобальных сетей и информационных технологий является английский, поэтому сейчас, в эпоху всеобщей компьютеризации, во многих языках, включая и русский, наблюдаются активные процессы заимствования лексических единиц из английского языка. Сфера интернет-маркетинга, основанная на базе новейших информационных технологий, а потому вместе с ними постепенно растущая, порождает большое число новых терминов: усложняясь и разветвляясь, все полнее охватывая сетевое пространство, интернет-маркетинг обзаводится собственной лексической базой на фундаменте профессиональной лексики маркетинга, юриспруденции и некоторых других смежных областей, а также сетевого жаргона и, конечно, компьютерной лексики. В мире интернет-маркетинга каждый год появляются новые технологии, требующие номинации. Кроме того, что особенно важно и составляет отдельную проблему, многие технологии прошлых лет быстро устаревают, поэтому лексическая база постоянно обновляется, медленно обтачиваемая грамматической системой русского языка. Попробуем на примере лексики интернет-маркетинга проследить некоторые принципы иноязычных заимствований в компьютерной лексике последних десятилетий.

Под первичной ассимиляцией иноязычных слов мы предлагаем понимать процессы, происходящие в русском языке при освоении таких слов, первым делом, до появления самостоятельных словообразовательных парадигм, изменений на уровне морфологии и задолго до полной ассимиляции на фонетическом уровне. В некоторых случаях все эти процессы начинаются одновременно, как только языковая единица проникает в грамматическую систему языка, однако в первую очередь нас интересует именно первичная ассимиляция, а именно: способы произнесения и записи чужеродного лексического элемента при его появлении в языке.

Иногда проходят годы, а языковую единицу продолжают передавать в ее родной графике. Особенно это актуально для различных аббревиатур и сокращений, а также слов, записываемых при участии цифр и других символов, не входящих в азбуку кириллицы [9]. При частом употреблении язык все же находит способ интегрировать инородный элемент в свою систему, даже не меняя его структуру. Одним из таких способов является образование слов с комбинированной графикой, где часть слова записывается латиницей, часть кириллицей: «слово-кентавр», по определению Л.П. Крысина, или «слово-гибрид» у Е.В. Мариновой [12, с. 107]. Некоторые современные исследователи такие слова считают особым проявлением варваризмов, повреждающих структуру языка, и вообще полагают засилье варваризмов одной из основных актуальных проблем современного русского языка [4; 3; 2]. Леонид Петрович Крысин утверждает, впрочем, что такие слова «одно из свидетельств того, что язык не консервативен: он живо реагирует на изменяющуюся реальность, и в нем появляются не только новые номинации, но и новые модели, по которым эти номинации образуются» [8, с. 578].

Рассмотрим возможности комбинированной графики на следующем примере. Часто при ассимиляции и дальнейшем словообразовании в русском языке иноязычные аббревиатуры и сокращения включаются в словообразовательную парадигму, образуя форму в сниженном стиле, разговорном, например: аббревиатура *SEO* (*Search Engine Optimization* – англ. *поисковая оптимизация*), осваиваясь в русском языке и пытаясь обозначить специалиста в указанной области, образует такую форму, как *seoшник* – транскрибированное (а значит, частично ассимилировавшее), однако обладающее выраженной стилистической окраской. Аналогичный пример с более наглядным отображением фонетического образа производящей основы: *IT* (*Information Technologies*) – *айтишник*. То же

самое происходит при попытках образования производных от сложных в произнесении русскоязычных аббревиатур (кроме акронимов): *эмгэушник* (учащийся или сотрудник МГУ), *кагэбэшник* (сотрудник КГБ), *гаишник* (работник ГАИ) и т.п. Однако комбинированная графика позволяет осуществить номинацию профессии, не снижая стиль, так мы получаем термины: *SEO-специалист*, *IT-специалист*. Подобные слова могут навсегда остаться комбинированными, но в большинстве случаев происходит переход части слова, записываемой латиницей, в кириллицу, и при попытке смоделировать подобный переход мы получаем виртуальные лексемы *SEO-специалист*, *IT-специалист* (или *айти-специалист*). Но в них сохраняется принцип словообразования, не свойственный русскому языку [9]: написание сложного слова через дефис при подчинительном типе связи между частями. Так, этот способ подходит для номинации профессий, связанных с аббревиатурами, в случаях, когда описательная расшифровка при переводе не позволяет смоделировать достаточно лаконичный термин. Без него мы имеем множество профессий, названия которых включают три слова и более: *менеджер по социальному маркетингу* (ср. *SMM-менеджер*), *сотрудник кадровой службы предприятия* (ср. *HR-менеджер* или сниженное – *кадровик*), в рассмотренных нами случаях – *специалист по поисковому продвижению*, *специалист по информационным технологиям* и др. Данная модель позволяет создавать новые лексические единицы с экономией языковых средств не только среди названий профессий (например, *CRM-система* ← *CRM (Customer Relationship Management с клиентами)* – англ. *управление взаимоотношениями с клиентами*) – также известная как *система управления взаимоотношениями с клиентом*) и не только из аббревиатур: например, *аккаунт-менеджер* ← *ассоунт-менеджер* («в рекламном агентстве – менеджер по работе с заказчиками, специалист по ведению переговоров, общению с клиентами» [17, с. 25]), *deeplink-генератор* ← *deeplink-генератор* (программа, осуществляющая создание ссылок, при переходе по которым пользователь попадает на конкретный материал сайта или приложения (в отличие от общей ссылки)), *email-оповещение* ← *e-mail-оповещение* ← *electronic mail* (англ. *электронное письмо*) *оповещение* ← *оповещение по электронной почте*. Экономия языковых средств в подобных случаях оправдана, так как значительно облегчает восприятие предложения, а также саму синтаксическую структуру предложения. Это легко проследить, попытавшись на место слова с комбинированной графикой поставить его описательный перевод: *Предусмотрена автоматизация бизнес-процессов – от загрузки прайс-листа в каталог до обработки заказов в CRM-системе* [29]. *Экономия на интернет-маркетологе и SEO-специалисте: над эффективностью сайта работает команда специалистов* [29]. *Веб-мастера – это несколько сотен тысяч интернет-пользователей и компаний по всему миру, которые зарабатывают на трафике своих проектов, групп в социальных сетях, YouTube-каналов, мессенджеров, email-рассылок и других источников трафика* [19].

Существует пласт слов с комбинированной графикой, в которых основной функцией русскоязычного элемента является интеграция слова, освоение которого грамматической системой языка затруднено, в синтаксис. Вторая часть сложного слова такого типа достаточно нейтральна по своему значению и легко может быть заменена синонимом – эта часть отвечает в основном не за номинацию, а за словоизменение, передавая первой части слова свои грамматические признаки и с точки зрения функции выступая в роли своеобразного словоизменятельного аффикса. Аналогичную функцию в русской письменной речи выполняют наращения в составе числительных, записанных цифрами: *328-й*, *1896-го*, *50-е*. Например: *CPA-сеть* (*CPA-агентство*, *CPA-платформа* и т.п.) ← *CPA* (*cost-per-action* – англ. *плата за действие*), *CPC-модель* (*CPC-принцип*, *CPC-формат*) ← *CPC* (*cost-per-click* – англ. *плата за клик, переход* (частный случай *CPA*)) и др. Употребление этих слов связано в первую очередь с потребностями синтаксиса, так что часто мы встречаем их в косвенных падежах: *Партнёрская сеть Actionpay.ru стартовала в 2010 году и на сегодняшний день является одной из ведущих CPA-сетей на российском рынке* [18]. *Мы работаем по CPC-модели, мы передаем вам покупателя, а вы работаете над ростом его лояльности* [27]. Роль второй части таких сложных слов можно проверить, просто убрав ее: *Партнёрская сеть Actionpay.ru стартовала в 2010 году и на сегодняшний день является одной из ведущих CPA на российском рынке. Мы работаем по CPC, мы передаем вам покупателя, а вы работаете над ростом его лояльности*. В первом случае непонятно, верно ли указан грамматический род анализируемого слова, обозначенный зависимыми синтаксическими единицами *одной* и *(из) ведущих*. Смысл фразы не изменился. Во втором случае у аббревиатуры нет зависимых слов, и мы видим, что структура предложения не пострадала вовсе, лексическое значение также осталось неизменным.

Об эффективности этой словообразовательной модели говорят ее продуктивность и постепенное развитие: появляются слова с комбинированной графикой, в которых вторая часть представляет собой частично освоенный англицизм. В качестве примера можно привести слово *email-ретаргетинг*, в котором происходит последовательная ассимиляция английских терминов: заимствованное слово *ретаргетинг* становится посредником при ассимиляции заимствованного слова *email* в русском языке. *Контейнер, размещённый на сайте рекламодателя, в который вы можете легко и быстро интегрировать собственные сервисы, например, баннерный или e-mail-ретаргетинг* [19]. Подобные языковые единицы не следует путать со словами, обе части которых заимствованы одновременно, либо как изначально сложное слово, части которого разделены дефисом, либо сконструированное при заимствовании из словосочетания: например, *кол-трекинг/колл-трекинг* ← *call-tracking* (англ. *call tracking* – *отслеживание звонков*). *Calltouch – это система сквозной аналитики, колл-трекинга и управления рекламой в одном интерфейсе* [Arwm.ru].

Комбинированная графика выступает, определенно, промежуточным этапом при переходе иноязычного слова из латиницы в кириллицу. Это необязательный этап, но он облегчает переход, так как иноязычной единице приходится интегрироваться не самостоятельно, а в качестве первой части сложного слова, уже получив от второй части необходимую «прививку» в виде грамматических признаков. Этот способ интеграции слов можно назвать наиболее щадящим по отношению к заимствуемой языковой единице – он практически не повреждает ее структуру. Некоторые из слов-гибридов со временем утрачивают дефис. Например, такие слова, как *wish-list* (англ. *список желаний*) → *wish-лист* → *виш-лист* → *вишлист*, *call-centre* (англ. *центр [приёма] звонков*) → *call-центр* → *колл-центр* → *кол-центр* → *коллентр*. Стоит, однако, заметить, что написание указанных слов без дефиса пока наблюдается только в ненормированной речи. Впрочем, полагаем, что утрата дефиса в этих словах не случайна, так как в таком виде слово лучше поддается дальнейшей ассимиляции в фонетическую систему языка. Так что, вероятно, слова-гибриды – промежуточный этап, используемый русской языковой системой только для облегчения принятия нового элемента, в результате успешной ассимиляции необходимость в его использовании для каждой конкретной языковой единицы отпадает, после чего слово включается в систему на правах освоенного иноязычного заимствования. Получается, они не засоряют язык, а, напротив, способствуют его очищению от неосвоенных элементов, затрудняющих коммуникацию.

Итак, при заимствовании – сразу или после обработки в составе слова с комбинированной графикой – слово переводится в графику, привычную для русского языка. Самая первая задача, которая встает перед языком при заимствовании иноязычного слова – произнесение, устное воспроизведение носителем языка-реципиента. Сейчас, в эпоху электронных каналов коммуникации, мы чаще первым видим иностранное слово, читаем, а произносим сильно позже. Однако пока слово не произнесено, отсутствует необходимость перенесения его в графику русского языка – строго говоря, оно не ассимилирует вообще. Этим объясняется ситуация, сложившаяся в компьютерной сфере (в частности), при которой с кириллицей на постоянных началах соседствует латиница. В таком режиме общаются программисты и другие специалисты, связанные с информационными технологиями, в последние годы все чаще языковые элементы, записанные латиницей, встречаются в СМИ (в первую очередь, интернет-изданиях). Конечно, это затрудняет коммуникацию между людьми. Язык стремится как можно скорее освоить непонятные термины, интегрировать их в систему отношений, которую его носителю проще воспринимать – в том числе и зрительно. Для этого слово необходимо произнести, причем для достижения этой цели могут использоваться разные подходы. Самые распространенные из них – транскрипция и транслитерация. При применении принципа транскрипции мы произносим новое слово так, как требуют правила фонетики языка-донора. Конечно, носителям разных языков необходимо потратить мно-

го времени и усилий, чтобы повторить это произношение со всеми его нюансами, поэтому обычно мы произносим нечто, максимально близкое по нашим представлениям к норме произношения иностранного слова и порой чрезвычайно далекое от этой нормы на практике, так как носитель языка-донора связан его собственными фонетическими законами. Происходит так называемая фонологическая адаптация слова [5, с. 261]. Однако здесь важен принцип. Например, можно с определенной долей уверенности утверждать, что, читая слово *email* (*e-mail*), мы произнесем его примерно так: [имэйл]. Принцип транслитерации обяжет нас произнести слово так, как если бы оно было записано в графике языка-реципиента: [иэмайл]. Записывая это слово впоследствии, мы можем выбрать тот или иной принцип, и запись будет выглядеть либо максимально близко к транскрипции – *имэйл*, либо к транслитерации – *емайл*. В качестве жаргонизмов можно встретить оба представленных варианта. Одной из больших проблем применения принципа транскрипции остается, как и века назад, выбор написания слов с *e* или *э* после твердых согласных. Между прочим, это влияет и на произношение этих слов (ср. *бассейн*, *модель*, *адепт* и др.). Особенно сложно стало в последнее время, когда начали образовываться сложные слова из двух корней, каждый из которых включает этот опасный [э] после твердой согласной. Появляются варианты *кешбэк/кэшбек/кейбек/кэйбэк*; *хэштег/хештэг/хештег/хэштэг*; *фидбэк/фидбек*, первые части сложных слов *веб-вэб-*, *флеш-баннер/флэш-баннэр* и прочие. Со словом *баннер* [14, с. 36], в принципе, все ясно, так как это достаточно старое заимствование. А вот, например, если слово *кешбэк* Екатерина Николаевна Шагалова фиксирует в двух вариантах: *кешбэк* и *кэйбэк* с обязательной *э* во втором слоге [17, с. 139], то почему-то *фидбэк* у нее же мы встречаем в вариантах *фидбэк* и *фидбек* [17, с. 333] – тот же самый *бэк* (*back* – англ. *назад*) в том же словаре внезапно предлагается писать по-другому. Интересная ситуация складывается со словом *кешбэк* с точки зрения фонетики и психолингвистики: нормативными словарями зафиксировано слово *кеш* через *e* [10], и мы привыкли произносить в нем гласный [э]. Однако в составе сложного английского слова *cashback* мы встречаем второй гласный [э] во второй части слова. В русском языке эта часть записывается через *э*, что производит сложное впечатление: мы получаем два звука в одном слове, в схожих положениях, но записанные по-разному. Возможно, именно это несоответствие порождает столько вопросов, ведь со словами *хэштэг*, *флешбэк* и с другими схожими лексемами такая же ситуация. В итоге и салоны связи, и интернет-магазины, и банки, и многие крупные сайты упорно пишут *кэйбэк*. Например: *Получайте до 30% кэшбэка за покупки в 1200 магазинах!* [27] *Кэшбек-сервис LetyShops работает с 2014 года* [23]. *Получать кэйбэк за покупки для Рунета уже не новинка – этой системой давно и успешно пользуются покупатели во многих странах* [21]. *Кэйбэк приходит мгновенно, 1 балл = 1 р.* [24]. *Если вы сделали покупку у любого Партнера из этого списка, то в течение часа вы увидите покупку и сумму кэйбэка, ожидающего начисления, в личном кабинете Программы или в*

Приложении программы в разделе «История **кэшбэка**» [25]. **Кэшбэк** начисляется на счет номера Tele2 и может быть использован для оплаты услуг связи, а также Tele2 TV [34]. До 10% **кэшбэка** в выбранных категориях начисляется по флагманским картам [28]. Вариант с написанием через *e*, рекомендуемым лингвистами, мы обнаружили при поиске на популярных сайтах (первые 50 запросов через поисковую систему Google.com по запросу *кэшбэк*) только один раз, на сайте компании Сбербанк: Программа «**Бизнес-кэшбэк**» позволяет накапливать бонусные баллы за любые покупки и переводить их в рубли [31]. С гласной в первой части сложных слов *веб-* ситуация немного легче: предлагается писать или через *e* [10; 14, с. 71; 15, с. 907], или как хочется [16, с. 176], но все-таки скорее через *e*. Впрочем, с *веб-* возникают другие проблемы: слитно или раздельно? Одни рекомендуют написание через дефис [10; 15, с. 907], другие слитное [14, с. 71], третьи просто фиксируют оба варианта [16, с. 176]. Национальный корпус русского языка фиксирует, тем не менее, только слитное написание [11]. Немало трудностей доставляет также проблема сохранения в русском языке английских двойных согласных: нужно нам это или не нужно? М.А. Кронгауз предлагал двойную согласную в слове *блогер/блоггер* (и им подобных) оставить [6, с. 57]. Эту позицию разделяют и другие лексикографы: в трех толковых словарях составители указали слово *блогер* с двумя *г* [17, с. 50; 15, с. 905; 16, с. 141] и только Л.П. Крысин отметил оба варианта – с одной *г* и с двумя [7, с. 123]. Однако в нормативных словарях слово указано с одной [14, с. 53; 10]. В Национальном корпусе русского языка мы встречаем слово *блоггер* 32 раза в 17 источниках, а *блоггер* – только 8 в 6 [11]. Наконец, еще одно слово с двойными согласными *кол-центр/колл-центр*. На самом деле при написании этого слова вариантов представлено очень много: начиная с комбинированной графики, которой мы уже касались, и заканчивая слитным написанием. Но сейчас хотелось бы прояснить момент с двойной согласной. И мы сталкиваемся с той же ситуацией, как и при анализе слова *блоггер*: толковый словарь фиксирует форму *колл-центр* [17, с. 145], а нормативные словари – *колл-центр* [14, с. 279; 10]. В НКРЯ вообще фиксируется только написание *колл-центр*, без дефиса и двойной гласной [11]. Примеров заимствований с применением принципа транскрипции множество. Рассмотрим еще несколько. Понятие *лендинг* существует в русском языке также и в переводе, в виде терминологического фразеологизма *посадочная страница*. От: *landing page* (англ. *посадочная страница*) путем транскрипции и последующего сокращения до одного слова, в котором заключено основное лексическое значение, по аналогии с субстантивированными прилагательными. Мы можем создать для вас привлекательную страницу любой конструкции и заменить её шаблонную Главную страницу! Также вы можете использовать ее как **лендинг** (посадочную страницу) [20]. Интерес в данном случае вызывает звук, обозначенный буквой *e*, и стоящий перед ним *л*: их произносятся и смягчая [л], и нет. Слово *кликандер* образовано от *click-under* (*click under* – англ. *нажатие ниже, клик под* – видимо, имеется в виду, что под страницей, на

которую производится переход, открывается еще одна) путем транскрипции. При переходе в русскую графику утрачивается дефис, что можно объяснить сочетанием согласного и гласного на границах частей слова, после *d* пишется *e*, но [д] остается твердым. Если вы продаете товары, которые интересны широкому кругу потребителей – например, хлеб – использовать **кликандер** можно [32]. Интересная языковая единица – *камбекер*, которая образована при помощи того же корня, что *флешбэк*, *фидбэк* и *кэшбэк*, однако после *b* в ней пишется *e* (при твердом [б]). Правилами использования Агентского кабинета Actionpay запрещено: <...> использовать на лендингах **камбекеры** [18]. Слово *инфлюенсер* [инфл'уэнсър] сохранило букву *e* от оригинала, сохранив также и принцип произнесения, по аналогии с лексемами типа *проект*, *риелтор* и т.п. Производное от *influence* (англ. *влияние*) путем транскрипции и последующей суффиксации (-ер, суффикс объекта, производящего какое-либо действие). *Работая с инфлюенсером, бренд получает в распоряжение авторитет известной личности* [26].

Намного реже применяется принцип транслитерации, чаще его можно встретить в сетевом жаргоне, чем в профессиональной терминологии. Не всегда понятно, если транскрипция и транслитерация совпадают, таких случаев очень много. В качестве примера чистой транслитерации можно назвать термин *фавикон*, обозначающий значок сайта или страницы сайта, стоящий перед названием страницы, в некоторых браузерах также перед адресом страницы в адресной строке. От: *favorite* (англ. здесь: *избранное*) сокращенное + *icon* (англ. *иконка, значок*) сложением. Как поставить **фавикон** в директе (*иконка, логотип*) (заголовков) [30].

Иногда принципы первичной ассимиляции при заимствовании комбинируются, и тогда получаются такие слова, как *аккаунт* (в соответствии с принципами транскрипции английское *account* было бы записано как *экаунт*, по транслитерации – *аккоунт*) или *анонимайзер* (в транскрипции *энонимайзэ*, в транслитерации – *анонимизер*). Помимо первичного размещения информации в базах для вашей фирмы будет создана визитная карточка (для этого необходимо заполнить анкету), а также создан **аккаунт** абонента для доступа к системе статистики [22]. Вебмастеру запрещается: <...> 12.3.4. Изменять IP-адрес в пределах одной подсети или используя прокси-сервера и **анонимайзеры** [Actionpay.net]. Причем слово *аккаунт* фиксируется также в интересном варианте *экаунт* [17, с. 24], уже в большей степени приближенном к английскому произношению, однако в реальности мы никогда не встречали этот вариант и предполагаем, что он употребляется намного реже. В словарях крайне редко (пока еще) фиксируются слова в иностранной графике, хотя сейчас уже начинают. Так, слово *e-mail* зафиксировано именно в этом виде в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» [17, с. 395]. В этом же словаре мы встречаем то же слово в рамках другой словарной статьи в ином написании: *имейл* [17, с. 115]. Особой судьбы удостоилась иноязычная первая часть сложных слов *e-* [и-] (сокращение от *electronic* – англ. *электронный*). Она фик-

сируется словарями [1, с. 180; 17, с. 394], определяется в некоторых исследованиях как продуктивная [13, с. 142], но практически не употребляется. Как ни странно, в этом случае предпочтителен полный перевод, мы это можем видеть по устойчивым выражениям *электронная почта* (от *e-mail*), *электронный адрес* (от *e-address*), *электронный почтовый ящик* (от *e-mail-address*). Например: *По вопросам размещения рекламы и проведения рекламных кампаний просьба обращаться по электронным адресам adv@sotovik.ru, reklama@sotovik.ru* [33].

В условиях активного влияния английского языка на русский через сетевое общение и информационные технологии расширяются адаптивные возможности русского языка, благодаря которым он лучше усваивает новые языковые единицы, снижая вред для себя и в меньшей степени травмируя структуру чужеродных элементов. Слова с комбинированной графикой не мешают естественному развитию языка, напротив, помогая международной коммуникации. Такие графические гибриды нужны языку сегодня, на непростом этапе его развития: они помогают усваивать трудные слова, не снижая стиль; способствуют сохранению структуры иноязычного слова; облегчают ассимиляцию, аккуратно вводя неологизмы в язык, не травмируя его (по сути, языковой системе приходится иметь дело только со второй частью, русскоязычной, так что и она избегает повреждений). При переходе слова из латинского алфавита в кириллицу оно подвергается изменениям, адаптируясь к чужим фонетической и графической системам. Развитие устно-письменной речи способствует образованию слов, сочетающихся при переходе в кириллицу принципы транскрипции и транслитерации, – еще один способ языка сохранить аутентичность. Полагаем, что дальнейшее изучение способов первичной ассимиляции иноязычных заимствований необходимо, так как позволит рассмотреть возможности взаимодействия языковой системы с другими, а значит, прогнозировать варианты ее защиты и развития в различных ситуациях.

Литература

1. Баранова, Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Л. А. Баранова. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 320 с.
2. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63–67.
3. Воробьева, С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке / С. В. Воробьева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. – Минск, 2009. – № 5 (42). – С. 178–186.
4. Горбунова, И. В. Функциональная систематика англицизмов в русскоязычном сегменте сети интернет / И. В. Горбунова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2011. – С. 141–149.
5. Клементьева, Е. В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке / Е. В. Клементьева // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – С. 260–263.

6. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 145 с.

7. Крысин, Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2010. – 864 с.

8. Крысин, Л. П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» / Л. П. Крысин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010, № 4 (2). – С. 575–579.

9. Мокрогуз, Е. Д. Компьютерная терминология / Е.Д. Мокрогуз // Universum: Филология и искусствоведение: [электронный научный журнал] – № 8 (21). – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-terminologiya> (дата обращения: 25.08.2019)

10. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Текст : электронный. – URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 21.08.2019).

11. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения: 22.08.2019). – Текст : электронный.

12. Осетрова, О. И. Лексикографическое описание терминов компьютерно-опосредованной коммуникации / О. И. Осетрова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2013. – Вып. 83, № 29 (320). – С. 107–111.

13. Раупова, Ш. М. Влияние интернет-аффиксов на образование компьютерных неологизмов и появление новых концепций / Ш. М. Раупова // Вестник ТГУПБП. – Худжанд. – 2018. – № 3. – С. 140–145.

14. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова / под редакцией В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 896 с.

15. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / составитель Асланова Л. А. – Москва : ООО Дом славянской книги, 2012. – 960 с.

16. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под редакцией Г. Н. Складневской. – Москва : Эксмо, 2006. – 1136 с.

17. Шагалова, Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : около 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 413, [3] с.

Источники языкового материала

18. Actionpay.net. – URL: <https://actionpay.net/ru-ru/content/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
19. Admitad.com. – URL: <https://www.admitad.com/ru/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
20. Blizko.ru. – URL: <https://msk.blizko.ru/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
21. Cashback.ru. – URL: <https://cashback.ru/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
22. Ell.ru. – URL: <http://old.ell.ru/ell-mediakit-static-15-11-2012.pdf> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
23. Letyshops.com. – URL: <https://letyshops.com/welcome> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
24. Money.Yandex.ru. – URL: https://money.yandex.ru/loyalty?_openstat=template;imenu;promo;loyalty (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
25. Mts.ru. – URL: <https://cashback.mts.ru/faq/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
26. Mypage.vip. – URL: <https://mypage.vip/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
27. Price.ru. – URL: <https://price.ru/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.

28. Psbank.ru. – URL: <https://www.psbank.ru/Personal/Everyday/CashBack> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
29. Pulscen.ru. – URL: <https://www.pulscen.ru> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
30. Romanoff.ru. – URL: <http://romanoff.pro/favicon/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
31. Sberbank.ru. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/bankingservice/cards/business-cashback (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
32. Semantica.in. – URL: <https://semantica.in/blog/chtotakoe-klikander.html> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
33. Sotovik.ru. – URL: <http://www.sotovik.ru/about/reclame/> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.
34. Tele2.ru. – URL: <https://msk.tele2.ru/help/article/cashback> (дата обращения: 27.08.2019). – Text Electronic.

A.I. Krokchina

PRIMARY ASSIMILATION OF FOREIGN LANGUAGE TERMS IN RUSSIAN WITH THE EXAMPLE OF PROFESSIONAL VOCABULARY OF INTERNET MARKETING

The article analyzes the following ways of assimilating the borrowings: the formation of words with combined graphics and the transition of a word from the Latin alphabet to Cyrillic using the principles of transcription and transliteration. Particular attention is paid to the problem of barbarisms in the Russian language of recent decades. The author draws the conclusion about the benefits that words with combined graphics bring when the language masters new lexical units.

A word with combined graphics, assimilation of neologisms, barbarism, borrowing, vocabulary of Internet marketing, transcription, transliteration.

А.Е. Назарова

*Филиал ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
в г. Егорьевске – Колледж педагогики и искусства*

О ВЛИЯНИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ

Статья посвящена вопросам словообразования превосходной степени имен прилагательных с супплетивной основой. Проведен анализ образования аналитической превосходной степени прилагательного «хороший», выявлено противоречие между нормативным словоупотреблением и обиходным.

Языковая среда, превосходная степень имен прилагательных, грамматические ошибки, самый лучший.

Одним из признаков литературного языка является наличие двух форм его реализации – устная речь и письменная. Устная речь первична по отношению к письменной и исторически, и как фаза процесса интерпретации письменного текста. Необходимо заметить, что даже не очень грамотные люди допетровского времени отлично владели нормами *письменной* речи: соблюдали необходимые зачины и формулы, знали жанровые особенности того или иного документа (см.: [13]). Письменная речь всегда воспринималась носителями языка как правильная, образцовая, и именно ее прежде всего изучали языковеды до начала XX века (ср.: [13; 14]). Она более строгая, четкая, оформленная, то есть в большей мере, чем устная, подчиняется нормам и правилам языка [13]. Устная форма речи в наши дни оказывает сильное влияние на литературный язык. Меняется жизнь, а значит, трансформируется и наш язык. Действительно, литературная речь не поддается управлению административными методами. С помощью приказов не сделаешь слово более выразительным, не припишешь ему другое значение, не заставишь людей говорить грамотно. В любом случае все, что попадает в разговорную речь, так или иначе отражается на литературном языке (ср.: [15]).

Нет ничего проще, а вместе с тем и сложнее, чем человеческое общение. В нем – источник наших радостей и огорчений, надежд и успехов. Мы можем воспринимать и понимать чужую речь не только в момент речи, но и когда адресат и адресант удалены друг от друга в пространстве и времени (например, получаем информацию от наших предков и передаем ее потомкам). Поэтому любой язык – это национальная ценность, важнейшая часть духовной культуры (см.: [11]). Его нужно беречь, любить, сохранять и защищать.

Речевая коммуникативная культура необходима: чем точнее и правильнее мы оформим свои мысли, тем лучше их поймет собеседник или читатель. Естественно, язык и речь постоянно изменяются, обогащаясь и развиваясь. Но, с другой стороны, каждый носитель языка заинтересован в том, чтобы русский литературный язык в своей основе был как можно более стабильным. Небрежное отношение к сохранению основ языка может привести к тому, что мы «по-

теряем прошлое», перестанем воспринимать информацию, созданную предками.

В наши дни почему-то неловко быть культурным. Умение правильно, точно и красиво излагать мысли перестает быть ценностью в обществе. Известно, что культура поведения, быта, речевая культура воспитываются с детства, но развитие речевых умений и навыков осуществляется в течение всей жизни человека.

Наши предки в знак благодарности говорили: «Спаси тебя Бог», а в современном русском языке слово «спасибо» является сокращением. Но язык не стоит на месте, поэтому существует вероятность, что тем же путем, как в нашу речь пробралось сокращенное «спасибо», придет и «спс».

Назрела необходимость сберечь, сохранить наш язык как национальное достояние. Именно поэтому в 2016 году было решено учредить в России Общество русской словесности, возглавил которое Святейший Патриарх Кирилл. Среди целей и задач общества – сохранение ведущей роли литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения, развитие лучших традиций отечественного гуманитарного образования.

Вот что говорит преподаватель русского и литературы международной квалификации, член Общественной палаты России Р.А. Дощинский о новой концепции преподавания русского языка: «С 2000 года учебники русского языка стали яркими, они имеют человеческое лицо, но правила остаются неизменными. В современных учебниках принята попытка на равных показать язык и речь. Искать корень зла не стоит в школьном преподавании, корень зла находится в той языковой среде, в которой обитают дети большую часть времени. Новая концепция предлагает несколько отойти в сторону от изучения языка как системы и перейти к максимально полному развитию речи наших учащихся. Результаты этой концепции не будут видны сейчас, они будут видны на следующих поколениях. Если мы будем относиться к языку как к нашему национальному состоянию, и не будем играть с текстами и понятиями, вот тогда мы отвоюем единство образовательного пространства в нашей стране» [7].

Представленная концепция нужная, и прогнозы благоприятные. Но проанализировав ситуацию в области всего лишь одного случая словоупотребления, мы поняли, как сложно будет исключить тлетворное влияние бездумного, ошибочного употребления отдельных словоформ и устранить его последствия.

Сегодня экраны телевизоров, Интернет, газетные заголовки, рекламные щиты пестрят словами «самый лучший»: *самый лучший фильм, самый лучший день, самый лучший товар* и т.д. И в речи (к счастью, *устной речи!*) нашего президента используется данная словоформа: «Все мы верим в *самое лучшее*, светлое» [16].

В Национальном корпусе русского языка также зафиксированы случаи словоупотребления «самый лучший», в частности, в публицистике:

- «*Бесы*» вообще *несамый лучший роман для экранизации*... [12];

- *Новое прочтение классики создано для тех, кто уверен, что самый лучший Шерлок Холмс в мире – Василий Ливанов* [2].

Есть *самый лучший* и в поэтических строчках С. Есенина, Е. Евтушенко, О. Берггольц и других поэтов разных периодов русской и советской литературы:

- *О, если б вы понимали, / Что сын ваш в России / Самый лучший поэт!* [9, с. 231];

- *У каждого свой тайный личный мир. / Есть в мире этом самый лучший миг* [8, с. 302];

- *Мы с тобой договорились, / Повторив сто раз подряд: / Самый лучший город в мире – / Это город Ленинград!* [4, с. 453].

В прозе такая словоформа встречается, как правило, в диалогах персонажей, но также у писателей-классиков и современных – Н. Лескова, Е. Белкиной, П. Волошиной и Е. Кулькова:

- *Неужели, – говорит, – у вас в Орле уже все подряд дураки, что будут думать, будто старый дядя станет тебя куда-нибудь по дурным местам возить? Где у вас тут самый лучший часовщик? – Самый лучший часовщик у нас немец Керн почитается; у него на окнах арап с часами на голове во все стороны глазами мигает* [10, с. 28];

- *Ты мой король навсегда, – говорила она, глядя на него преданными глазами. – Ты самый лучший. Я умираю от счастья* [3, с. 279];

- *Предлагаю подняться наверх и допить кофе, – сказал разноглазый и обнял Марусю за плечи. – В Китае варят самый лучший кофе!* [5, с. 213].

Но это ошибочное, грамматически неверное образование аналитической формы превосходной степени имени прилагательного. Все учебники русского языка – школьные и вузовские – сходятся в едином мнении, что аналитическая превосходная степень имени прилагательного образуется тремя способами.

Нас будет интересовать только один: при помощи слова *самый* + прилагательное в обычной форме: *самый умный, самый добрый*. Эта форма степеней сравнения признана очень живой и продуктивной в составе современного русского литературного языка. Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от кото-

рого нельзя образовать простые формы степеней сравнения.

Нарушением грамматических норм является употребление конструкций, образованных по схеме: «*Самый* + превосходная степень сравнения» типа *самый добрейший, самый красивейший, самый лучший*.

Итак, «самый лучший»... Удивительно, как часто такое выражение используется в современном обществе. Телевидение, Интернет, газеты, да и просто живое общение буквально пронизано «самым лучшим».

А вот какой ответ на вопрос «*Самый лучший* – ошибка или нет?» дает популярный сайт Грамота.ру: «Вопрос довольно спорный. Логически – да, слово “самый” используется в сочетании с качественным прилагательным для образования превосходной степени: *самый сильный, самый быстрый, самый умный, а лучший* – уже форма превосходной степени. Но, с другой стороны, словосочетание *самый лучший* не режет слух, уже воспринимается как корректное. Так говорят, так пишут. Например, в “Большом толковом словаре русского языка” под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2003) словосочетание *самый лучший* свободно употребляется в словарных статьях (и в толкованиях, и в качестве иллюстрации)» [23].

Можно предположить, что в данном случае норма смягчается, но правильно ли это? Вот какая информация содержится в академическом толковом словаре русского языка:

• Лучший, -ая, -ее, 1. см. Хороший. 2. Самого высокого качества, самого хорошего свойства [21, с. 335].

О правилах образования аналитической превосходной степени все научно-учебные издания пишут:

• «Превосходная степень имеет две формы: синтетическую (храбрейший) и аналитическую (самый храбрый). Первое употребляется более в книжной речи, вторая распространена во всех стилях речи» [6, с. 236].

• «Аналитическая форма образуется с помощью слова *самый* и исходной формы прилагательного: *самый красивый, самый умный, самый строгий* и др.» [17, с. 245].

• «Нельзя соединять в одном качественном прилагательном простую и сложную формы степеней сравнения. Сочетания типа “менее или более активнее” являются ошибочными. То же самое следует сказать о соединении в одном качественном прилагательном простой и сложной формы превосходной степени (самая красивейшая)» [18, с. 188].

• «Составная превосходная степень образуется сочетанием слов наиболее, наименее или самый и положительной степени прилагательного. При этом со словом *самый* абсолютно всегда используется только полная форма положительной степени: *самый смешной* и т.п.» [19, с. 84].

• «Прилагательные, употребленные в форме какой-либо степени сравнения, в речи не могут сочетаться с наречиями, обозначающими меру или степень (очень, самый). Двойное указание на степень было бы избыточным и поэтому ошибочным. В речи можно услышать и ошибочное выражение «в самое ближайшее время», где ошибка связана с образованием формы степени сравнения: в слове *ближайший* благодаря

суффиксу -айш- уже есть значение превосходной степени, поэтому данное прилагательное не сочетается со словами самый, тоже указывающим на превосходную степень сравнения» [20, с. 421].

Итак, источники указывают на то, что сочетание «самый лучший» является ошибкой и выбивается из норм и правил русского языка. Единственное оправдание данному словосочетанию дал сайт Грамота.ру: «Не режет слух» [23]. Но разве это причина?

Отметим, между прочим, что К.С. Аксаков утверждал: «Формана *-ейший* и *-айший*, в свою очередь, может еще получить другое, внутреннее значение через *самый*; можно сказать: *самый добрейший*» [1, с. 129]. Ученый говорил об этой форме прилагательного в контексте разъяснения различий между формами превосходной степени с приставкой *самый* и суффиксами *-ейш-*, *-айш-*. Речь шла о том, что форма на *-ейший*, *-айший* в литературном языке XIX в. все более и более теряет значение сравнительной степени и получает значение степени превосходной, которая, однако, «обращена лицом к сравнению и высказывает мысль об окончательном сравнительном превосходстве такого-то качества» [1, с. 129]. В форме же описательной превосходной степени с *самый* выражается внутреннее безотносительное значение высшего качества.

Отрадно, что на кубке и медали, которые получил наш колледж, есть надпись «100 лучших вузов России», а не «100 самых лучших вузов России». И газета «Комсомольская правда», 10 лет назад определявшая рейтинг «самых лучших и самых худших фильмов недели», сегодня пишет «лучшие фильмы Каннского фестиваля» [22].

Таким образом, необходим строгий отбор культурных «концептов речи». Многие явления, как отмечал еще С.И. Ожегов [15], приобретают оттенок городского просторечия, а затем проникают в разные социальные срезы, становятся константами языка, даже если они противоречат его элементарным законам. Значит, задача филолога состоит еще и в том, чтобы заниматься просветительской работой: одни явления живой речи можно «терпеть» в литературном языке как авторские окказионализмы, а другие должны остаться только в непосредственном общении людей и не выходить в публичную сферу, не закрепляться в языковом сознании людей как «правильные» обороты. Эта проблема сейчас является одной из самых актуальных в культуре речи.

Литература

1. Аксаков, К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики / К. С. Аксаков // Полное собрание сочинений. Том 3, часть 2: Сочинения филологические. – Москва, 1880. – 675 с.
2. Ананьев, К. Гардемарин снял «Мушкетеров» / К. Ананьев // Известия. – 2013. – 13 ноября.
3. Белкина, Е. От любви до ненависти / Е. Белкина. – Москва, 2001. – 318 с.

4. Берггольц, О. Ф. Говорит Ленинград / О. Ф. Берггольц. – Москва : АСТ, 2019. – 560 с.
5. Волошина, П. Маруся / П. Волошина, Е. Кульков. – Москва : АСТ, 2012. – 264 с.
6. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 1. Фонетика и морфология : учебник для студентов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / А. Н. Гвоздев. – Москва : Просвещение, 1973. – 432 с.
7. Дошинский, Р. Какая концепция нам нужна и важна? / Р. Дошинский // Учительская газета. – 2015. – 29 декабря (№ 52). – URL: <http://www.ug.ru/archive/63230>
8. Евтушенко, Е. А. Поэт в России больше, чем поэт. Стихотворения. Поэмы / Е. А. Евтушенко. – Москва : Азбука-Аттикус, 2017. – 1216 с.
9. Есенин, С. А. Исповедь хулигана / С. А. Есенин. – Москва : Азбука, 2015. – 320 с.
10. Лесков, Н. С. Повести / Н. С. Лесков. – Москва : Рипол-Классик, 2013. – 256 с.
11. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Том 1 / под редакцией В. И. Макарова. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 275 с.
12. Межуев, Б. Достоевский, дополненный Горьким / Б. Межуев // Известия. – 2014. – 2 июня.
13. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Никитин Олег Викторович. – Москва : МГОУ, 2004. – 47 с.
14. Никитин, О. В. Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 104–110.
15. Ожегов, С. И. О просторечии (к вопросу о языке города) / С. И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 93–110.
16. Опубликовано новогоднее обращение президента // Парламентская газета. – 2016. – 30 декабря (№ 49). – (2771). – URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/12/31/opublikovan-tekst-novogodnego-obrashheniya-vladimira-putina.html>
17. Русский язык и культура речи : учебник для вузов / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский, В. А. Ефремов [и др.] ; под редакцией В. Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2008. – 505 с.
18. Русский язык и культура речи : учебник для вузов / П. А. Лекант, Т. В. Маркелова, Н. Б. Самсонов ; под редакцией П. А. Леканта. – Москва : Дрофа, 2007. – 224 с.
19. Современный русский язык : учебник для университетов. В 2 частях. Часть 1 / под редакцией Д. Э. Розенталя. – Изд. 2-е, испр. – Москва : Высшая школа, 1976. – 528 с.
20. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов [и др.]. – Изд. 4-е, стер. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 864 с.
21. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
22. Тыркин, С. Лучшие фильмы Каннского фестиваля / С. Тыркин // Комсомольская правда. – 2019. – 29 мая.
23. Поиск ответа. – URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=188456> (дата обращения: 30.08.2019). – Текст : электронный.

A.E. Nazarova

INFLUENCE OF SPOKEN LANGUAGE ON LITERARY ONE: SUPERLATIVE DEGREE FORMATION

The article investigates the formation of the superlative degree of adjectives with a suppletive base. It analyses the formation of analytical superlative degree of the adjective «good», reveals the contradiction between normative and colloquial usage.

Language environment, superlative degree of adjectives, grammar mistakes, the very best.

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

**«ОПЕРЕЖАЛ СВОЁ ВРЕМЯ»:
ФИЛОЛОГ-СЛАВИСТ Н.А. КОНДРАШОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.Н. ТАТИЩЕВА**

В статье дается аналитический обзор книги о В.Н. Татищеве известного слависта профессора Н.А. Кондрашова. Разбираются и комментируются основные положения этой работы. Отмечается, что она впервые для читателя раскрыла личность знаменитого историка как оригинального языковеда и педагога, стремившегося проникнуть в сложные проблемы общего языкознания, этимологии, лингвистического источниковедения, лексикологии и лексикографии. Обращается внимание на то, что филологические взгляды В.Н. Татищева важны для оценки развития отечественной науки в XVIII веке и должны быть включены в научные и учебные обзоры по дисциплинам «Введение в языкознание», «История русского литературного языка», «История лингвистических учений».

В.Н. Татищев, Н.А. Кондрашов, история языкознания, филология XVIII века, теория языка, лингвистическая терминология, лексикография, историография, лингвистическое источниковедение.

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения слависта старой мифлийской школы профессора Николая Андреевича Кондрашова (1919–1995) – ученого с нелегкой судьбой, вплетенной в самые острые противоречия эпохи XX века. Его интересы лежали главным образом в области истории славяноведения и особенно словакистики [4; 6; 18]. Немало трудов он посвятил разработке проблем становления и развития мировых лингвистических учений [7; 8; 9], заново для наших читателей открывал забытые и отверженные советской идеологией имена выдающихся историков и языковедов [10; 3; 5] и создавал свою энциклопедию славянской филологии. Кроме того, ученый плодотворно трудился на ниве исторической грамматики и лексикологии русского языка [2; 11]. Если бы возможно было сейчас собрать вместе труды профессора Н.А. Кондрашова по истории лингвистической мысли XVIII–XX вв., то получилась бы без преувеличения объемная книга биографий и открытий в мире славистики – все то, чем гордится ныне отечественная наука и чьими достижениями она до сих пор живет и пользуется.

Достаточно отметить, что Н.А. Кондрашов еще в 1950-х гг. стал практиковать после долгого перерыва очерковый жанр историко-филологических монографий [3; 5], которые были так популярны у нас до начала XX века и привнесли в копилку научной методологии особую интонацию доверительности, вхождения в мир идей и мыслей, чувств и переживаний, конфликтов и озарений многих талантливых писателей, поэтов, ученых. Понять их человеческие судьбы можно было только с помощью такого «инструмента»: описывать летопись жизни сквозь призму исторических событий эпохи, выделять и группировать самое ценное и не отказываться от дискуссий и спорных моментов. Так поступали в свое время Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, Я.К. Грот, А.А. Шахматов и другие филологи-просветители, понимавшие высокое

учительное начало такой деятельности. В XIX веке, по сути дела, и родился жанр «жизни замечательных людей». Его продолжателем в XX столетии стал профессор Н.А. Кондрашов. Он был признанным мастером искусства «отечествоведения» и создал яркие, живые, интересные портреты своих современников, учителей и прародителей – тех, кто стоял у самого начала строительства новой науки – славистики.

Потому закономерен интерес Н.А. Кондрашова к XVIII веку, который для русской науки являлся ключевым. В это время формировалась *национальная* традиция гуманитарной мысли, осваивались неизвестные источники, изучались и систематизировались языковые факты, открывались новые имена. XVIII столетие – эпоха открытий, даровитых ученых-энциклопедистов, способных решать любые сложные задачи во благо Отечества.

Нельзя сказать, что фигура В.Н. Татищева была забыта отечественной наукой. Но его знали и почитали прежде всего как *первого* историографа, государственного деятеля из плеяды «птенцов гнезда Петрова». О лингвистических взглядах В.Н. Татищева было почти ничего неизвестно. Дело в том, что филологию XVIII столетия вообще плохо знали и изучали только самые важные факты: дискуссии Ломоносова и Тредиаковского, сатиры Сумарокова, историю создания «Словаря Академии Российской». Только энциклопедист профессор С.К. Булич открыл научной публике богатство идей и находок того времени, когда опубликовал объемную монографию по истории русского языкознания [1], посвятив XVIII веку несколько разделов, и фактически впервые показал лингвистическую жизнь изнутри: обнародовал архивные материалы, ввел в научный оборот редкие публикации, назвал имена канувших в Лету филологов.

Можно сказать, что Н.А. Кондрашов продолжал заветы С.К. Булича и рассказал много полезной для

исследователей информации о состоянии языкознания и его приоритетах в эпоху смут и потрясений. Мы едва ли можем говорить применительно к XVIII столетию о научных школах или направлениях в изучении языка. Тогда, за исключением только таких вершин, как Адодуров, Ломоносов, Тредиаковский, Барсов и еще нескольких имен, не было систематически образованных филологов, хотя в лингвистическое переустройство активно включались именитые путешественники, деятели культуры вроде княгини Дашковой, академик Озерецковского и Крашенинникова. Филология для многих из них носила спонтанный характер и оживала только в больших совместных проектах, как, например, «Словарь Академии Российской».

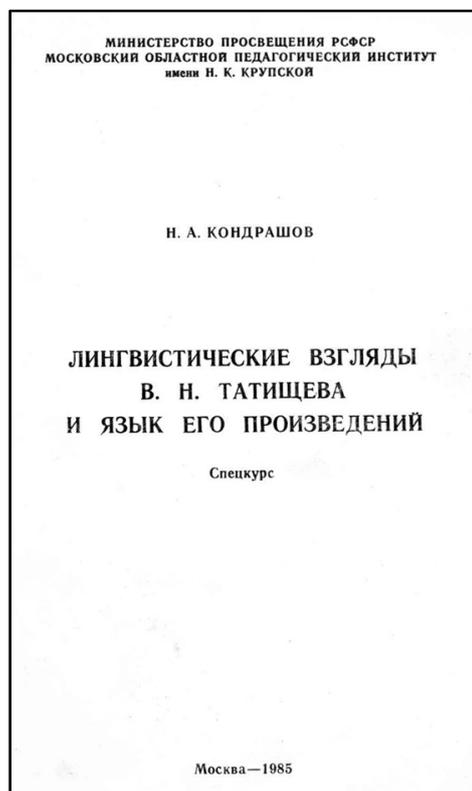
Судьба сочинений талантливых ученых тоже была неодинаковой. Так, Адодурова, предшественника Ломоносова на ниве лингвистических учений, практически забыли вплоть до второй половины XX века, когда была опубликована его «Грамматика» и оценена роль в развитии этой традиции (см.: [16]). В тени могучей фигуры Ломоносова оставались оригинальный лексикограф Кондратович, десятки имен филологов, писателей и поэтов, историков и дипломатов, государственных деятелей, работы которых не получили широкого общественного призвания, были забыты с течением времени (см.: [14]).

Осознание потребности изучения XVII–XVIII столетий в смысле «памятниковедения» пришло намного позднее (ср.: [13; 14; 15]), тогда как именно В.Н. Татищев в период становления этой отрасли науки первым показал прежде всего *лингвистическую* ценность источниковедения [17]. Но его имя в русской филологии всего XIX века и большей части XX практически не звучало. Справедливости ради стоит сказать, что исторические сочинения и даже письма В.Н. Татищева издавались [22; 23; 24], вышло собрание пословиц и поговорок [19], и лишь в 1981 году в серии «Жизнь замечательных людей» была опубликована книга об этом ученом [12]. А исключительное по ценности в том числе филологических наблюдений философское сочинение «О пользе наук и училищ» (даются разные варианты заголовков), впервые опубликованное только в 1887 г. [21], так и остается до сих пор неизвестно широкой читательской аудитории.

Н.А. Кондрашов посвятил разбору языковедческих идей этого ученого спецкурс «Лингвистические взгляды В.Н. Татищева и язык его произведений» [10], читанный на факультете русского языка и литературы МОПИ имени Н.К. Крупской, очевидно, в 1980-х гг. На фоне традиционной проблематики педагогического вуза он выглядел оригинально и не был похож на учебные стандарты. Спецкурс погружал студентов совсем в иную атмосферу филологического «быта» доломоносовского периода в летописи отечественного языкознания, которая была практически неизвестна даже специалистам – историкам русского литературного языка. Тем самым автор стремился заполнить определенную лакуну в научных исследованиях (Там же, с. 3) и высветить еще одно яркое имя на культурно-историческом небосклоне зарождавшейся науки в России.

Первые разделы книги освещали биографические данные и главные достижения В.Н. Татищева. Уже в

начальных страницах книги автор так говорит об ученом: «...история нашей страны была одной пламенной страстью этого человека, причем филологические и лингвистические интересы занимали в ней важнейшее место. Другой характерной и постоянной особенностью его деятельности была забота о подъеме просвещения народов нашей страны в самых разнообразных проявлениях» [10, с. 4].

Обложка книги Н.А. Кондрашова

Особое внимание в этой части уделялось оригинальному сочинению В.Н. Татищева, по сути дела, его духовному завещанию сыну – «Разговору двух приятелей». Эта во многом философская книга раскрыла ученого как глубокого мыслителя, педагога-практика, творца. Н.А. Кондрашов особо выделил его слова: «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать» (Там же, с. 7). Примечательно, что в «Разговоре» В.Н. Татищев немало места посвятил лингвистическому образованию. Он обсуждал такие важные вопросы: грамота, история славянской письменности, происхождение и развитие языков и др. Поразительна осведомленность В.Н. Татищева в знании других алфавитов и культур, особенно древних цивилизаций (см. подробнее: [17]). Интересная классификация наук, приведенная В.Н. Татищевым (полезные, щегольские, любопытные, или тщетные), позволила ему выделить в числе первых и лингвистику, значит, заключал Н.А. Кондрашов, «изучению языков и письменности он придавал особое значение как одному из важных условий развития человеческого общества и распространения знаний и просвещения» [10, с. 9].

Кроме этого филологического, просветительского пафоса, Н.А. Кондрашов отмечал и другую особенность книги: «проблема личной свободы (вольности)

человека», которую иллюстрировал следующими словами этого государственного мужа: «Кто воли лишаем, тот купно всех благополучей (так в тексте. – *О. Н.*) лишается или приобрести и сохранить не благонадежен, ибо кто в какой-либо неволе состоит, тот не может уже по своему хотению покоиться, веселиться, чести, имения снискивать и оные содержать, но все остается в воли того, кто над его волею владычествует» [10].

В.Н. Татищев

И другие интересные факты творческих исканий В.Н. Татищева приводил в этой части Н.А. Кондрашов, описывая в общем-то нелегкую, подчас трагическую судьбу русского самородка.

Автор книги, кажется, впервые в отечественном языкознании так пристально всматривался в «Историю Российскую» В.Н. Татищева с лингвистической точки зрения, посвятив ей довольно большой фрагмент спецкурса. Н.А. Кондрашов, в частности, показал, что знаменитый ученый имел ясное представление об этнических группах, населявших Россию, внимательно изучал памятники письменности, извлекая из них достоверные сведения. А другие подвергал критике (Там же, с. 15). Для исследователя В.Н. Татищева XX века эта фигура вышла далеко за порядок обычных историков. Перед нами живой пример энциклопедически образованного человека, не ограничивавшего себя представлением только исторических данных. Н.А. Кондрашов обоснованно писал: «Так, разбирая названия днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным, Татищев отмечает, что “имена порогов русские и славянские изрядно император различил, ибо тогда русский язык был сущий сарматский, нимало славенскому и нынешнему нашему подобен”» (Там же, с. 17).

Говоря об общелингвистических взглядах В.Н. Татищева, Н.А. Кондрашов отмечал, что отдельные идеи были реализованы впоследствии в языковедческой деятельности Ломоносова и Тредиаковского: «Отметим прежде всего 1) борьбу за самобытность русского литературного языка; 2) стремление размежевать сферы употребления церковнославянского и собственно русского языков; 3) постановка проблем упорядочения русского литературного языка на различных

уровнях: а) предложения Татищева по реформе русской орфографии; б) его борьба с мертвыми и обветшалыми грамматическими категориями; в) его лексикографические разыскания; 4) суждения о взаимодействии литературного языка и русской разговорной речи; 5) анализ условий и факторов заимствования иноязычных лексических элементов и рационалистический подход к их оценке в системе русского литературного языка; 6) глубокий интерес к истории русского языка, нашедший отражение в обогащении источниковедческой базы, анализе языка ряда древнерусских памятников и этимологических разысканий в области древнерусских реалий» [10, с. 21–22].

В.Н. Татищев в своих языковедческих взглядах выступал и как педагог-новатор, особенно когда говорил о необходимости изучать иностранные языки. Кстати, он владел польским, немецким, французским, шведским и классическими языками (Там же, с. 23). Вот что по этому поводу писал Н.А. Кондрашов: «Кроме указанных научных соображений, Татищев в духе петровских реформ видел в изучении иностранных языков и сугубо практическое значение, так как на западноевропейских языках представлена важнейшая научная литература. Общественно-политическое значение овладения иностранными языками не раз подчеркивалось Татищевым: “еже всякому шляхтичу надобно думать какой-либо знатный чин достать и потом или самому для услуги государственной в чужие края ехать, или в России иметь с иноязычными обхождение. И тако ему необходимо нужно другой европейский язык знать”» (Там же).

При произнесении имени В.Н. Татищева у Н.А. Кондрашова часто звучало слово «первый». Можно согласиться с такой оценкой деятельности историка и филолога, по сути, решавшего самые главные проблемы лингвистической науки, при этом основываясь почти всегда только на собственном опыте, на своих знаниях и предположениях: «В.Н. Татищев был первым русским ученым, обосновавшим тезис о связи истории языка с историей говорящего на этом языке народа, он первым указал на языки как памятники истории народов. По мнению ученого, вопросы исторического развития и происхождения народов лучше всего решать, опираясь на языковые данные: “что оной издатель о происшествии народов тщился, доказывать языками, оное есть между всем наилучший способ, а особливо в случае недостатка дееписаний”» (Там же).

Показательно, какие группы родственных языков выделил В.Н. Татищев. Он предлагал первую в истории отечественного языкознания классификацию предкомпаративистского характера, куда включил «народы сарматского языка», «народы татарского и калмыцкого языков» (скифы), народы «странноязычные» (имелись в виду языки этносов Крайнего Севера), «народы славянского языка» (Там же, с. 27).

Кроме этого, В.Н. Татищев, и Н.А. Кондрашов обратил на данную деталь особенное внимание, осуществил подробное деление славян на четыре группы:

«1. Восточные славяне, занимающие территории от левого берега Днепра до Каспийского моря и Кавказских гор;

2. Западные славяне – от правого берега Днепра до Эльбы: поляне, “которые от поль имянованы”,

древляне, моравы, силезы, богемы или чехи, кашубы и померане, полабы, веныды или венеты, поляки (ляхи);

3. Северные славяне, занимающие территорию Великой Руси (Новгородская, Поморская, Псковская и Белозерская губернии);

4. Южные славяне – от Днестра до Средиземного моря» [10, с. 27–28].

Интересной методикой этимологического анализа и сравнения слов придерживался В.Н. Татищев (при этом, надо заметить, что многие его толкования, особенно исторических реалий, предметов юридического быта, оказались весьма корректными и точными с языковедческой стороны). Н.А. Кондрашов иллюстрировал это на таком примере названия р. Темеринда, получившей объяснение в древних источниках как «мать Понта»: «Опираясь на языковые факты, Татищев полагает, что это слово принадлежит неизвестному языку и должно толковаться иначе: “Какого бы языка сие было, не знаю, во-первых, ни славянское, ни греческое, у сармат финов мать – аити, у чуваш, а ныне черемис – атей, мордвы – татей, вогулич – анати; татарское, а не чегодайское и загатайское – чичай, или шишай; калмыцкое – оеки, мунгальское – аехе. Следственно, ни единое не подходит и потому нужно быть иного неизвестного мне языка”» (Там же, с. 29).

Содержательны проанализированные Н.А. Кондрашовым орфографические идеи В.Н. Татищева, которые наш славист соотносил с общелингвистической ситуацией в XVIII столетии: «Ввести в русский алфавит некоторые буквы: а) букву *h*, которая соответствовала бы латинской и без которой “мы не токмо иноязычных слов, но и собственных многих правильно по изречению написать не можем, яко латинское *g* и *h* великую разницу во изглашении и разуме слов имеют, но мы обе сии *Г* или *Н* выпускаем. В русском же речении *Г* иногда выговаривается твердо, иногда легко” <...>. М.В. Ломоносов в “Российской грамматике” соглашался с Татищевым, когда писал: “Некоторых букв нет в российском языке по его отменам, как латинского *h*, италийского *d*, которые мы употребляем в речениях благо, господь, трожды” <...>; б) Татищев предлагал использовать букву *г* для передачи взрывного, а перевернутую – для передачи соответствующего фрикативного согласного. Об этом сообщает В.К. Третьяков: “Некто из искусных людей, которого я к себе благосклонностью почитаю, вымышляет сей букве две фигуры, а именно сию *Г* и сию *L*” <...>; в) далее Татищев предлагал ввести букву *j* для передачи сочетания *jo*: “еж, мед, а говорим *joж*, *mjoд*” <...>. Наконец, Татищев высказал свое суждение об использовании букв *ф* и “фита”. По его справедливому мнению, эти звуки “хотя у греков разное выговариваются и разность в разуме делают, в славенском же языке обоя не употребляемы, но понеже для чужестранных слов без *ф* быть нельзя, того ради оные *ф* и *Θ* могут в конце азбуки положены быть, и их разность во изречении в азбуках истолковать чтоб учителя и ученики могли разуметь”» (Там же, с. 43).

В рамках обозначенного спецкурса Н.А. Кондрашов приводил немало ценных наблюдений работы В.Н. Татищева над общелингвистической терминологией,

подчеркивал значение лексикографических трудов ученого, особенно его грандиозного «Лексикона» [20], освещал подробно этимологические штудии историка, отдельный раздел (Там же, с. 60–66) посвятил анализу языка произведений этого замечательного ученого.

Очевиден вывод, к которому в итоге пришел профессор Н.А. Кондрашов: «Татищев во всех своих начинаниях и предложениях значительно опережал свое время. Так обстояло дело с его предложениями, касавшимися социально-экономического переустройства тогдашней России, так обстояло дело с его лингвистическими инициативами. Если первые разбивались о корыстолюбивые интересы русского дворянства, то вторые сталкивались с неразвитостью русского общества. <...> Однако в области отечественного языкознания многие взгляды Татищева нуждаются в объективном освещении и оценке. В суммарном изложении ценность лингвистической концепции Татищева заключается в следующем:

1. В.Н. Татищев сущность и функции языка рассматривал, как и современная наука, в качестве важнейшего средства человеческого общения;

2. В языке и его данных он видел ключ к раскрытию исторического прошлого того или иного народа;

3. Татищев впервые обратил внимание на важность изучения языков многочисленных народов России;

4. Татищев впервые в русской науке поставил и пытался решить проблему языковой изменчивости;

5. Татищев впервые в европейской науке сформулировал положение о генетическом родстве языков (скифских, сарматских и славянских), он сформулировал положение о праязыке и создал языковую классификацию народов России;

6. Татищеву принадлежат первые по времени предложения по нормализации русского литературного языка в области графики и орфографии, лексического состава и употребления заимствованных слов;

7. Татищеву принадлежат новаторские идеи в области многоязычной лексикографии;

8. Татищев значительно расширил лингвистическую базу русской науки, ввел в научный оборот ряд неизвестных прежде памятников, провел множество плодотворных исследований по истории и этимологии русских слов;

9. Татищев с полным правом может рассматриваться как предшественник М.В. Ломоносова в области общего и русского языкознания» (Там же, с. 66–67).

Лингвистические взгляды В.Н. Татищева в освещении Н.А. Кондрашова – интересный опыт не только научного описания и анализа идей начинавшей свой путь отечественной филологии, но и их практической реализации в виде оригинального спецкурса для студентов – будущих педагогов. Н.А. Кондрашов всегда стремился находить неожиданные темы, искать необычные «сюжеты» для своих исследований. Он открывал для слушателей забытые имена первопроходцев в науке и старался личным интересом привлечь внимание думающей аудитории к проблемам истории языкознания. XVIII век в этом отношении до сих пор остается *terra incognita филологии духа* того времени.

Литература

1. Булич, С. К. Очерк истории языкознания в России. Том 1 (XIII в. – 1825 г.) / С. К. Булич. – Москва : типография М. Меркушева, 1904. – 1248 с.
2. Болонина, Э. Н. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период) : учебное пособие / Э. Н. Болонина, Н. А. Кондрашов, Л. П. Рупосова. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1990. – 95 с.
3. Кондрашов, Н. А. Осип Максимович Бодянский / Н. А. Кондрашов. – Москва : Издательство Московского университета, 1956. – 87 с.
4. Кондрашов, Н. А. Славянские языки / Н. А. Кондрашов. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 199 с.
5. Кондрашов, Н. А. Роман Фёдорович Брандт / Н. А. Кондрашов. – Москва : Издательство Московского университета, 1963. – 68 с.
6. Кондрашов, Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кондрашов Николай Андреевич. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1968. – 46 с.
7. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Часть I. История языкознания / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1972. – 173 с.
8. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Часть II. Проблемы языкознания и методы изучения языка / Н.А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1974. – 171 с.
9. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений / Н.А. Кондрашов. – Москва: Просвещение, 1979. – 224 с.
10. Кондрашов, Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1985. – 69 с.
11. Кондрашов, Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть 1. Древнерусский период / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1988. – 68 с.
12. Кузьмин, А. Татищев / А. Кузьмин. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 351 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 15 (620)).
13. Никитин, О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.) / О. В. Никитин. – Москва-Смоленск : СГПУ, 2001. – 129 с.
14. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Никитин Олег Викторович. – Москва : МГОУ, 2004. – 47 с.
15. Никитин, О. В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) / О. В. Никитин // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 81–89.
16. Никитин, О. В. Василий Евдокимович Адогуров (к 300-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 104–110.
17. Никитин, О. В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII в. // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 86–93.
18. Никитин, О. В. Филолог-славист Н.А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2019. – № 5. – С. 81–89.
19. Слово пуще стрелы : пословицы и поговорки русского народа, собранные В. Н. Татищевым / [составитель Н. Гашева]. – Пермь : Стиль-МГ, 2004. – 254, [1] с.
20. Татищев, В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / Сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / В. Н. Татищев. – Санкт-Петербург : Типография Горнаго училища, 1793. – Ч. 1–3.
21. Татищев, В. Н. Разговор о пользе наук и училищ / с предисловием и указателями Нила Попова / В. Н. Татищев. – Москва : Унив. типография, 1887. – XXVI. – 171 с.
22. Татищев, В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – Москва : Географгиз, 1950. – 248 с.
23. Татищев, В. Н. Избранные произведения / под общей редакцией С. Н. Валка / В. Н. Татищев. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – 464 с.
24. Татищев, В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. / В. Н. Татищев. – Москва : Наука, 1990. – 436, [3] с. – (Научное наследие; Т. 14).

O.V. Nikitin

«AHEAD OF HIS TIME»: SLAVIST-PHILOLOGIST N.A. KONDRASHOV AS A RESEARCHER OF V.N. TATISHCHEV'S LINGUISTIC HERITAGE

The article gives an analytical review of the book on V.N. Tatishchev by the famous Slavist Professor N.A. Kondrashov. The main provisions of this work are analyzed and commented on. It is noted that the book revealed the personality of the famous historian as an original linguist and teacher, who sought to penetrate into the complex problems of General linguistics, etymology, linguistic source studies, lexicology and lexicography. It draws attention to the fact that V.N. Tatishchev's philological views are important for assessing the development of Russian science in the 18th century and should be included in scientific and educational reviews on the disciplines of «Introduction to linguistics», «History of the Russian literary language», «History of linguistic teachings».

Vasily Nikitich Tatishchev, Nikolay Andreevich Kondrashov, history of linguistics, Philology of the 18th century, language theory, linguistic terminology, lexicography, historiography, linguistic source studies.

И.В. Селиванова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОЖДЕСТВЕНСКИХ РЕЧЕЙ ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ)

С момента реставрации монархии в 1975 г. рождественское обращение короля Испании является традиционным событием общественно-политической жизни страны и одним из немногих случаев прямого обращения главы государства к своим подданным. Это ежегодное выступление, широко освещаемое в средствах массовой информации, построено в строгих традициях классической риторики, имеет собственные языковые и композиционные особенности и носит символический и ритуальный характер. В статье анализируются метафорические модели, используемые с целью манипулирования общественным сознанием в текстах рождественских посланий Филиппа VI с 2014 по 2018 гг. («Война», «Строительство» и «Путь»). Их появление связано с желанием монарха убедить население в необходимости сохранения статуса-кво и единения перед лицом серьезных социально-экономических проблем (финансовый кризис, коррупция, безработица).

Политический дискурс, рождественские обращения, метафоры, испанская монархия.

В последнее время внимание многих специалистов привлекает изучение политического дискурса, цель которого – не только описать существующую реальность, но и «дать массам основу для изменения убеждений и побудить их к действию» [3, с. 104]. В современном мире возрастает роль средств массовой информации и стираются традиционные границы между властью и обществом, поэтому политические деятели стараются использовать скрытые приемы воздействия на публику, среди которых лидирующие позиции занимает метафора.

Теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора описывается как феномен сознания или когнитивный механизм, продемонстрировала большой эвристический потенциал применения на практике: ни одно исследование в этой области до сих пор не обходится без упоминания «отцов» концептуальной метафоры. На современном этапе развития гуманитарных наук интерес к изучению метафоры не только не ослабевает, а, наоборот, лишь усиливается (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, И.В. Бондаренко и др.). В настоящее время она рассматривается не просто как «украшение» речи, а как инструмент манипулирования общественным сознанием, как средство воздействия на социальные отношения и как способ отражения реальности в сознании носителей определенной культуры.

Значение метафоры заключается в ее способности влиять на восприятие действительности под определенным углом зрения. Как отмечал С.Г. Кара-Мурза, «поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой» [5, с. 125]. По мнению О.С. Иссерс, метафора представляет собой мощный инструмент воздействия, поэтому обращаться с ней надо крайне осторожно [4, с. 179].

Изучение функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале различных языков) привлекает внимание многих специалистов из различных областей в силу ее высокого манипулятивного воздействия. Психологи и лингвисты давно обратили внимание на важное свойство метафоры изменять отношение к ситуации, подсказывать принятие решений и влиять на поведение масс (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Боллинджер, Н.Д. Арутюнова, О.Л. Михалева, О.С. Иссерс, М.Р. Желтухина, А.П. Чудинов, Г.Ф. Черячукин, Е.Л. Доценко и др.).

Семантическая емкость метафоры в сочетании с ее экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью, по словам И.В. Бондаренко, позволяют ей реализоваться «в качестве уникального ресурса речевого воздействия и манипуляции сознанием». Использование привычных, легко узнаваемых образов повседневного жизненного опыта заставляет аудиторию без труда воспринимать новый объект или феномен политической жизни в свете знакомых сущностей. Иначе говоря, без видимого давления со стороны адресанта слушатели могут «прийти к заданному пониманию и восприятию выступления» [1, с. 59]. С помощью метафоры политические деятели в состоянии активно воздействовать на сознание адресата: убеждать его в правильности своей точки зрения, предлагаемых оценок и решений, описывать непопулярные меры образными наименованиями, объяснять сложные для понимания процессы общественно-политической жизни, скрывать реальное состояние дел или вызывать необходимую реакцию публики.

А.П. Чудинов отмечает, что метафора, под которой в настоящее время понимается любой способ косвенного выражения мысли (не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности), стала одним из важнейших признаков современной агитационно-политической речи. По его словам, ме-

тафоры (метафорические модели) должны рассматриваться в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей является важной частью национальной языковой картины мира (национальной ментальности), тесно связанной с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

А.П. Чудинов предложил свою классификацию разрядов метафорических моделей в политическом дискурсе с учетом антропоцентричности человеческого мышления: антропоморфная, природоморфная, социоморфная, артефактная («Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда») [7]. Их появление обусловлено желанием объяснить сложные феномены общественно-политической жизни доступным языком и повлиять на ход мысли адресата. В рождественских посланиях короля Филиппа VI преобладают социоморфная и артефактная метафоры («Война», «Строительство» и «Путь»).

Рождественское послание испанского короля как жанр политического дискурса

Общей характеристикой всех рождественских речей глав государств, независимо от национально-культурных особенностей страны, является отсылка к идее Рождества. В своих ежегодных выступлениях политические лидеры апеллируют к вечным ценностям: сохранение мира на Земле, милосердие к обездоленным, толерантность и любовь к ближнему [6, с. 276]. Кроме того, эти послания подчиняются строгим законам построения текстов, имеют собственные языковые и композиционные особенности и несут особую смысловую нагрузку, так как глава государства обращается к народу не только в качестве должностного лица, но и в качестве друга и соотечественника.

С 1975 г. рождественская речь испанского короля представляет собой традиционный акт общественно-политической жизни, во время которого он обращается с поздравлением ко всем своим подданным, подводит итоги года и определяет векторы развития страны (ретроспективный и перспективный взгляд). Используемые в послании метафорические модели способствуют упрощению восприятия сложных феноменов общественно-политической жизни, а также служат инструментом пропаганды государственной идеологии (призыв к объединению народа и сохранению института монархии). В настоящей статье рассматривается функционирование метафорических моделей («Война», «Путь» и «Строительство») на материале пяти рождественских обращений испанского короля Филиппа VI с 2014 по 2018 гг. Теоретической базой исследования стали труды российских и испанских специалистов в области политического дискурса (М. Касадо Веларде [10], Х. Медина Лонес [11], М. Вентеро Веласко [12], Е.И. Шейгал [8], А.П. Чудинов [7] и др.).

В рождественском послании коммуникация происходит «сверху–вниз», то есть адресантом выступает

король (глава государства), а массовым адресатом – все граждане Испании. Ежегодные послания Филиппа VI имеют свою жанровую специфику: во-первых, рассматриваемые выступления обладают четкой структурой (приветствие, поздравление с Рождеством, отсылка к событиям уходящего года, планы на будущее и заключительное слово) и значительно не отличаются друг от друга по содержанию (допускается лишь вариативность форм выражения); во-вторых, его речь не является спонтанной, так как зачитывается заранее подготовленный текст; в-третьих, рождественское обращение имеет символический характер: выполняет функцию объединения нации (король обращается ко всем гражданам без исключения) и свидетельствует о стабильности в общественно-политической жизни страны (уже устоявшаяся традиция с момента реставрации монархии). Первые годы правления Филиппа VI были омрачены активизацией сепаратистского движения (каталонский кризис), именно поэтому лейтмотивом его выступлений стал призыв к мирному сосуществованию в рамках единого и неделимого государства и соблюдению норм Конституции, которая должна являться путеводной звездой не только для политических деятелей, но и для всех граждан.

Метафорические модели «Война», «Строительство» и «Путь» в рождественской речи испанского короля Филиппа VI

Первые примеры использования военной метафоры приводятся Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Метафоры, которыми мы живем», без упоминания которой не обходится ни одно современное исследование в рамках когнитивной лингвистики. Анализ публикаций по указанной тематике (Э.В. Будаев [2], А.А. Эргашев [9] и др.) свидетельствует о том, что сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятийным областям в «метафорическом конструировании мира политики». Специалисты объясняют причины активного использования лексических единиц из данного семантического поля агональным характером политической деятельности, богатым военным опытом человечества и доминированием в политике мужчин [2, с. 29].

Репертуар заимствований из понятийной сферы «Война» в рождественских речах испанского короля чрезвычайно широк, что обусловлено ее способностью к моделированию действительности с помощью привычных и знакомых простым гражданам формул. Первая рождественская речь Филиппа VI (от 24 декабря 2014 г.) отличается особой эмоциональностью и напором за счет частого употребления милитарных метафор. Монарх убежден, что необходимо объединить все свои силы для эффективной борьбы с главными «врагами» общества (коррупцией и безработицей):

*Los problemas que he mencionado han dado lugar a una seria preocupación social. Sin embargo, **no debemos dejarnos vencer por el pesimismo, el malestar social, o por el desánimo; sino afrontar con firmeza y eficacia las causas de esos problemas, resolverlos y recuperar el sosiego y la serenidad que requiere y merece una sociedad democrática como la nuestra. Problemas, которые я***

упомянул, вызывают серьезные опасения среди населения. Однако нас не смогут **одолеть** пессимизм, тревога или упадок сил; мы должны стойко и эффективно **сражаться** с этими трудностями, чтобы восстановить мир и спокойствие, столь необходимые в нашем демократическом обществе.

<...> *La lucha contra la corrupción es un objetivo irrenunciable. <...> Борьба с коррупцией является одной из важных задач.*

Es evidente, por tanto, que la lucha contra el paro debe continuar siendo nuestra gran prioridad. Очевидно, что борьба с безработицей должна оставаться первоочередной задачей.

<...> *Debemos proteger especialmente a las personas más desfavorecidas y vulnerables. <...> Мы должны защищать в первую очередь тех, кто находится в тяжелой и уязвимой ситуации.*

В последующие годы король также прибегает к военным метафорам, чтобы напомнить о необходимости национального единства в борьбе с последствиями экономического кризиса и терроризмом:

<...> *Fortaleceremos nuestra cohesión nacional, que es imprescindible para impulsar nuestro progreso político, cívico y moral... <...> Мы будем укреплять национальное единство, которое необходимо для политического прогресса, развития гражданского общества и формирования нравственных ориентиров... (2015).*

<...> *Creo en una España decidida a superar las dificultades que, aunque grandes, son también vencibles. <...> Я верю, что Испания сможет одержать победу над любыми проблемами, какими бы сложными они ни были (2016).*

El terrorismo yihadista sigue siendo una amenaza mundial y este año nosotros lo hemos sufrido directamente en Barcelona y Cambrils. Исламистский терроризм продолжает представлять собой угрозу мирового масштаба, и в этом году мы испытали на себе его последствия в Барселоне и Камбрильсе (2017).

Развитие страны и повышение всеобщего благосостояния должны являться первоочередной задачей для каждого гражданина. Эту мысль монарх стремится донести с помощью лексических единиц из понятийной сферы «Строительство», среди которых следует отметить глаголы *construir* («строить», «развивать») и *edificar* («воздвигнуть») в различных формах и существительное *construcción* («строительство»). Их роль заключается в том, чтобы подчеркнуть необходимость единства нации при выполнении сложных задач (в частности, социально-экономическое развитие страны и процесс европейской интеграции):

Es necesario poner en valor lo que hemos construido juntos... Необходимо ценить наши совместные достижения... (2015).

Pero tenemos que seguir mirando hacia adelante construyendo nuestro país, construyendo también Europa. Но мы должны продолжать смотреть в будущее, участвовать в развитии не только нашей страны, но и Европы (2016).

2018 nos espera en unos días y debemos seguir construyendo nuestro país... Через несколько дней наступит

2018 год, и мы должны продолжать «строительство» нашей страны... (2017).

<...> *Tenemos la obligación <...> de seguir construyendo día a día un país mejor, más creativo, más dinámico... Мы должны продолжать развивать страну, которая будет с каждым разом все лучше и лучше, будет более креативной, динамичной... (2018).*

Лексические единицы из понятийной области «Путь» также активно употребляются в рождественской речи короля. В частности, развитие государства ассоциируется с движением вперед, с дорогой, ведущей к прогрессу и всеобщему благосостоянию:

Y sabemos además que tenemos que seguir caminando... И мы также знаем, что мы должны продолжать идти вперед... (2015).

Como es tradición, permitidme esta noche que comparto con vosotros algunas reflexiones sobre nuestro presente y sobre nuestro futuro, procurando extraer de todo lo que hemos vivido, especialmente durante este 2016, aquello que mejor nos ayude a seguir adelante. По традиции разрешите этой ночью поделиться с вами некоторыми размышлениями по поводу нашего настоящего и будущего, вспоминая пережитые за этот год моменты, чтобы идти вперед (2016).

Si seguimos por ese camino <...> yo estoy convencido de que el año que viene – y los que vendrán después – serán mucho mejores. Если мы дальше продолжим идти по этому пути <...> я уверен, что последующие годы будут намного лучше (2017).

Таким образом, в рождественском послании испанского короля актуализируются государственная идеология и ценности. Филипп VI упоминает о необходимости сохранения территориальной целостности и укрепления демократических институтов, равенстве всех перед законом, борьбе с терроризмом и другими социальными недугами (коррупция, безработица и пр.). Решение описываемых политических задач и проблем общественной жизни связывается с идеей единства нации, являющейся лейтмотивом проанализированных речей (с 2014 по 2018 гг.). Все эти цели достигаются за счет частотного употребления трех метафорических моделей («Война», «Строительство» и «Путь»), обладающих высоким прагматическим потенциалом. С их помощью испанский монарх может не только влиять на сознание слушателей, но и убеждать в правильности своей позиции и находить поддержку аудитории. В частности, метафорическая модель «Война» призывает к объединению нации против общих «врагов», в роли которых выступают различные социально-экономические и политические проблемы. Метафорическая модель «Путь» убеждает адресата в правильности выбранного направления развития государства. Движение к намеченной цели, то есть ко всеобщему благосостоянию и процветанию страны, должно являться первоочередной задачей для всех подданных. Метафорическая модель «Строительство» используется, чтобы не только показать необходимость участия каждого гражданина в развитии государства, фундаментом которого является Конституция, но и подчеркнуть важную роль Испании в процессе развития европейского проекта.

Литература

1. Бондаренко, И. В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении / И.В. Бондаренко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2019. – № 2. – С. 52–60.
2. Будаев, Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ / Э. В. Будаев // Acta Linguistica. Sofia. – 2008. – № 2 (1). – С. 29–36.
3. Демьянков, В. З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политической лингвистики / В.З. Демьянков // Язык СМИ и политика / под редакцией Г. Я. Солганика. – Москва : МГУ, 2012. – С. 77–121.
4. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта, 2020. – 240 с.
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Фадеева, Г. М. Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие / Г. М. Фадеева // Вестник МГЛУ. – 2016. – Вып. 7 (746). – С. 273–285.
7. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 176 с.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 328 с.
9. Эргашев, А.А. Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы / А. А. Эргашев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 393. – С. 48–54.
10. Casado Velarde, M. Lenguaje, valores y manipulación / M. Casado Velarde. – Pamplona : Eunsa, 2010. – 176 p.
11. Medina López, J. Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975-2013) / J. Medina López // Pragmática Sociocultural. – 2016. – № 4 (1). – P. 25–73.
12. Ventero Velasco, M. Los mensajes de Navidad del Rey / M. Ventero Velasco. – Madrid : La Ley, 2010. – 438 p.

I.V. Selivanova

METAPHOR FUNCTIONING IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE SPANISH KING'S CHRISTMAS MESSAGES)

Since the restoration of the monarchy in Spain in 1975, the Spanish King's Christmas messages are considered to be the main instrument of communication of the Head of State with his citizens. Although they do not have any legal status and belong to the realm of customs and traditions, these speeches receive wide media coverage as they are one of the few occasions when the monarch addresses the Spanish people. This article deals with the metaphors employed in the Christmas messages issued by Felipe VI from 2014 to 2018. Using metaphors from such semantic fields as «War», «Construction» and «Way», the monarch seeks to persuade the audience of the benefits of the status quo and the necessity of unity while solving serious socio-economic problems (financial crisis, corruption, unemployment, etc.).

Political discourse, Christmas messages, metaphors, Spanish monarchy.

Ю.М. Фаткабарова
Инвестиционно-банковская группа, Москва

ЯЗЫК, РАЗУМ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (обзор актуальных теорий)

В статье приведен обзор исследований языка, направленных на понимание мышления, и устанавливается их значимость для определения возможностей моделирования разумной деятельности человека в машине. Обозначена гипотеза для дальнейшего изучения естественных и искусственных систем через рассмотрение языка в трех аспектах: как множество элементарных частиц, совокупность мыслительных операций и механизм физиологической реализации.

Язык, разум, искусственный интеллект, универсальная грамматика, семантические примитивы.

В 1965 году британский математик и криптолог Ирвинг Дж. Гуд, коллега одного из основателей теории компьютерной науки и искусственного интеллекта Алана М. Тьюринга, работавший с ним вместе в годы Второй мировой войны в шифровальном подразделении Великобритании в Блетчи-парк, ввел в научный оборот понятие технологической сингулярности как гипотетического переломного момента в истории цивилизации, который наступит с развитием сверхчеловеческого разума: «Определим ультраразумную машину как машину, которая способна намного превосходить все умственные действия любого человека, каким бы умным он ни был. Поскольку проектирование машин является одним из таких умственных действий, ультраразумная машина могла бы создать еще более хорошие машины; тогда бесспорно произошел бы «взрыв в развитии интеллекта», и человеческий разум остался бы далеко позади. <...> Таким образом, ультраразумная машина – последнее изобретение, которое когда-либо нужно сделать человеку, при условии, что машина будет достаточно послушной, чтобы сказать нам, как держать ее под контролем» [11, с. 2–3]. Полвека спустя сосуществование человека и ультраразумных машин стало реальностью, однако способны ли машины к производству себе подобных и насколько близок прорывной момент в их развитии – актуальные вопросы для междисциплинарных компьютерных, лингвистических, психологических и физиологических исследований, ответы на которые связаны с пониманием природы человеческого разума, когнитивных способностей человека и перспектив их переноса на искусственные системы.

Исследователи неоднократно подчеркивали важность изучения языка для понимания природы разумных существ (ср. похожие идеи в историко-культурном ключе: [4; 5]). Лингвистический поворот при выборе объекта научного познания в этой области связан с именем австрийского философа Людвиг Витгенштейна, описавшего язык как условную черту между мыслью и ее выражением, границы которой определяют границы мышления человека [18, с. 85]. Слова приобретают значение при использовании в

социальном контексте, который «проигрывается» в соответствии с правилами, что позволяет философу назвать его «языковой игрой». Человек способен усложнять языковые игры, овладевая новыми правилами, формируя комплексные комбинации и ходы, для чего необходимы воображение и творчество [17]. Испанский когнитивист Стивен Миллз отмечает сходство идей Витгенштейна относительно освоения языка человеком и такого подхода в области искусственного интеллекта, как коннекционизм, в рамках которого осуществляется попытка моделирования мыслительных явлений в искусственных сетях из простых элементов (например, слов) по аналогии с биологическими [14].

В работе «Язык и мышление» американский лингвист Ноам Хомский отслеживает исторический вклад лингвистики в изучение мышления и отмечает будущие перспективы и значение исследований языка, которые позволят получить ответы на центральные вопросы психологии и представят в распоряжение ученых уникальную комбинацию большого объема данных и возможности точно формулировать основные вопросы [9, с. 58]. Ученый рассматривает язык как структурную иерархию – набор синтаксических правил, а не просто слов. Человек рождается с совершенным знанием универсальной грамматики как фиксированного алгоритма, который он использует для приобретения языка [9, с. 189]. В основе языка лежит логическая операция рекурсии, при которой происходит непрерывное циклическое повторение и соединения высказываний. Бесконечность рекурсии обуславливает бесконечное разнообразие человеческих языков. Хомский вместе с американским психологом, эволюционистом и антропологом Марком Д. Хаузером выдвигают ряд гипотез в связи со способностью к рекурсии и отбором элементов для нее для сопоставительных исследований человека и животных [12]. Хомский в соавторстве с профессором МИТ в области компьютерной лингвистики, эволюции и освоения языка Робертом С. Бервиком описывают язык как инструмент мышления: «внутренний язык» (I-language) представляет собой внутреннюю систему мышления,

имеющую экстернализацию (в том числе речь) той или иной коммуникативной эффективности [7, с. 90]. Хомский критикует сферу искусственного интеллекта за использование сложного статистического подхода, который позволяет в короткие сроки эффективно обрабатывать массивы данных и делать в результате предсказания, однако пока не дает возможности проникнуть в суть мышления и природы разума, оставаясь, скорее, полезным практическим инструментом, а не прорывным достижением [10].

Интересна критика теории Хомского со стороны польского лингвиста Анны Вежбицкой, которая видит в ней «лингвистику без значения» [16, с. 3]. Анна Вежбицкая также ставит задачу «выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка» [1, с. 225], и обращается к исследованиям семантики естественного языка для выделения универсального метаязыка, образованного элементарными смыслами «я», «жить», «хороший», «далеко» и т.д. Смысл грамматических форм также включен в анализ Вежбицкой (см., например, работы «Дело о поверхностном падеже» [2, с. 255–302] и «Семантика грамматики» [2, с. 135–330]). Анна Вежбицкая отмечает, что понимание сложных высказываний возможно, потому что они построены из простейших и самопонятных элементов, которые не требуют пояснений и отобраны произвольно [16, с. 112]. При этом она критикует создателей искусственных языков за склонность рассматривать элементарные термины («семантические примитивы») как произвольно отобранное множество определяемых элементов [2, с. 28].

В интервью «Где искусственный интеллект пошел не туда?» Ноам Хомский отмечает, что в когнитивной науке мы находимся на догалилеевом этапе развития, предстоит исследование, необходимо определить методологию, единицы для описания и должный уровень абстракции. Общий перспективный научный подход для последующего изучения информационных систем, которому симпатизирует Хомский, сформулирован британским нейробиологом и психологом Дэвидом Марром на примере зрения [8].

Дэвид Марр определяет три уровня, на которых необходимо исследовать сложную систему переработки информации, чтобы утверждать полное понимание этой системы. Первый уровень – «вычислительный», связан с изучением информации ввода и вывода в системе (проецирование изображения на сетчатку и идентификация объекта мозгом). На этом уровне можно определить задачу, выполняемую системой, и стратегию для выполнения этой задачи. На втором уровне «репрезентация и алгоритм» анализу подвергается сам процесс ввода и вывода информации как репрезентация или воспроизведение и представление сенсорных данных ввода и вывода и алгоритм их трансформации для выполнения цели системы, наблюдаемой при рассмотрении на первом уровне. Предмет изучения на третьем уровне «реализация оборудования» – механизм физического осуществления биологическим «оборудованием» организма (клетки, системы) репрезентации и алгоритма [13, с. 24–25].

Подход Дэвида Марра открывает возможности для междисциплинарного описания языка в естест-

венных и искусственных системах. Его применимость к языку может быть подтверждена или опровергнута, подход может быть дополнен и доработан либо отвергнут и заменен новой комплексной, междисциплинарной, разносторонней методологией. Задачей исследования первого уровня применительно к языку станет определение элементарных частиц для изучения, подобных грамматическим универсалиям Ноама Хомского или семантическим примитивам Анны Вежбицкой. Междисциплинарный анализ позволит включить сюда и внеязыковые элементы и как стимулы, и как реакцию системы языка. На втором уровне необходимо описать процессуальный аспект языка и изучить операции, как это сделал Хомский на примере рекурсии или немецкий профессор в области компьютерных наук Александр Вайбель для просодии [15]. Примеры исследований на третьем уровне (механизмы реализации языка) – учение И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах [6] или работы российского психиатра и физиолога В.Л. Деглина, который описал специализацию полушарий: восприятие звуков, особенности теоретического мышления и т.д. [3].

Подводя итог, отметим, что, несмотря на актуальность проблематики лингвистического обеспечения интеллекта и достижения в области изучения языка для понимания разума и мышления, с момента появления в 1955 г. термина «искусственный интеллект» исследователи описывают текущий момент развития лингвистики как накопление фактов, то есть «нормальную науку», а не «научную революцию» в терминологии Томаса Куна. Смена парадигмы еще предстоит после понимания механизмов языка и разума и подтверждения или опровержения возможности их полного переноса на искусственную систему.

Литература

1. Вежбицкая, А. Семантические примитивы / Ю. С. Степанов // Семиотика. – Москва : Радуга, 1983. – С. 225–252.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
3. Деглин, В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека / В. Л. Деглин. – Амстердам – Киев : Женевская инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. – 152 с.
4. Никитин, О. В. Проблемы изучения языка русской деловой письменности в научных воззрениях В. В. Виноградова / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1999. – № 2. – С. 113–127.
5. Никитин, О. В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) / О. В. Никитин // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 81–89.
6. Павлов, И. П. Полное собрание сочинений : Том 3, книга 2. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 435 с.
7. Berwick, R. Why Only Us. Language and Evolution / Berwick, R., Chomsky, N. – Cambridge (MA) : MIT Press, 2016. – 228 p.
8. Chomsky, N. Noam Chomsky on Where Artificial Intelligence Went Wrong / Noam Chomsky interviewed by Yarden Katz / Chomsky, N., Katz Ya. // The Atlantic. – 2012. – URL : <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/11/noam-chomsky-on-where-artificial-intelligence-went-wrong/261637/>

single_page=true (дата обращения: 28.11.2019). – Текст : электронный.

9. Chomsky, N. Language and Mind / Chomsky, N. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 209 с.

10. Chomsky, N. Q&A transcribed / Chomsky, N. – Text : Electronic // Keynote Panel: The Golden Age – A Look at the Original Roots of Artificial Intelligence, Cognitive Science, and Neuroscience. – URL: <http://languagelog.ldc.upenn.edu/myl/PinkerChomskyMIT.html> (дата обращения: 28.11.2019).

11. Good, I. J. Speculations Concerning the First Ultra-intelligent Machine / Good, I. J. – Text : Electronic. – URL: <https://web.archive.org/web/20111128085512/http://commonsenseatheism.com/wp-content/uploads/2011/02/Good-Speculations-Concerning-the-First-Ultra-intelligent-Machine.pdf>? (дата обращения: 28.11.2019).

12. Hauser, M. D. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? / Hauser, M. D., Chomsky, N., Fitch, T. – Text : Electronic // Science. – Washington D.C., 2002. – Vol. 298. – P. 1569–1579.

13. Marr, D. Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information / Marr, D. Vision. A. – Cambridge (MA) : MIT Press, 2010. – 393 p.

14. Mills, S. Wittgenstein and Connectionism: A Significant Complementarity? / Mills, S. // Philosophy and Cognitive Science, Royal Institute of Philosophy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – Supplement 34. – P. 137–158.

15. Waibel, A. Prosody and Speech Recognition / Waibel, A. – London : Morgan Kaufmann, 1988. – 212 p.

16. Wierzbicka, A. Semantics. Primes and Universals / Wierzbicka, A. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1996. – 500 p.

17. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / Wittgenstein, L. – Oxford : Basil Blackwell, 1958. – 250 p.

18. Wittgenstein, L. Tractatus Logico-Philosophicus / Logisch-philosophische Abhandlung / Wittgenstein, L. – London : Kegan Paul, 1922. – 120 p.

Yu.M. Fatkabrarova

**LANGUAGE, MIND AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
(current theories review)**

The article reviews the language studies seeking to understand the intellection. It proves their significance in determining the possibilities of modeling the intellectual activities of a human in a machine. The author outlines the hypothesis for further research into natural and artificial systems through exploration of language in three aspects: as a body of elementary units, a set of mental operations and a mechanism of physiologic implementation.

Language, mind, artificial intelligence, universal grammar, semantic primes.

Л.В. Довыденко

*кандидат филологических наук, секретарь Союза писателей России,
главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», Калининград*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ Л.Г. ЯЦКЕВИЧ:

**СЛОВО О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ. Вологда, 2011. 272 с., КВАСЮНИНСКАЯ ПОГОВОРОЧКА:
ЯЗЫК МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА. Вологда, 2017. 168 с.**

СЛОВО О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Людмила Григорьевна Яцкевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного университета – соединила в своей книге «Слове о родной деревне» научную работу с краеведческой, устное народное творчество и богатую народную речь с живой семейной хроникой родной деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области, своей семьи и земляков в исторический период с конца XIX века до середины XX века. Этот удивительный труд сочетает в себе достоверные как письменные, так и устные источники, и исследовательница, вслушиваясь в речь односельчан, смогла оформить словарь диалектных слов и фольклоризмов, употребляемых в квасюнинских частушках, которые в количестве 720 четверостиший составляют существенный раздел книги. Открывает «Слово...» глава «Край студеной, смиренной доли...», в которой предстает история духовной жизни деревни Квасюнино, где жители до сих пор чтят память преподобного Антония Черноезерского, прибывшего в глухие леса Шекснинского края в XVI веке и основавшего Черноезерскую в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужскую пустынь (монастырь). В течение веков монастырь уничтожился в результате нашествия польских войск, горел, а в 1875 году на месте монастыря была построена приходская церковь. Жители Квасюнина были очень тесно связаны с этой церковью, отличаясь набожностью, отправляясь в паломнические странствия по монастырям России, доходя даже до Афона. Одним из подвижников веры Христовой был Иван Фёдорович Калинин, постриженный в монашество под именем Иннокентий, арестованный и погибший в тюрьме в 1939 году. Организатором возобновления монастыря была Таисия (Солопова), первая настоятельница пустыни Антонина (Назарова). Первая икона Скоропослушница была написана по благословию игуменьи Таисии Леушинской на святой горе Афон, а когда икона прибыла на станцию Шексна поездом, то встречали ее три крестных хода, так же как и вторую святую – икону Божьей Матери «Взыскание погибших», прибывшую в 1915 году.

Архиепископ Кирилловский Тихон (Тихомиров) в 1920 году создал акафист преподобному Антонию Черноезерскому, где прославляется монашеский под-

виг. Таким образом, автор книги «Слово о родной деревне» обобщила исследования по духовной истории деревни, и перед читателем встают и имена православных подвижников, и, как написал в стихотворении «Я дарю тебе этот край» Кирилл Иванович Вальков: «Этот облик и этот лик / Красоты, для мира незримой». Уникально собрание частушек деревни Квасюнино конца XIX – начала XX века, записанных Л.Г. Яцкевич из уст Надежды Феофановны Калачевой, Ульяны Ивановны Вальковой, Раисы Ивановны Тихомировой, Галины Евстафьевны Калачевой. Частушки обладают ярким местным колоритом, расположены в алфавитном порядке по первому слову стиха. По содержанию это или любовные сюжеты, или тоска по уехавшему милому, или юмористическая характеристика неудачных ухаживаний. Среди семи сотен частушек семейные сюжеты, множество картинок сельской жизни, уход за животными, бытовые зарисовки, праздники, плясовые частушки. Как один из жанров русской народной лирики, очень популярный в указанный период, частушки дают эмоциональную окраску выбранной теме, выражают определенные чувства по поводу того или иного события. Короткая рифмованная песенка, исполняемая более быстро, чем протяжная песня, предназначается для публичного исполнения в мажорном, бодром тоне, отличается импровизацией, экспромтом относительно какого-то явления, события, человека. Людмила Григорьевна очень интересно описывает священное место, куда ходили жители Квасюнина на гулянья на Троицу или на Пасху, где пели, танцевали и исполняли частушки, – это древняя Репинская сосна и священный камень у реки Игайки, протекающей по древнейшим священным языческим местам. Из исследования лексики собранных частушек, в которых встречается большое число морфологических и синтаксических диалектизм, родился «Словарь диалектных слов и фольклоризмов», в состав которого вошли местные слова, диалектизмы жителей деревни Квасюнино и слова, бытующие в произведениях устного народного творчества, в том числе в собранных частушках. В словаре дается грамматическая характеристика слова и его лексическое значение, а также проделан огромный труд по сопоставлению значения слова с родственными – в толковых словарях современного русского языка и в словарях русских народных говоров, исторических словарях, с указанием

номера частушки. Большую часть книги «Слова о родной деревне» составляет семейная хроника, получившая название «Живая старина деревни Квасюнино». Начинается она с истории встречи прадедушки и прабабушки. Описывается родословное древо Вальковых устами их внуков и правнуков, и сама автор подробно повествует, зачастую переходя на язык художественного изложения, о встречах с многочисленными родственниками, одаренными прежде всего любовью к родной деревне, берегам Шексны и Игайки, к отчему краю. Судьбы нескольких поколений Вальковых сложились по-разному: это крестьяне, умеющие читать, знающие много стихов наизусть, сеющие, выращивающие скот. Они шьют, мастерят, играют на музыкальных инструментах, речь их пересыпана пословицами и поговорками, и это представители семьи, получившие образование, осознанно выбравшие путь духовного служения своему народу. Часто бедность и голод, потери детей, жилища, репрессии, преждевременная смерть, когда, например, крестьянин отдает своего любимого, единственного коня в колхоз, а на следующий день умирает, и в то же время часто смирение, принятие и ласковое отношение к окружающему миру. За судьбами нескольких поколений уроженцев Квасюнино – судьбы России, как справедливо отмечает автор словами Василия Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту». Людмила Григорьевна пишет: «К весне 1933 года разруха в северных русских деревнях дошла до края бездны. Но и заглянув в нее, не потеряли мужики головы и сохранили живую душу. Особенно яркой свечой горела душа у крестьянских детей, рожденных в годы войны, революции и разрухи. Через этих детей Русь выживала и снова воскресала, распятая на кресте двадцатого века». Книга богато иллюстрирована черно-белыми фотографиями, с которых на нас смотрят одухотворенные лица. Автор описывает семейную икону Богородицы: «Это икона будто освятила и осветила убогое жилище русской крестьянки... И мне казалось: сошлись здесь вместе страшное убожество жизни земной и высокая очищающая красота жизни небесной». Трагическая страница в истории села Квасюнино – восстание крестьян в 1918 году на Шексне, описание которого принадлежит перу Владимира Антоновича Яцкевича. Он пишет, что это восстание, как Ярославское, Тамбовское, закончилось разгромом, последующим расстрелом наиболее активных участников, массовыми репрессиями. Пронзительны строчки о любви и смерти «крестьянского генерала» Николая Шерстнева. Заключительная глава «Слова о родной деревне» посвящена поэту Владимиру Калачеву, родному дяде Людмилы Григорьевны. Уходя на фронт в 1941 году, он оставил у матери свои стихи и письма, которые потом бережно хранила мама Людмилы Григорьевны. Владимир Калачев погиб в 1943 году в бою за Снявинские высоты в возрасте 24 лет. Он был необычайно поэтически одарен. В книге приведена подборка его стихов, посвященных родной деревне: *Ключ студеный, ключ холодный, Напой водой меня. Под листовую прошлогодней Ты бежишь, струей звеня...* *Радуй-*

ся дыханью лета, Блеску утренней травы. Пропую я на рассвете Песню светлую души.

И автору книги удалось пропеть светлую песню души уроженцев Квасюнино. Какие бы трагические страницы жизни ни вставали перед читателем, какие бы бездны богоотступничества ни открывались, нет ощущения ни сокрушенного ума, ни усталого сердца. Черпая в любви к своей земле, родной деревне надежду и веру, глубокое родовое чувство переполняет нашу общую память и память о своей собственной истории семьи, это чувство ведет к соединению нас всех, выходцев из таких же небольших деревень или больших городов, ведет от рассыпанности к невидимому единству, от обладания которым мы чувствуем победу света над тьмою.

ТЕПЛО РОДНОЙ РЕЧИ

О книге Л.Г. Яцкевич «Квасюнинская поговорочка» (Вологда, 2017). В течение нескольких десятилетий автор книги и ее родственники (Ольга Андреевна и Юрий Андреевич Вальковы) бережно записывали поговорки и частушки жителей деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области и тем самым сохранили для потомков традиционные поэтические формулы и региональные особенности языка малых жанров фольклора. Представленные в книге Л.Г. Яцкевич, они запечатлели особенности словесной культуры жителей этой деревни в первой половине XX века. Не диалекты, не говоры, а ласково «поговорочка» называют в Квасюнино особенности своей родной речи: *У милого моего Поговорочка на «о». Я за эту поговорку Любила-то его.* Книга Л.Г. Яцкевич вносит богатый вклад в лингвофольклористику – научное направление, представители которого исследуют язык произведений устного народного творчества. Малые жанры фольклора – это и «явления языка», и «явления мысли». Они не могут существовать в отрыве от живого общения, конкретного разговора в определенной жизненной ситуации. Их родная среда – это живая, органичная речь, смысловая целостность: *От Череповца до Рыбинска И глаз не осушил. По тебе, моя сударушка, Всё плакал да тужил.* И веют древней поэтикой частушки, в которых звучат традиционные народные сравнения: *У родимой-то у матушки, Как алый цвет цвела. У лихия у свекровушки Завяла, как трава.* Отец Павел Флоренский в своей работе показывал художественную значимость частушки, говорил о древности этого жанра, отмечал, что короткие поэтические произведения – это особое языковое и духовное явление в культуре многих народов, приводил в пример японские танки. Людмила Яцкевич справедливо задается вопросом, почему во всем мире признаются художественные достоинства японских хокку, танков, песен гейш и почему мы так мало ценим старинные русские частушки, являющиеся замечательным явлением русской народной культуры. Поэтическая особенность этого фольклорного жанра такова, что в лирическом сюжете частушек фиксируется лишь кульминационный момент событий, и поэтому большую роль играет подтекст и контекст. Квасюнинские частушки, как и в других областях России, исполняются речитативом. Автор исследования опи-

рается на мнение писателя Василия Белова, считавшего, что в частушках проявился талант русского народа: «она стала самым популярным фольклорным жанром, накопив в течение времени образную энергию языка». Для поэтики частушек характерно заимствование многих традиционных устойчивых словесных образов из былин и народных песен: *Пойду-выйду в чисто поле, Погляжу в ночную даль. Ветры буйные сказали: «Не придёт, не ожидай»*. В поэтическом языке частушки постоянно присутствуют устойчивые образные конструкции, поэтические формулы, описанию которых автор книги посвятила отдельную главу. Появление книги Л.Г. Яцкевич закономерно, поскольку она более 25 лет работает на филологическом факультете Вологодского университета, где издавна сложились глубокие традиции диалектной лексикографии: изданы многие диалектные и фразеологические словари: «Словарь вологодских говоров» в 12 выпусках (1983–2007), «Вологодское словечко. Школьный словарь диалектной лексики» (2011), «Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах» (2014), книга Л.Ю. Зориной «Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры» (2012). Особый вклад в создание этих словарей внесли Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина, Е.П. Андреева, Т.В. Парменова и другие сотрудники. На мой взгляд, их по праву необходимо включить в ряд таких могучих исследователей вологодских говоров и фольклора, известных с XIX века, как: Н.Г. Ордин, П. Симони, Н.Ф. Бунаков, И.И. Лабардин, Г.Н. Потанин, Н.А. Иваницкий, С.В. Викуловец. Золотые россыпи богатых словарей образной речи северных крестьян, собранные этими учеными-краеведами, трудно переоценить по культурной и научной значимости. В книге «Квасюнинская поговорочка» представлено более 400 местных пословиц, поговорок, присловий и устойчивых выражений, в других словарях не имеющих. Проведена огромная работа по составлению «Словаря словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино». Когда я дошла в книге до «Частотного словаря гнезд, расположенных по мере убывания частоты», душа моя наполнилась умилением. Оказывается, наиболее часто употребляемые слова в частушках деревни Квасюнино: милый, любовь, девушка, мать, дом, дума, сердце, живой... К женщинам обращались ласкательно: *Аннушка, Марьюшка, Галинушка, Ефросиньюшка, Ульянушка* даже в старости. Такой была обстановка общения в крестьянской среде. Издревле в русском народе естественно и органично сохранялись любовь и человечность в семье и в крестьянской общине. Они находили словесное оформление – как сама возможность дальнейшего совершенствования русского человека. И труд Людмилы Григорьевны Яцкевич направляет наше читательское внимание к своим корням, к истории, вере и отеческим святыням, показывает осознанное стремление к свету с величайшей благодарностью по отношению к предшествующим поколениям. В исследовании выделяются лирические, трагические и смеховые сюжеты частушек. Часто это принародная исповедь, иносказательное повествование. Как отмечал В.И. Белов, «в частушечном монологе выражает-

ся исповедальная энергия... любых оттенков душевного состояния». Разнообразный по тематике фольклор малых жанров – это, как пишет Л.Г. Яцкевич, «энциклопедия жизни крестьян в переломную эпоху конца 19-го – первой половины 20 века», где нашли отражение «северная природа, крестьянский труд и быт, рекрутство, тюрьма, взаимоотношения в миру, любовь и дружба, беды и радости, нравственные критерии отношения к событиям как личной, так и общественной жизни, любовь к родному краю и гражданская смелость».

Отдельную часть книги составляет исследование имен собственных в малых жанрах фольклора: имена собственные городов Русского Севера, имена рек – Волга и мифическая Дунайка, редко – известных государственных деятелей. Часто упоминается родное Квасюнино и близкие к нему деревни, имена и фамилии односельчан:

*Топни-ка, ножка,
Резинова калошка.
До чего парень хорош
У Морева Алёшка.*

В книге собран словарь диалектных слов и фольклоризмов в квасюнинских частушках, который позволяет судить о словесной культуре талантливых людей, о судьбах которых вспоминают в своих дневниках и книгах их потомки: Ю.А. Вальков, О.А. Валькова, Л.Г. Калачева (Яцкевич). В Квасюнино жили и свои деревенские поэты: Александр Фёдорович Тихомиров (1874–1942), его сыновья Александр и Ростислав, брат Юрий, сестра Ольга – Вальковы, братья Сергей и Кирилл Вальковы, братья Анатолий и Владимир Калачевы.

Поэт Владимир Степанович Калачев погиб 25 июля 1943 года в боях за Сиявинские высоты. Стихи успел опубликовать лишь во фронтовой газете «Отважный воин». Он переписывался с известными поэтами-современниками: Всеволодом Рождественским, А. Прокофьевым, И. Молчановым, В. Мануйловым. В Квасюнино стихи писали даже женщины-крестьянки, например, Ефросинья Никитична Шубина, воспитавшая одна пятерых детей после смерти репрессированного мужа – сельского учителя, крестьянина, получившего образование благодаря своей настойчивости и упорному труду. Жили в Квасюнине и талантливые рассказчицы, например, Ульяна Ивановна Валькова, мастерица слушать, рассказывать и утешать, поругать, если было за что: «Не поддёргивай! На поддержку не купишь красную телушку, а пёструю, и ту бесхвостую». На жалобы собеседника с юмором отвечала: «Ты, парень, шилом патоки не хлёбывал». Давно я не читала такой глубокой и воодушевляющей книги, как «Квасюнинская поговорочка». Как писал в книге «Лад» Василий Белов, «шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов».

Чтение книги Людмилы Яцкевич доставляет наслаждение, открывает нам «тепло родной речи», согревает «сиротеющую в холодном мире душу».

Ушли из жизни знатоки и исполнители частушек и поговорок, сельский быт утратил традиционную народную эстетику, но бесценны записи фольклорных текстов для истории и культуры русского народа. В 2017 году Арина Алексеевна Медведева, ученица Л.Г. Яцкевич, отправилась на родину своего учителя в фольклорную экспедицию. Она решила узнать, что же сохранилось из былых фольклорных богатств Шекснинского края. Оказалось, что еще живы в деревнях

былые частушечницы, есть и любители собирать старинные частушки и записывать их, чтобы сохранить для будущих соотечественников. А еще А.А. Медведева обнаружила, что появились самородные поэты-частушечники, которые целыми тетрадами записывают свои авторские частушки. Но это уже иные частушки и по духу, и по поэтике, и по своему назначению... Что же, времена меняются, но творческий дух народа по-прежнему жив.

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛУЦЕНКО Е.М. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА
«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2017. 120 с.
(Школа вдумчивого чтения)**

Путеводители серии «Школа вдумчивого чтения» МГУ традиционно любимы за высокий профессиональный уровень их подготовки, и эта книга не исключение. Первая глава («В добрый час!») высвечивает основную проблематику исследований, связанных с «Ромео и Джульеттой». В зарубежном шекспироведении пьеса исследована с особой тщательностью. В лучших серийных изданиях («Arden», «Oxford», «New Cambridge») – слово за словом, реплика за репликой – пояснены трудности языка, исторические реалии, а также прокомментированы истоки пьесы, ее (анти)петраркистская направленность, стилистика. Проработав практически все основные англоязычные издания, Елена Михайловна Луценко избрала четкую, стройную композицию для компактного изложения богатейшего материала.

Во 2 главе подробно освещены источники шекспировского сюжета, формировавшегося в Европе на протяжении веков. Вместе с составителем путеводителя мы обращаемся к содержанию новеллы Мазуччо о Ганоцце и Марьотто (1476), восходящей к роману Боккаччо «Филоколо» (Боккаччо, в свою очередь, позаимствовал его из «Романа о Трое»). Имена героев в традиционные для нас Ромео и Джульетту превратил Луиджи да Порто (1524). Он перенес действие из Сиены и Александрии в Верону и Мантую, ввел мотив кровной вражды семейств, позаимствовав его из новеллы Леоне Баттиста Альберти «Маленькая история о любви Леоноры де Барди и Ипполито Буондельмонте» (1470). Фамилии семейств взяты да Порто из «Божественной комедии».

Подробно разобрана новелла «Несчастливая смерть двух неудачливых любовников...» (1554) Маттео Банделло. Именно она была положена в основу французской переделки гуманиста, издателя и переводчика Пьера Буато (1517–1566). На английский язык ее перевел Уильям Пейнтер. Предполагают, что Шекспир читал и Пейнтера, и Артура Брука (1562). Поэма этого «мас-

тера подробностей» (с. 21 – здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемой книги) написана, когда ему было чуть за 20 (вскоре он погибнет при кораблекрушении). Шекспир его «словно созданную из свинца» поэму «переплавил в золото» (с. 22). Убедительно показано, какие изменения и с какой целью внесены Шекспиром.

Остановившись на вопросе о том, что такое «остроумная трагедия» (3 глава), и раскрыв функции пролога (4 глава), Е.М. Луценко переходит к подробному комментарию текста. Хорошее знание изданий трагедии (Н.Н. Furness (Нью-Йорк, 1963), G.B. Evans (Кембридж, 1988), J.L. Levenson (Оксфорд, 2000)), отечественных и англоязычных трудов (Н.Я. Берковский, А.А. Смирнов, И.О. Шайтанов, J. Bullough, L.C. Camaiora, K. Cartwright, I.G. Dash, Ch. Edelman, B. Evans, R.L. Greaves, M. Mahood, G.M. McCown, O.H. Moore, G. Whittier) позволяет выделить ключевые моменты, нуждающиеся в комментариях на русском языке. Главные цели комментария – раскрыть жанровое своеобразие («пьеса соединяет в себе черты комедии, трагедии и сонетного цикла» с. 6), приблизить читателя к пониманию шекспировской фразеологии, идиом и шуток персонажей, живущих в Вероне, но говорящих на языке елизаветинского Лондона.

5 глава «“Око за око”, или Двое из дома Капулетти» (с подразделами «Ишаки веронского Смитфилда», «Уличная девка», «Кукиш Кейплов») посвящена трудной для перевода 1-й сцене – перебранке слуг, которые появляются в пьесе первый и единственный раз. Интересна гипотеза исследователя, с какой целью Шекспир ввел эту сцену: он «дает драме новую оптику, раздвигает ее границы: до него психология частного внутри главного сюжета практически не являлась предметом рассмотрения» (с. 43). Сцена с участием Самсона и Грегори – репетиция последующих трагических поворотов событий: «Из-за такой же легковесной, но гораздо более учливой и изящной игры в

слова погибает – как будто случайно – в третьем акте жизнелюбивый Меркуцио. Что же это – сбывающееся предзнаменование звезд или предостережение самого Шекспира о цене слов и их уместности, о ценности человеческой жизни?» (с. 44). На примере детально разобранный фрагмент продемонстрирована двунаправленность шекспировского смеха, рассчитанного на разные типы зрителей (от публики стоячего партера до утонченных аристократов лож), и развертывание «круговорота трагедии», по выражению Н.Я. Берковского (с. 43).

6 глава «На балу у Капулетти» раскрывает второе – домашнее – пространство пьесы. Названия подразделов красноречивы: «Брачный договор», «Кусочек марципана, или Предпраздничная суэта». При подробном обсуждении этой темы на школьных и университетских занятиях возможно углубление в разговор, как сказано в путеводителе, о «замысловатом описании» (с. 48) юного лика Париса. Леди Капулетти советует дочери читать его как книгу. В том же 2017 году, когда была издана рецензируемая книга, вышла статья Елены Владимировны Халтрин-Халтуриной «Два жениха и два сонета: о поэтических формах в «Ромео и Джульетте»». Кроме трех сонетов, традиционно отмечаемых исследователями, Халтрин-Халтурина обратила внимание на четвертый – «сонетухаживание». Она назвала его «сонетом Париса». Сопоставление произнесенного леди Капулетти «сонета Париса» и сонетного диалога Ромео и Джульетты во время бала – интересное и продуктивное углубление и в проблематику трагедии, и в семиотику сонетной формы, использованной в трагедии [2, с. 94].

Петраркистская тема раскрывается в главе 7 «По законам куртуазного кодекса» (подразделы: «Ромео и его Розалина», «Вот взошла луна золотая...», «Авраам Купидон и повитуха фей», «Диспут о жареном гусе»). Уже в первой сцене первого акта в разговоре Бенволио и Ромео намечены все основные мотивы петраркизма. С одной стороны, подобно любому сонетному герою, Ромео безнадежно влюблен и выражает чувства к возлюбленной изысканным петраркистским языком. С другой стороны, в поэзии Петрарки непредставима двойная влюбленность. Исследователь напоминает, что история с Розалиной настолько шла вразрез с традицией. Даже в XVIII веке Дэвид Гаррикс убирал все реплики, относящиеся к первой любви Ромео: полностью исключал из действия Розалину.

Таинству венчания посвящена 8 глава. Ее подразделы: «Францисканский монах», «В ожидании брачной ночи», «Между небом и землей...». В первом – пристальный взгляд в образ Лоренцо, монаха-францисканца. По мнению Н. Гербеля, он «заменяет в драме Шекспира ход древнегреческой трагедии, потому что сколько-нибудь важное в драматическом отношении событие находит себе постоянные отзвуки в отце Лоренцо...» (с. 74). Любопытны факты об острей в елизаветинской Англии ситуации с тайными венчаниями, например, когда Джордж Бибсон в 1600 году самовольно – без согласия их родителей – обвенчал пару, он был отлучен от церкви. В 1590–1595

годы специальная комиссия вынесла обвинения пятерым священникам, совершившим тайные обряды венчания в епархии Йорка.

В 9 главе, посвященной Меркуцио и его смерти, отмечу обсуждение реалий, отсылающих к истории фехтовального искусства. Тибальт и Меркуцио представляют разные – испанскую и итальянскую – школы фехтования, и не очевидная при чтении линия пьесы становится ясной при разборе – она усиливает составляющие конфликта трагедии.

Не останавливаясь подробно на 10 главе («Раскол в доме Капулетти» с подразделами «Предсвадебные хлопоты», «Встреча “невесты” и жениха», «Мнимые похороны», «Радость сердца») и 11-й («Торжество любви»: «Яд шарлатана», «Страхну я иго несчастливых звезд...»), отмечу, что книга предоставляет не только сведения о реалиях и тонкие литературоведческие комментарии, но и возможные темы для дискуссии. Согласимся ли мы, например, с исследователем в том, что Джульетта (при разговоре с отцом Лоренцо в 1 сцене 4 акта) «ведет себя как настоящая итальянка или шотландка. В одержимости, в непоколебимости своего решения она близка к персонажам трагическим и даже самой леди Макбет» (с. 96).

В 12 главе приведена краткая сценическая история пьесы в Англии и в России. Первая переделка (версия В. Померанцева) была представлена в Петровском театре в Москве 24 октября 1795 года. В 1827 году в Москве шла «мелодрама с хорами и балетами» А. Ротчева «Ромео и Юлия», где Ромео исполнял П. Мочалов. Рассмотрение истории постановок доведено до начала XXI века.

История перевода началась со стихотворного отрывка (монолог Ромео из 5 действия) М. Сушковой в 1772 году. Первый полноценный перевод выполнен П. Расковшенко в 1839 году. Из переводов XIX–XX веков эпохальными автор считает переводы Ап. Григорьева, Б.Л. Пастернака и Т.Л. Щепкиной-Куперник.

Первой отечественной интерпретацией пьесы стало предисловие издателя и переводчика Н. Гербеля к переводу Д. Михаловского (1899). Он полагал, что Ромео и Джульетта наказаны по справедливости, ибо «вся нравственная жизнь их сосредоточивалась в одном чувстве страстной любви, которая делала их и слепыми, и глухими ко всему остальному» (с. 111).

Компактный синопсис пьесы и список рекомендованной литературы завершают это удачное издание, продолжившее традицию передачи исследовательских знаний любителям вдумчивого чтения.

Литература

1. Луценко, Е.М. Путеводитель по пьесе У. Шекспира «Ромео и Джульетта»: учебное пособие / Е.М. Луценко. – Москва: Издательство Московского университета, 2017. – 120 с.
2. Халтрин-Халтурина, Е.В. Два жениха и два сонета: о поэтических формах в «Ромео и Джульетте» / Е.В. Халтрин-Халтурина // *Studia Litterarum*. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 94–117.

Е.А. Ермолин

*доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой журналистики и издательского дела
Ярославского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯКУШЕВА Л.А.
ФОН И ФИГУРА: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ:
монография. Вологда: ВоГУ, 2019. 159 с.**

Энтелехия культуры реализуется как опережающая исторические и социальные возможности воля к глобальному синтезу. Но реализуется этот синтез прежде всего сугубо персонально, в личностном опыте и ментальном, интеллектуальном становлении. Представленная рукопись монографии Л.А. Якушевой подтверждает это правило с сугубой очевидностью. Более чем очевидно, что монография Л.А. Якушевой и представляет собой одно из базисных исследований проблемы культурного синтеза, причем разрешается эта проблема, как констатирует автор, в нескольких плоскостях. Это личность в культуре и личностные авторские проекты как фокус культуры, и это проектирование провинциального культурного ландшафта.

Весьма важно, что при этом Л.А. Якушева фиксирует разбег своих умозрений на локальной вологодской почве, и это еще один важнейший смысловой фокус и центр исследования. Автор показывает, что потребность в разрешении глубинных противоречий бытия, в итоговой гармонии заявлена на почве воло-

годской культуры как редко где. Было бы странно, если б современная, сугубо рефлексивная эпоха, эпоха итогов и эпилогической меланхолии, не предьявила опытов научного осмысления и изъяснения того ментального парадокса, который образовал самобытную культурную матрицу и в каком-то смысле обернулся пароксизмом исторической судьбы.

Автор книги демонстрирует замечательное владение инструментарием культурологического исследования, причем и здесь опирается на интуицию культурного синтеза, соединяя, как указывается во введении, историко-типологический, семиотический и герменевтический методы, а также, нужно добавить, актуализируя ресурсы мифокритики и истории памяти. Мне особенно ценны эти два последних предьявленных Л.А. Якушевой подходов, посредством которых в книге раскрывается мифообраз Вологды (через мифологему «лица», анализ культурных проектов) и закладывается база понимания Вологды как специфического места памяти.

Книга Л.А. Якушевой во многом новаторская. В своей работе Л.А. Якушева обращает внимание на те вопросы, которые не получили достаточного освещения в научной литературе.

Следует специально отметить финальную часть монографии, где предьявлен опыт научного блогинга в социальной сети: сюжет, который еще только назревает в науке о культуре.

Нельзя сомневаться в том, что рецензируемое исследование «Фон и фигура: провинциальные сюжеты» проведено в русле современного поиска в гуманитарных науках и его необходимость и актуальность объективно обусловлены новыми представлениями, ожиданиями, предьявляемыми к культурологической научной парадигме в контексте общих процессов развития наук о культуре. По моему мнению, полученные автором результаты найдут научный отклик, вызовут интерес у исследователей смежных проблем в современных условиях.

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики,
директор Института истории и филологии
Вологодского государственного университета*

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ М.Н. ГЛУБОКОВСКОГО (1857–1903)

1 октября 2019 года в Вологодском государственном университете прошли научные чтения, посвященные памяти выдающегося человека, энциклопедиста, ученого, изобретателя, учредителя журнала «Наука и жизнь» Матвея Никаноровича Глубоковского (1857–1903).

Круглый стол в честь выдающегося ученого и журналиста объединил студентов и преподавателей университета. «Личность Матвея Глубоковского является примером для нас. Он – человек широких энциклопедических знаний, которыми щедро делился с современниками. Он – один из тех, кто составил славу Вологодской области», – поприветствовал участников чтений ректор ВоГУ, председатель Вологодского регионального отделения «Российского исторического общества» В.В. Приятелев.

Ректор ВоГУ В.В. Приятелев на открытии чтений

Программа чтений предусматривала обсуждение ряда докладов. Доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и филологии ВоГУ В.А. Саблин выступил с докладом «Общественно-политические взгляды М.Н. Глубоковского». В.А. Саблин, в частности, отметил, что главным человеком, под влиянием которого сформировались общественные воззрения Глубоковского, был известный публицист, общественный и политический деятель второй половины XIX в., основатель политической журналистики в России М.Н. Катков.

В докладе студентки Д.Ю. Жаворонковой анализировались годы учебы М.Н. Глубоковского в Вологодской духовной семинарии. В частности, по данным ведомости об успехах и поведении воспитанников образовательного учреждения за 1875–1876 учебный год, Матвей Глубоковский имел отличную успеваемость практически по всем предметам. Среди них – обзор философских учений, психология, греческий

язык, Священное Писание, физика и русский язык. Оценка «хорошо» значилась лишь по латинскому языку и за поведение.

*Выступление директора Института
истории и филологии В.А. Саблина*

Совместный доклад доктора искусствоведения, заведующего кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов М.Г. Долгушиной и О.Б. Пьянковой, доцента кафедры теории, истории музыки и музыкальных инструментов, был посвящен анализу и значению работы М.Н. Глубоковского «Гигиена голоса». Было подчеркнуто, что книга не утратила актуальности, в ней излагается механизм образования голоса, рассматривается путь воздуха при дыхании, устройство органов дыхания, объясняется отличие речи от пения. Автор исследует болезни голоса и пороки речи, такие как заикание, косноязычие, картавость, раскрывает особенности дыхания у певцов и артистов, уделяет внимание правильному положению тела, а также одежде во время пения, соблюдению диеты, отказу от табака и алкоголя.

«Созданная более века назад книга и сегодня актуальна для профессиональных артистов и певцов, преподавателей и студентов театральных факультетов и духовных семинарий», – подчеркнула О.Б. Пьянкова.

Доклад П.А. Плетневой «Коллектив авторов журнала «Наука и жизнь», издававшегося М.Н. Глубоковским», был посвящен умению М.Н. Глубоковского видеть перспективы научных исследований. Заслуживает внимания факт публикации в журнале статей К.Э. Циолковского.

Выступление студентки Института истории и филологии Е.В. Игумновой было посвящено техническим изобретениям М.Н. Глубоковского, которых насчитывалось большое количество. Среди самых известных его изобретений – карманный бильярд,

высотомер, механическая камнедробилка, аппарат для печатания красками на тканях. Остались и нереализованные проекты, среди которых – поднятие затонувших подводных лодок, реставрация Царь-колокола, план электрической дороги... Еще до появления эсперанто Матвей Никанорович разработал теорию построения всемирного научного языка и придумал оригинальную систему предсказания погоды. Среди наследия Глубоковского – несколько патентов и труды по минералогии.

Выступление доцента О.Б. Пьянковой

«Пример деятельности Глубоковского говорит о том, что для человечества важны научные открытия ученых и их умение донести свои открытия до собеседника, рассказать о них доступным языком. Сегодня академическая наука без ее популяризации не может быть эффективной. Нам нужно стремиться к тому, чтобы научные разработки и открытия доходили до массового потребителя. На решение этой задачи нацелена, в частности, деятельность Российского исторического общества», – резюмировал В.А. Саблин, завершая чтения памяти Матвея Глубоковского.

В рамках чтений состоялось открытие мемориальной доски в память М.Н. Глубоковского. Директор Института истории и филологии ВоГУ выступил в роли ведущего этого мероприятия. Инициатива открытия мемориальной доски в честь основателя журнала «Наука и жизнь» принадлежала ученым и преподавателям именно этого института.

Мемориальная доска ученому появилась на фасаде учебного корпуса № 5 со стороны Пречистенской набережной. Она расположена рядом с памятной доской в честь его брата – выдающегося богослова, церковного историка Н.Н. Глубоковского.

*Протоиерей Алексей
во время открытия мемориальной доски*

«Событие, которое нас собрало, – неординарное и в определенной степени знаковое для тех людей, кто ценит историю, отдает дань любви и уважения своей малой родине и выдающимся представителям Вологодской земли. Фамилия Глубоковских сегодня не очень известна в молодежной среде, но в этом, увы, и заключается парадокс, потому что глубина и масштаб личности Матвея Никаноровича весьма и весьма значительны», – отметил в приветственном слове ректор Вологодского государственного университета, председатель Вологодского отделения Российского исторического общества В.В. Приятелев.

Во время чтений

«Торжеством исторической справедливости» назвала открытие памятной доски главный советник управления по делам архивов области, правовой и организационно-кадровой работы Департамента культуры и туризма Вологодской области О.В. Артемова: «Приятно, что сегодня увековечена память обоих братьев, которые избрали научную стезю и были пропагандистами российской науки. И символично, что в стенах этого здания сейчас вновь расположено учебное заведение, ведь именно для наших вологодских студентов судьбы братьев Глубоковских могут стать нравственным и жизненным ориентиром».

*Студенты – участники открытия мемориальной доски
М.Н. Глубоковскому*

За сохранение исторической и культурной памяти коллектив Вологодского государственного университета поблагодарила начальник отдела общего и дополнительного образования Управления образования администрации города Вологды О.А. Бандяк.

Директор АУК ВО «Вологдареставрация» Д.Н. Русанов отметил, что такие прекрасные памятники архитектуры Русского Севера, как здание на Ленина, 15, формируют у подрастающего поколения и молодежи новую систему ценностей, ориентированных на культурно-историческую среду.

«Верю, что открывшаяся памятная доска будет не последней и еще на наших глазах этот учебный

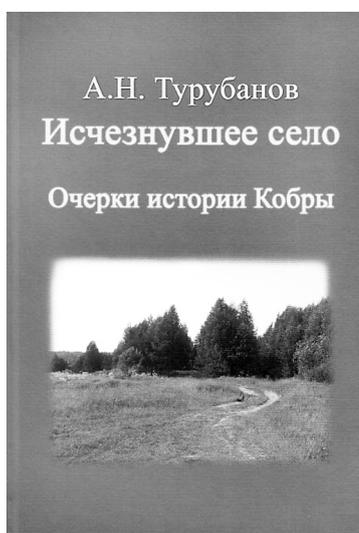
корпус ВоГУ станет похожим на одно из зданий на набережной Невы в Санкт-Петербурге, принадлежащих Академии наук. За почти 200-летнюю историю Вологодской духовной семинарии эти стены, эти аудитории тоже помнят многих достойных выпускников, ставших представителями самых разных сфер нашего общества», – подчеркнул протоиерей Алексей (Сорокин).

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики,
директор Института истории и филологии
Вологодского государственного университета*

**О ТРАГЕДИИ ПОГИБШИХ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ТУРУБАНОВ А.Н. ИСЧЕЗНУВШЕЕ СЕЛО. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОБРЫ. М., 2017. 127 с.**

Рецензируемое издание принадлежит главному научному сотруднику сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, заслуженному деятелю науки Республики Коми, доктору исторических наук, профессору, лауреату премии Правительства Республики Коми А.Н. Турубанову. Обращение автора к проблемам российского села далеко не случайно. А.Н. Турубанов специализируется на изучении проблем социально-экономической истории Республики Коми, особенностей социальной политики в регионе и на Европейском Севере России, особенностей национально-государственного строительства, историографии и источниковедения масштабной научной проблемы «История фабрик и заводов, городов и сел» нашей страны.

Рецензируемая работа А.Н. Турубанова «Исчезнувшее село. Очерки истории Кобры» написана на базе источников, которые, как правило, введены автором в научный оборот впервые, что позволило ему всесторонне осветить важнейшие события в жизни жителей данного поселения на основе документирования всех фактов.

Структура работы выглядит вполне логичной, все ее разделы (очерки) взаимосвязаны и обладают внутренней законченностью: «Дореволюционная Кобра», «Первые годы Советской власти», «На переломе», «В годы лихолетья», «Кобра в послевоенные годы».

В целом же, давая общую оценку проделанной автором работы, следует кратко остановиться на некоторых особенностях творческого метода А.Н. Турубанова. Во-первых, в книге дан довольно детальный и достаточно полный анализ сквозных тем по истории села (социально-экономическое развитие конкретного населенного пункта Коми края, условия труда и быта тружеников Кобры и т.д. и т.п.), что является одной из достоинств этой работы. Во-вторых, следует отметить довольно типологизированные и удачные примеры функционирования отдельных крестьянских хозяйств села, в-третьих, умелый подбор документальных материалов, приведенных в приложениях, что позволит в дальнейших изысканиях ученых Республики Коми раскрыть ряд новых исторических сюжетов.

В целом, в исторической литературе Республики Коми монография А.Н. Турубанова «Исчезнувшее село. Очерки истории Кобры» займет достойное место.

Литература

1. Турубанов, А.Н. Исчезнувшее село. Очерки истории Кобры / А.Н. Турубанов. – Москва, 2017. – 127 с.

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВАВИЛОВОЙ (8 АВГУСТА 1930 – 16 НОЯБРЯ 2019)

16 октября на 90-м году жизни скончалась старейший работник Вологодского педагогического института, Вологодского педагогического университета Маргарита Александровна Вавилова. Она оставила яркий след в истории вуза, в культуре города и области – и как ведущий преподаватель кафедры литературы, и как талантливый администратор, и как общественный деятель, и как ученый, внесший весомый вклад в изучение устного народного творчества Вологодского края.

Родилась М.А. Вавилова в рабочем поселке близ Нижнего Новгорода, который назывался тогда городом Горьким. В 1948 году по окончании школы приехала в Вологду, поступила на историко-филологический факультет пединститута и четыре года спустя успешно завершила свою профессиональную подготовку. Работала в базовой школе Вологодского пединститута, а с 1955 года до начала 2010-х годов – на кафедре литературы этого вуза. В 1971 году ею была защищена кандидатская диссертация по русской бытовой сказке, основному объекту ее изучения на протяжении нескольких десятилетий. Почти полвека М.А. Вавилова организовывала и проводила студенческие фольклорные экспедиции по территории Вологодского края, в ходе которых был собран богатейший материал по устному народному творчеству региона.

Те сферы деятельности, в которых проходил трудовой путь М.А. Вавиловой, обеспечили полное раскрытие ее личностных качеств. Прежде всего – это дар педагогического общения, способность к плодотворным для обоюдного личностного роста контактам. Затем – это несомненный организаторский талант, который позволял ей формировать работоспособные коллективы как у себя на факультете, так и в вузе, в городе. Ей довелось быть заведующим кафедрой, трижды она единогласно избиралась деканом факультета и руководила его работой около 30 лет. На счету у нее немало профессионально и общественно значимых дел. Благодаря им она стала заметной фигурой не только в стенах учебного заведения, где трудилась, но и в Вологодской области. Не случайно ей довелось быть в 1980-х гг. депутатом районного совета Ок-

тябрьского района г. Вологды и членом совета депутатов того же района.

Как преподаватель за полстолетия М.А. Вавилова образовала и воспитала несколько тысяч учителей, работавших и работающих ныне в разных уголках не только области, но и страны. В 1960–1970-х годах ей довелось неоднократно преподавать на летних курсах по русскому языку и литературе в Венгрии, ГДР, Румынии, приобщая к отечественной культуре граждан зарубежных стран.

Как ученого-фольклориста М.А. Вавилону знают практически все специалисты России данного профиля. В первую очередь – по работам, посвященным русской бытовой сказке и деятельности вологжан-краеведов. В этих исследованиях воплотились методологические принципы, определенные ведущими отечественными специалистами в области устного поэтического творчества (В.Я. Проппом, П.Г. Богатыревым, Э.В. Померанцевой и др.).

Вместе с тем, круг научных и преподавательских интересов Маргариты Александровны никогда не был ограниченным, она внимательно следила за тенденциями развития филологии, за процессом эволюции методики высшей школы, за изменениями в сфере образования, за тенденциями развития современного общества. Более того, в силу особенностей своего характера она инициировала интерес к этим сферам на кафедре, на факультете, в своем вузе.

За плодотворную педагогическую и культурно-просветительскую деятельность Маргарита Александровна Вавилова была награждена значками: «Отличник народного просвещения» (1980), «За отличные успехи в работе» в области высшего образования СССР (1983), «Отличник просвещения СССР» (1986), а также грамотами Министерства просвещения СССР, РСФСР. Она также имела медаль «Ветеран труда» (1985) и звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Светлая память о Маргарите Александровне Вавиловой навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллеги

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ольга Юрьевна

заведующий отделом обслуживания Межпоселенческой центральной библиотеки Грязовецкого района (Грязовец, Россия)
olga-20-77@mail.ru

Андреева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, прозаик (Вологда, Россия)
tatalandr@yandex.ru

Анфимова Ольга Николаевна

директор Музея-квартиры В.И. Белова (Вологда, Россия)
belovmuseum@yandex.ru

Гладких Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ученый секретарь Котласского краеведческого музея (Котлас, Россия)
sgladkih@inbox.ru

Дианова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
elena-dianowa@yandex.ru

Довыденко Лидия Владимировна

кандидат философских наук, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега» (Калининград, Россия)
dovidenko_L@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Ермолин Евгений Анатольевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
kaf.journ@yspu.org

Ефремова Людмила Леонидовна

главный архивист отдела ИПС Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)
9211231856@mail.ru

Зенкова Ольга Борисовна

ученый секретарь Научного совета, руководитель Отдела по изучению истории и культуры Русского Севера Культурно-исторического центра «Светоч» (Великий Устюг, Россия)
olbozenk@yandex.ru

Карпов Сергей Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ksg-asics@yandex.ru

Клочко Кристина Владимировна

магистрант направления «Публичная история» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
kristinka.klochko@mail.ru

Копытков Василий Викентьевич

действительный член Вологодского союза писателей-краеведов, заместитель генерального директора по научной работе Культурно-исторического центра «Светоч» г. Москвы Зеленоградского АО (Москва, Россия)
svarog.777@mail.ru

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
kocheshg@mail.ru

Крохина Анисия Ивановна

менеджер по рекламным проектам в ООО «Электрон» (Москва, Россия)
1198@pleer.ru

Кузнецова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
o.kuznetsova@spbu.ru

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
markovius@gmail.com

Назарова Альбина Евгеньевна

преподаватель филиала ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» в г. Егорьевске – Колледж педагогики и искусства (Егорьевск, Россия)
al.nazarova@mail.ru

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
olnikitin@yandex.ru

Обухова Екатерина Александровна

аспирант кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного научно-исследовательского университета, учитель Гимназии № 18 (Старый Оскол, Россия)
katerina-alexandrovna-obuhova@yandex.ru

Попов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Россия)
hiys84@rambler.ru

Пшеницын Дмитрий Александрович

действительный член Вологодского союза писателей-краеведов, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Светоч» (Вологда, Россия)
dimaximus72@yandex.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики, директор Института истории и филологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Селиванова Ирина Владимировна

аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
selivanova-irina@inbox.ru

Триkoz Эльвира Львовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Музея-квартиры В.И. Белова (Вологда, Россия)
elvira.trikoz@mail.ru

Фаткабратова Юлия Маратовна

кандидат филологических наук, переводчик, Инвестиционно-банковская группа (Москва, Россия)
julfm@mail.ru

Халилов Мамед Гаджихалилович

председатель Ярославского областного отделения Союза писателей России (п. Пречистое, Ярославская область, Россия)
narik-k@yandex.ru

Черкасов Валерий Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)
cherkasov.valeri@mail.ru

Юрова Надежда Михайловна

сотрудник Тарногского районного музея, прозаик, член Союза журналистов России (Тарнога, Россия)
nad.yurova55@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreyeva Olga Yuryevna

Operating Department Manager of the Central Gryazovets District Library (Gryazovets, Russia)
olga-20-77@mail.ru

Andreyeva Tatyana Aleksandrovna

Candidate of Philology, Prose Writer (Vologda, Russia)
tatalandr@yandex.ru

Anfimova Olga Nikolaevna

Head of the Belov Apartment Museum (Vologda, Russia)
belovmuseum@yandex.ru

Gladkikh Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Academic Secretary of Kotlas Museum of Local Lore (Kotlas, Russia)
sgladkih@inbox.ru

Dianova Elena Vasilyevna

Doctor of History, Associate Professor of the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
elena-dianova@yandex.ru

Dovydenko Lydia Vladimirovna

Candidate of Philosophy, Secretary of the Union of Russian Writers, Member of the Russian Union of Journalists, Editor-in-Chief of «Bereg», Literary-Artistic and Social-Political Magazine (Kaliningrad, Russia)
dovidenko_L@mail.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Ermolin Evgeny Anatolyevich

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Journalism and Publishing, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
kaf.journ@yspu.org

Efremova Lyudmila Leonidovna

Senior Archivist of the Information Systems Office, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
9211231856@mail.ru

Zenkova Olga Borisovna

Academic Secretary of the Scientific Board, Head of the Department on Studying History and Culture of Russian North, Cultural and Historical Center «Svetoch» (Veliky Ustyug, Russia)
olbozenk@yandex.ru

Karpov Sergey Grigorievich

Candidate of History, Associate Professor, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
ksg-asics@yandex.ru

Klochko Kristina Vladimirovna

Postgraduate Student (Public History), Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
kristinka.klochko@mail.ru

Kopytkov Vasily Vikentievich

Full Member of the Vologda Union of Local History Writers, Vice Director of the Cultural and Historical Centre «Svetoch» (Moscow, Russia)
svarog.777@mail.ru

Kocheshkov Gennady Nikolaevich

Doctor of History, Professor, Head of the National History Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
kocheshg@mail.ru

Krokhina Anisia Ivanovna

Advertising Project Manager at Electron LLC (Moscow, Russia)
1198@pleer.ru

Kuznetsova Olga Nikolaevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
o.kuznetsova@spbu.ru

Markov Alexander Viktorovich

Full Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Nazarova Albina Yevgenievna

Lecturer at Pedagogy and Arts College, Yegorievsk Branch of the State University of Humanities and Social Studies (Yegorievsk, Russia)
al.nazarova@mail.ru

Nikitin Oleg Victorovich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
olnikitin@yandex.ru

Obukhova Ekaterina Aleksandrovna

Postgraduate student of the Department of Theory, Pedagogics and Methodology of Primary Education and Fine Arts, Belgorod National Research University, Teacher at Gymnasium No.18 (Stary Oskol, Russia)
katerina-alexandrovna-obuhova@yandex.ru

Popov Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Senior Researcher of the National History Sector of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)
hiys84@rambler.ru

Pshenitsyn Dmitry Aleksandrovich

Full Member of the Vologda Union of Local History Writers, Head of the Genealogical Research Department of the Cultural and Historical Centre «Svetoch» (Vologda, Russia)
dimaximus72@yandex.ru

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Director of the Institute of History and Philology, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Selivanova Irina Vladimirovna

Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
selivanova-irina@inbox.ru

Trikoz Elvira Lvovna

Candidate of Philology, Research Fellow of the Belov Apartment Museum (Vologda, Russia)
elvira.trikoz@mail.ru

Fatkabrarova Yulia Maratovna

Candidate of Philology, Translator, Investment Banking Group (Moscow, Russia)
julfm@mail.ru

Khalilov Mamed Gadzhikhalilovich

Chairman of Yaroslavl Regional Branch of the Union of Russian Writers (Prechistoye, Yaroslavl Oblast)
napik-k@yandex.ru

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory, Pedagogics and Methodology of Primary Education and Fine Arts, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)
cherkasov.valeri@mail.ru

Yurova Nadezhda Mikhailovna

Scientific Worker in Tarnoga District Museum, Prose Writer, Member of the Russian Union of Journalists (Tarnoga, Russia)
nad.yurova55@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 4 (15) / 2019

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 11.12.2019. Выпуск в свет 18.12.2019. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 14,1. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 56 экз. Заказ № 363. Бесплатно

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru